

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА № 1 (16) 2024

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Главный редактор:

Потапенко Сергей Викторович, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета им. А.А. Хмырова, заведующий кафедрой гражданского процесса и международного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Заместитель главного редактора:

Лунарев Евгений Борисович, доктор юридических наук, профессор, академик ЕААН, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по научной работе, заведующий кафедрой конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Ответственный секретарь:

Горенко Максим Геннадьевич, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Члены редакционного совета:

Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Бочкарева Екатерина Александровна, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой административного и финансового права, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар, Россия

Буэно Жозе Геральдо Романелло, профессор гражданского права, Просветерианский университет Маккензи, г. Белу-Оризонти, Федеративная Республика Бразилия

Гладышева Ольга Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Гусев Алексей Васильевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Добробаба Марина Борисовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий, Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия

Жеребцов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Жинкин Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Камышанский Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия

Киреева Елена Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, декан факультета управления персоналом и государственной службы, заведующая кафедрой правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Коняхин Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Костенко Роман Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Лозовский Денис Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Нудненко Лидия Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Позднышов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, Ростовский экономический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Попова Юлия Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и административного судопроизводства, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар, Россия

Прохоров Леонид Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Прохорова Марина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Руденко Александр Викторович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Рыженков Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, Россия

Салимгерей Арон Аманжолович, кандидат юридических наук, доцент, директор, Институт государства и права Казахского национального университета им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Семенов Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Слесарев Владимир Львович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Срето Ного, доктор права, профессор, Ассоциация международного уголовного права Республики Сербия, г. Белград, Республика Сербия

Старилов Юрий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права юридического факультета, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Шарифзода Файзали Рахмонали, доктор юридических наук, профессор, начальник Академии МВД Республики Таджикистан, генерал-майор милиции, Академия МВД Республики Таджикистан, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Щенникова Лариса Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Редакция не несет ответственности за информацию, опубликованную в рекламных объявлениях.

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых материалов.

При использовании материалов ссылки на журнал «Юридический вестник Кубанского государственного университета» обязательны.

Условия использования материалов журнала: контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 20.04.2012 г.

Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС 77-49493

ISSN: 2078-5836 (Print)

ISSN: 2782-5841 (Online)

Префикс DOI: 10.31429/20785836

Индексирование: журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук со 2 декабря 2019 г.

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Цели и область: в журнал принимаются к опубликованию рукописи начинающих и опытных авторов, содержащие актуальные, новые и оригинальные результаты научных и прикладных исследований в различных сферах юридической науки, с целью их дальнейшего развития, решения актуальных проблем, взаимодействия ученых в России и других странах мира.

Журнал публикует основные результаты научно-исследовательской и научно-практической деятельности по области науки – Социальные и гуманитарные науки (группа научных специальностей – 5.1. Право; научные специальности: 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. – Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. – Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. – Уголовно-правовые науки).

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Сайт журнала: <http://urvkubsu.elpub.ru>

Адрес редакции: Рашилевская ул., д. 43, г. Краснодар, Россия, 350000, тел.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре КубГУ: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040.

Подписано в печать: 30.03.2024. Дата выхода в свет: 08.04.2024.

Усл. печ. л. 11,6. Тираж 100 экз. Заказ №

История издания журнала: издается с 2009 г.

Периодичность: выходит 4 раза в год.

Цена: свободная.

Возрастное ограничение: для лиц, старше 16 лет.

На обложке журнала использовано изображение с ресурса <https://crello.com>

© «Юридический вестник Кубанского государственного университета», 2024.

Legal Bulletin of the Kuban State University № 1 (16) 2024

Founder:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KUBGU"), Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Editor-in-Chief:

Sergey V. Potapenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, Head of the Department of Civil Procedure and International Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Deputy Editor-in-Chief:

Evgeniy B. Luparev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Academician of the EAAN, Deputy Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law for Research, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Executive Secretary:

Maxim G. Gorenko, Cand. of Sci. (Law), lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubSU, Krasnodar, Russia

Members of the Editorial Board:

Gyulnaz E. Adygezalova, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexey P. Anisimov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and International Private Law, Volgograd State University, Volgograd, Russia

Ekaterina A. Bochkareva, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Administrative and Financial Law, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia

Jose G.R. Bueno, Professor of Civil Law, McKenzie Valerian University, Belo Horizonte, Federal Republic of Brazil

Olga V. Gladysheva, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexey V. Gusev, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminology, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

Marina B. Dobrobaba, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies, O.E. Kutafin Moscow State Law Academy, Moscow, Russia

Alexey N. Zherebtsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

Sergei A. Zhinkin, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Vladimir P. Kamyshansky, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia

Elena Y. Kireeva, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Personnel Management and Public Administration, Head of the Department of Legal Support of State and Municipal Service, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Vladimir P. Konyakhin, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Roman V. Kostenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Denis N. Lozovskiy, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Lidiya A. Nudnenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Legal Support of State and Municipal Service, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Alexey N. Pozdnyshov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Rostov University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Leonid A. Prokhorov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Marina L. Prokhorova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Yulia A. Popova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Proceedings, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia

Alexander V. Rudenko, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Anatoliy Y. Ryzhenkov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Kalmyk State University, Elista, Russia

Aron A. Salimgerei, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Director, Institute of State and Law of Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Vladimir A. Sementsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Vladimir L. Slesarev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Chief Researcher, S.S. Alekseev Private Law Research Center under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Nogo Sreto, Doctor of Law, Professor, Association of International Criminal Law of the Republic of Serbia, Belgrade, Republic of Serbia

Yuri N. Starilov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Administrative and Administrative Procedural Law of the Faculty of Law, Voronezh State University, Voronezh, Russia

Fayzali R. Sharifzoda, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Major General of Militia, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Larisa V. Shchennikova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Publisher:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KUBGU"), Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

The editorial board is not responsible for the information published in advertisements.

The editorial board does not always share the point of view of the authors of the published materials.

When using the materials, references to the journal "**Legal Bulletin of the Kuban State University**" are mandatory.

Terms of use for journal materials: Content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications on 20.04.2012.

Certificate of Registration: PI №FS 77-49493

ISSN: 2078-5836 (Print)

ISSN: 2782-5841 (Online)

Prefix DOI: 10.31429/20785836.

Indexing: the journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science are to be published from December 2, 2019.

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI).

Objectives and scope: the journal accepts for publication the manuscripts of novice and experienced authors containing relevant, new and original results of scientific and applied research in various fields of legal science, with the aim of their further development, solving topical problems, interaction of scientists in Russia and other countries of the world.

The journal publishes the main results of research and scientific and practical activities in the field of science – Social Sciences and Humanities (group of scientific specialties – 5.1. Law; scientific specialties: 5.1.1. – Theoretical-historical legal sciences; 5.1.2. – Public law (state law) sciences; 5.1.3. – Private law (civil law) sciences; 5.1.4. – Criminal law sciences).

The editorial board does not charge the authors for the preparation, placement and printing of materials.

Journal website: <http://urvkubsu.elpub.ru>

Editorial office address: Rashpilevskaya str., 43, Krasnodar, Russia, 350000, tel.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Printed at the publishing and printing center of KubGU: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040.

Signed to the press: 30.03.2024. Release date: 08.04.2024.

Usl. pech. l. 11,6. Edition of 100 copies. Order No

Publishing history of the journal: published since 2009.

Frequency: published 4 times a year.

Price: free.

Age limit: for persons over 16 years of age.

An image from the resource is used on the cover of the magazine <https://crello.com>

© "**Legal Bulletin of the Kuban State University**", 2024.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Жинкин С.А.</i> Об отрицательной эффективности в праве, ее видах и показателях	7
<i>Карапетян Л.А., Морозова О.Г.</i> Историко-теоретические основы политико-правового консерватизма правомонархических радикальных политических партий России в 1905-1911 гг. (на примере союза русского народа).....	14

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Авакян А.М.</i> Публичные страховые правоотношения: соотношение конституционно-правового, административно-правового и финансово-правового аспектов.....	22
<i>Берлизов М.П., Проценко Д.С.</i> К вопросу о сущности и содержании термина «Государственная охрана объектов культурного наследия народов Российской Федерации».....	31
<i>Епифанова Е.В.</i> Административно-правовое обеспечение государственного контроля за испытанием фармакологических препаратов.....	39
<i>Занина Т.М.</i> Актуальные проблемы деятельности полиции в предупреждении противоправной деятельности несовершеннолетних экстремистской направленности.....	45
<i>Лупарев Е.Б.</i> Административно-правовой статус лиц с психическими расстройствами.....	52
<i>Орехова Н.А.</i> К вопросу о предупреждении преступности и правонарушений в сфере незаконных действий с наркотическими средствами и психотропными веществами.....	58

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Блинников Л.А.</i> Правовое прогнозирование как условие успешного развития отечественного судопроизводства.....	66
<i>Елисеева И.А.</i> Земельный участок и часть земельного участка как объекты земельных и имущественных отношений.....	72
<i>Потапенко С.В.</i> Интерактивная мультимедийная презентация как цифровой образовательный ресурс – объект интеллектуальных прав.....	81

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Гладышева О.В., Семенцов В.А., Лошкобанова Я.В.</i> Искусственный интеллект и цифровые (электронные) доказательства в уголовном судопроизводстве.....	89
<i>Журавков И.А.</i> Особенности деятельности следователя в ситуациях криминалистического риска...	100
<i>Потапенко Н.С.</i> Особенности составов преступлений, входящих в отраслевой институт уголовной ответственности за криминальное банкротство	108
<i>Ханджян К.А.</i> Уголовно-правовое противодействие использованию информационно-телекоммуникационных сетей для совершения преступлений в игровой сфере	115

CONTENTS

THEORETICAL-HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Sergey A. Zhinkin</i> On negative effectiveness in law, its types and indicators.....	7
<i>Leva A. Karapetyan, Oksana G. Morozova</i> Historical and theoretical foundations of political and legal conservatism of the right-monarchical radical political parties of Russia in 1905-1911. (using the example of the Union of the Russian people).....	14

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Alesya M. Avakyan</i> Public insurance legal relations: correlation of constitutional, administrative, legal and financial aspects.....	22
<i>Mikhail P. Berlizov, Denis S. Protsenko</i> On the issue of the essence and content of the term "state protection of cultural heritage objects of the peoples of the Russian Federation".....	31
<i>Elena V. Epifanova</i> Administrative and legal support of state control over the testing of pharmacological preparations.....	39
<i>Tatiana M. Zanina</i> Actual problems of police activity in preventing illegal activities of extremist minors.....	45
<i>Evgeniy B. Luparev</i> Administrative and legal status of persons with mental disorders.....	52
<i>Natalya A. Orekhova</i> On the prevention of crime and offenses in the field of illegal actions with narcotic drugs and psychotropic substances.....	58

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

<i>Leonid A. Blinnikov</i> Legal forecasting as a condition for the successful development of domestic legal proceedings.....	66
<i>Inga A. Eliseeva</i> A land plot and a part of a land plot as objects of land and property relations.....	72
<i>Sergey V. Potapenko</i> Interactive multimedia presentation as a digital educational resource – an object of intellectual rights.....	81

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Olga V. Gladysheva, Vladimir A. Sementsov, Yana V. Loshkobanova</i> Artificial intelligence and digital (electronic) evidence in criminal proceedings.....	89
<i>Ilya A. Zhuravkov</i> Features of the investigator's activity in situations of forensic risk.....	100
<i>Nikolay S. Potapenko</i> Features of the elements of crimes included in the branch institute of criminal liability for criminal bankruptcy	108
<i>Kliment A. Khandzhyan</i> Criminal law counteraction to the use of information and telecommunication networks for the commission of crimes in the gambling sphere.....	115

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-7-13>

ОБ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ В ПРАВЕ, ЕЕ ВИДАХ И ПОКАЗАТЕЛЯХ

Жинкин С.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Жинкин С.А. Об отрицательной эффективности в праве, ее видах и показателях. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(1):7–13.
<https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-7-13>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Жинкин Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: + 7 (928) 906-30-10

E-mail: sergei.zhinkin@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 02.02.2024

Статья принята к печати: 01.03.2024

Дата публикации: 30.03.2024

Аннотация: *Целью* данной статьи является исследование феномена отрицательной эффективности в праве, в том числе применительно к системе законодательства современной России. Для достижения указанной цели в качестве *задач* представляется необходимым дать определение самому феномену отрицательной эффективности и попытаться выявить разновидности и показатели отрицательной эффективности.

Для решения поставленных задач в статье будет использован ряд *методов* исследования: логические (описание, доказывание, классификация), исторический, системно-структурный анализ, сравнительный, формально-догматический, социологические.

В *результате* исследования показано, что феномен отрицательной эффективности не только реально существует, но и неотъемлемо присущ правовой системе и ее элементам, в том числе отдельным нормативным актам и правовым нормам; он имеет различные формы проявления и разновидности.

Вывод. Для более успешного противодействия отрицательной эффективности необходимо четко определить ее отраслевые и иные практические показатели, формы внешнего выражения, а также наметить доктринальные и практические пути как борьбы с ней, так и ее предотвращения в современном законодательстве и юридической деятельности.

Ключевые слова: отрицательная эффективность, нормы права, законодательство, юридическая деятельность.

ABOUT NEGATIVE EFFECTIVENESS IN LAW, ITS TYPES AND INDICATORS

Sergey A. Zhinkin

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Zhinkin S.A. On negative Effectiveness in Law, its Types and Indicators. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(1):7–13. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-7-13>

CONTACT INFORMATION:

Sergey A. Zhinkin, Dr. of Sci. (Law), Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: + 7 (928) 906-30-10

E-mail: sergei.zhinkin@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 02.02.2024

The article has been accepted for publication: 01.03.2024

Date of publication: 30.03.2024

Annotation: The *purpose* of this article is to study the phenomenon of negative effectiveness in law, including in relation to the system of legislation of modern Russia. To achieve this goal, it seems necessary to define the phenomenon of negative efficiency itself as *tasks* and try to identify varieties and indicators of negative efficiency.

To solve the tasks set in the article, a number of research *methods* will be used: logical (description, proof, classification), historical, system-structural analysis, comparative, formal-dogmatic, sociological.

As a *result* of the study, it is shown that the phenomenon of negative effectiveness not only really exists, but is also inherent in the legal system and its elements, including individual normative acts and legal norms; it has various forms of manifestation and varieties.

Conclusion. For a more successful fight against negative effectiveness, it is necessary to clearly define its sectoral and other practical indicators, forms of external expression, as well as outline doctrinal and practical ways both to combat it and to prevent it in modern legislation and legal activity.

Keywords: negative efficiency, legal norms, legislation, legal activity.

Введение

Проблематика эффективности в праве, в том числе эффективности правовых норм, уже многократно становилась предметом научных исследований. При этом предметом изучения выступали как понятие эффективности права и его норм [3], так и вопросы видов эффективности правовых норм, проблемы социальной эффективности [5, с. 35–38]. В постсоветский период появляется целый ряд новых интересных подходов к проблемам эффективности в праве. Так, представляет несомненный интерес разработанная профессором В.В. Лапаевой концепция эффективности законодательства под углом зрения состояния социальной конфликтности. Она указывала, что «под эффективностью закона следует понимать степень соответствия реального уровня конфликтности в урегулированной законом сфере отношений оптимальному для данной сферы уровню социальной конфликтности»¹. В зарубежной доктрине тоже можно встретить работы, в которых само назначение права усматривается, помимо прочих моментов, в «поддержании некоего минимального уровня конфликтности» [2, с. 24]. Применительно к тематике данной статьи, можно утверждать, что в таком случае и отрицательную эффективность права, юридической деятельности следует оценивать (в качестве одного из критериев) по уровню социальной конфликтности, по динамике этого уровня.

¹ Лапаева В.В. Социология права: учебное пособие. М.: Норма, 2004. С. 215–216.

Некоторое освещение получили в литературе и вопросы отрицательной эффективности. В современной отечественной юриспруденции и правовой практике отрицательная эффективность в праве и правовой системе, тем не менее, все еще не исследуется как самостоятельная проблема, а лишь в некоторых случаях затрагивается в связи с исследуемыми вопросами оптимизации механизма правового регулирования [1, с. 43–54], повышения качества издаваемых нормативных актов [8, с. 5–14], совершенствования нормотворческой деятельности и соблюдения требований законодательной техники¹, повышения эффективности правовой регламентации экономики² и социального законодательства [7], в связи с исследованием места и функций конкретного индивида в социальной и правовой жизни³, реализацией принципа взаимной ответственности государства и личности⁴, проблемами взаимодействия власти и общества [9, с. 479–480], взаимодействия государства и гражданского общества [4, с. 13–21] и т.д.

Подводя некоторые итоги анализу степени разработанности избранной для данной статьи проблематики, следует констатировать, что характеристики, разновидности и аспекты отрицательной эффективности в правовой системе и ее элементах до настоящего времени в отечественной юридической науке не изучались как самостоятельная проблема. Это относится и к отрицательной эффективности действующего законодательства, и к отрицательной эффективности юридической деятельности, в том числе правотворческой, правоприменительной, правового воспитания и т.д.

Целью исследования выступает анализ феномена отрицательной эффективности как норм права, так и иных элементов правовой системы, ее показателей и путей борьбы с ней.

Методология исследования включает прежде всего комплекс логических методов (описание, классификация, определение, доказывание и т.д.), а также исторический метод, системно-структурный анализ, социологические методы. Существенная роль в исследовании отрицательной эффективности должна принадлежать формально-догматическому методу, заключающемуся в анализе правовых текстов на предмет выявления правотворческих ошибок.

Результаты исследования

Наличие отрицательной эффективности в правовой системе или ее элементах, отрицательной эффективности отдельных норм, не является самоочевидным, а подлежит установлению и обоснованию. Отрицательная эффективность обязательно сопровождается наступлением определенных неблагоприятных последствий, отрицательных эффектов. Отрицательные эффекты – это те неблагоприятные явления и процессы, которые могут проявляться в правовой системе и которые свидетельствуют об отдалении ее элементов от поставленных целей, от их назначения, о невыполнении либо неполном, искаженном выполнении элементами правовой системы своих функций. Поэтому и необходимо прежде всего установить само наличие явно наблюдаемых и по возможности измеримых отрицательных эффектов для того, чтобы более или менее действенно с ними бороться.

При этом проявляющиеся отрицательные эффекты нуждаются в своей классификации. Классифицировать отрицательные эффекты можно по различным основаниям. Прежде всего, в зависимости от элементов правовой системы следует различать отрицательные эффекты от:

- норм права и нормативных актов, их групп;
- юридической деятельности;
- правового воспитания;
- правовой идеологии и т.д.

По времени наступления отрицательные эффекты можно разделить на немедленные и отдаленные. При этом следует выработать критерии того, чтобы считать эффект именно «отдаленным». Например, отдаленным отрицательным эффектом неправильно сформированного

¹ Пшеничников М.А. Гармонизация российского законодательства (теория, практика, техника): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2011. 706 с.

² Тихомиров Ю.А. Эффективность законодательства в экономической сфере: научно-практическое исследование. М.: Городец, 2010. 384 с.

³ Бабаджанян К.А. Взаимная ответственность личности и государства как основа гармонизации взаимоотношений между ними (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 183 с.

⁴ Черепанова О.С. Реализация принципа взаимной ответственности государства и личности (вопросы теории): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 220 с.

налогового законодательства может стать отток капитала, постепенное сокращение числа создаваемых предприятий, перенесение деятельности предприятий в другие государства.

По форме внешнего поведенческого выражения отрицательные эффекты могут выражаться как в социально вредных активных действиях, так и в бездействии, препятствующем эффективности тех или иных элементов правовой системы; при этом как действие, так и бездействие должны носить массовый, системный характер. Это может быть, в частности, нормативно установленное или допускаемое бездействие государственных органов в случае протекания тех или иных социально вредных действий или процессов, которое приводит к отдалению от намеченных целей регламентации соответствующих отношений.

Отрицательные эффекты также целесообразно разделять на прямые и побочные. К последним можно отнести, например, непредвиденное увеличение затрат ресурсов на реализацию тех или иных норм и, соответственно, на достижение их целей; потерю самими поставленными целями социальной привлекательности или социальной полезности вследствие изменения обстановки и т.д.

Отрицательные эффекты можно, кроме того, разделить на юридические и социальные. Если первые связаны с наступлением юридических последствий, противоположных намеченным (например, вместо уменьшения количества тех или иных правонарушений произошел их рост), то вторые – с причинением существенного вреда регулируемым общественным отношениям и процессам, который превышает приносимую правовым регулированием пользу.

В отдельном исследовании, на мой взгляд, нуждаются психологические отрицательные эффекты. Если психологическая эффективность законодательства выражается в выработке в общественном сознании уважения к нему и солидарности с ним, то при отрицательной психологической эффективности мы имеем обратный результат действия норм – неуважение к нормам, их психологическое неприятие в массовом сознании, психологическое игнорирование в социально значимом поведении. И такое неуважение и неприятие обязательно выражаются в актах юридически значимого поведения, например, массовых протестных акциях, массовом мародерстве, участии в организованных преступных группах и т.д.

Перейдем к рассмотрению видов и показателей отрицательной эффективности юридической деятельности. Отрицательная эффективность юридической деятельности – это наступившее в результате осуществления конкретного вида деятельности отдаление от тех целей, для достижения которых данная деятельность осуществляется. Например, вместо повышения уровня законности в соответствующей сфере, регионе, происходит его снижение.

Отрицательную эффективность юридической деятельности следует классифицировать в зависимости от вида самой деятельности на:

- отрицательную эффективность правотворческой деятельности;
- отрицательную эффективность правоприменительной деятельности, в том числе таких ее разновидностей, как оперативно-исполнительная и правоохранительная;
- отрицательную эффективность деятельности по правовой пропаганде и правовому воспитанию.

Отрицательная эффективность в правотворчестве выражается в складывании ситуаций пробельности или коллизионности правового регулирования, а также в деоптимизации методов правового регулирования, что ведет к заурегулированности соответствующих отношений или их недостаточной либо неточной урегулированности. Такая чрезмерная или недостаточная урегулированность не является самоочевидной, а подлежит установлению на основе данных о наступлении в соответствующей регулируемой сфере тех или иных неблагоприятных последствий.

Об отрицательной эффективности правотворческой либо правоприменительной деятельности может свидетельствовать отрицательная эффективность издаваемых в результате этих видов деятельности правовых актов – нормативных либо правоприменительных. Важными показателями отрицательной эффективности правовых актов могут выступать: статистические данные; существенное увеличение жалоб граждан и их иных связанных с конфликтными ситуациями обращений; данные социологических опросов; массовые обжалования действий государственных органов; материалы независимых проверок; данные, фиксирующие массовое неисполнение норм или их неверную реализацию соответствующими органами.

Показателями отрицательной социальной эффективности в юридической деятельности могут являться массовые экологические и техногенные катастрофы вследствие неудовлетворительного состояния соответствующего правового регулирования и неверной деятельности государственных

органов; устойчивый спад производства; массовое прекращение деятельности предприятий и организаций; массовая невозможность выполнения финансовых обязательств; массовые грубые нарушения законности; рост сепаратизма и иных деструктивных общественных движений. В связи с наличием и уровнем этих показателей и должны намечаться конкретные меры, которые обязательно должны включать существенное изменение действующего законодательства и порядка осуществления соответствующей деятельности, существенную корректировку правовых процедур и механизмов.

Значимым показателем отрицательной эффективности юридической деятельности государственных органов, как уже отмечалось выше, является массовое обжалование в судебные органы их решений и действий. Такое обжалование для признания эффективности юридической деятельности отрицательной должно носить усиливающийся либо существенно более высокий по сравнению с предшествующим периодом характер.

Научная дискуссия

Категория эффективности в правовой системе и в действии ее элементов, хотя и весьма обстоятельно изучалась через призму действенности регламентации общественных отношений, но все же доктринально использовалась скорее в русле целей государственной политики, а не потребностей реального общественного развития. Поэтому выделение и исследование отрицательной эффективности в праве в советский период, по сути, означало бы признание отрицательной эффективности государственной политики, ее направлений.

В современной российской науке даже само понятие отрицательной эффективности в праве остается не разработанным ни в общем концептуальном виде, ни в своих различных аспектах. Другими словами, имеет место доктринальный пробел в исследовании феномена отрицательной эффективности в праве. Это же касается и средств борьбы с отрицательной эффективностью. Перейдем в этой связи к рассмотрению средств борьбы с отрицательной эффективностью в правовой системе.

Прежде всего, необходимой составляющей правотворческого процесса и комплекса мер по обеспечению эффективности и предотвращению отрицательной эффективности должна выступать соответствующая экспертиза, которую следовало бы назвать социальной и которая призвана выверить, сбалансировать нормативный правовой акт или проект нормативного правового акта с точки зрения интересов различных социальных объединений и групп и социально-правовых ценностей. В литературе справедливо подчеркивается, что экспертиза в различных своих разновидностях «является превентивным способом устранения негативных факторов (неэффективных элементов) различного характера в правовых актах и проектах правовых актов»¹. Очевидно, что положительно эффективный правовой акт, обладающий высоким технико-юридическим качеством, адекватно отражающий социально-правовые ценности и позитивно влияющий на формирование и повышение правовой культуры общества и личности, может быть создан только в результате правильного применения комплекса экспертиз различной видовой направленности, а также в результате проведения широкого и содержательного общественного обсуждения.

Такая социальная экспертиза должна охватывать, как представляется, и ценностные аспекты. Общественная экспертиза законопроектов, как и их систематическое и многоаспектное общественное обсуждение, должны стать и неотъемлемой частью ценностного воспитания в современной России в целях обеспечения его эффективности.

Далее, существенную роль в плане борьбы с отрицательной эффективностью играет правильное и конкретное целеполагание в правотворческой и правоприменительной деятельности, а также в воспитательной и пропагандистской работе. Постановка четких и измеримых целей позволит впоследствии определять, достигнуты ли эти цели, какова степень их достижения и какие показатели свидетельствуют об отдалении от поставленных целей.

Важной составляющей предотвращения отрицательной эффективности в праве должно стать системное и продуманное формирование уважительного ценностного отношения членов общества к самому действующему праву и к иным элементам правовой системы. В социологии такое отношение традиционно различается в двух аспектах: терминальном и инструментальном. Терминальный аспект составляет отношение к действующему праву как самостоятельной ценности цивилизации. В

¹ Кудашкин А.В. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика: научно-практическое пособие. М.: Норма, Инфра-М, 2012. С. 16.

инструментальном аспекте право подвергается оценке с позиций того, представляет ли оно собой ценность как средство осуществления других, неправовых целей. Формирование в общественном сознании такого двухаспектного отношения к праву и иным элементам правовой системы как к ценностям выступает сегодня одним из существенных факторов обеспечения эффективности системы правового и ценностного воспитания, в деятельности которой должны быть широко задействованы не только государственные структуры, но и общественные институты. При этом сами граждане должны быть активно вовлечены в процессы обсуждения и последующего нормативного закрепления социальных ценностей.

В связи с вышеизложенным, необходима разработка и реализация комплекса мероприятий по повышению качественного уровня общей и правовой культуры должностных лиц, поскольку она в существенной степени влияет на состояние правовой культуры общества в целом, социальных групп и отдельно взятой личности. Это должно стать важнейшим культурным и организационным средством борьбы с отрицательной эффективностью в праве. Борьба с отрицательной эффективностью в праве сегодня требует усиления внимания к ценностным и воспитательным свойствам правоприменительных актов, к их идеологическому содержанию.

Для борьбы с отрицательной эффективностью юридической деятельности и правовых актов целесообразно своевременно анализировать и по возможности предотвращать либо устранять уже появившиеся юридические ошибки, встречающиеся в принимаемых нормативно-правовых актах, как потенциальные факторы отрицательной эффективности, в том числе:

- неверное определение предмета предполагаемой правовой регламентации;
- неправильный выбор формы предполагаемого к изданию правового акта;
- некорректный выбор комплекса методов правового регулирования;
- неверное толкование содержания изданного акта в связи с его нечеткими или двусмысленными формулировками;
- неправильное использование терминологии;
- неверные системные связи между актами, в том числе разной юридической силы;
- несвоевременная корректировка или отмена устаревших актов и т.д.

Следует согласиться с Ю.А. Тихомировым в том, что важным средством борьбы с отрицательной эффективностью является постоянный контроль появляющихся особенностей реализации нормативных и иных правовых актов. При этом им рекомендуется использовать следующие формы контроля:

- А) информацию о выполнении законов на заседаниях представительных органов, их постоянных комиссий;
- Б) запросы депутатов;
- В) анализ реализации законов на совещаниях исполнительных органов;
- Г) проверки на местах;
- Д) изучение общественного мнения (жалоб, выступлений прессы, опросов и т.п.);
- Е) анализ статистической и иной информации;
- Ж) экспертные оценки научных учреждений, групп специалистов [6, с. 406].

В качестве социального показателя отрицательной эффективности деятельности правотворческих органов следует рассматривать резкое уменьшение участия представителей общества в правотворческом процессе. Это может выражаться в прекращении либо формализации общественных обсуждений законопроектов, в уменьшении количества обращений граждан с законодательными предложениями, в массовой критике принятых нормативно-правовых актов.

Итак, юридическая наука и практика нуждаются в детальной разработке и практической реализации на федеральном и региональном уровнях комплекса мероприятий по предотвращению либо искоренению отрицательной эффективности различных элементов правовой системы: норм права, правотворческой и правоприменительной деятельности, правового воспитания и правовой пропаганды и т.д.

Список использованной литературы:

1. Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению. *Журнал Российской права*. 2013;200(8):43–54.
2. Ллойд Д. Идея права: монография / пер. с англ. М.А. Юмашевой, Ю.М. Юмашева. М.: Югона; 2004.

References:

1. Vlasenko N.A. [The crisis of law: problems and approaches to solution]. *Journal of Russian Law*. 2013;200(8):43–54. (In Russ.)]
2. Lloyd D. [The idea of law: monograph] / translated from English by M.A. Yumasheva, Y.M. Yumasheva. M.:

3. Никитинский В.И. Эффективность норм трудового права: монография. М.: Юридическая литература; 1971.
4. Нудненко Л.А. Личность в координатах модернизации взаимодействия гражданского общества и правового государства. *Государство и право*. 2015;(4):13–21.
5. Пунченко С.И. О социальной эффективности норм права. *Современное право*. 2012;(1):39–40.
6. Тихомиров Ю.А. Управление на основе права: монография. М.: Формула права; 2007.
7. Тихомиров Ю.А., Нанба С.Б., Цомартова Ф.В. Социальная концепция права: новый подход. *Журнал Российского права*. 2014;212(8):32–37.
8. Хабриева Т.Я. Современное правотворчество и задачи юридической науки. *Журнал Российского права*. 2014;224(8):5–13.
9. Хайрутдинова Л.Р. Взаимодействие власти и общества или симптом мнимого диалога. *Юридическая техника*. 2014;(8):479–480.
- Yugona; 2004. (In Russ.)]
3. Nikitinsky V.I. [Effectiveness of labor law norms]. M.: Legal literature; 1971. (In Russ.)]
4. Nudnenko L.A. [Personality in the coordinates of modernization of interaction between civil society and the rule of law]. *State and law*. 2015;(4):13–21. (In Russ.)]
5. Punchenko S.I. [On the social effectiveness of the norms of law]. *Modern law*. 2012;(1):39–40. (In Russ.)]
6. Tikhomirov Yu.A. [Management based on law]. M.: Formula of law; 2007. (In Russ.)]
7. Tikhomirov Yu.A., Nanba S.B., Tsomartova F.V. [Social concept of law: a new approach]. *Journal of Russian Law*. 2014;212(8):32–37. (In Russ.)]
8. Khabrieva T.Ya. [Modern lawmaking and the tasks of legal science]. *Journal of Russian Law*. 2014;224(8):5–13. (In Russ.)]
9. Khairutdinova L.R. [The interaction of government and society or a symptom of an imaginary dialogue]. *Legal technique*. 2014;(8):479–480. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жинкин Сергей Алексеевич

доктор юридических наук, профессор кафедры теории истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID ID 0000-0002-0291-4469

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Zhinkin

Dr. of Sci. (Law), Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID ID 0000-0002-0291-4469

ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО КОНСЕРВАТИЗМА ПРАВОМОНАРХИЧЕСКИХ РАДИКАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ В 1905-1911 гг. (НА ПРИМЕРЕ СОЮЗА РУССКОГО НАРОДА)

Карапетян Л.А.*¹, Морозова О.Г.²

¹ Северо-Кавказский филиал ФГБОУ ВО «Российский
государственный университет правосудия»
(Красных Партизан ул., д. 324, г. Краснодар, Россия,
350020)

² ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия,
350040)

Ссылка для цитирования: Карапетян Л.А., Морозова О.Г. Историко-теоретические основы политико-правового консерватизма правомонархических радикальных политических партий России в 1905-1911 гг. (на примере Союза русского народа). *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(1):14–21. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-14-21>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Карапетян Лева Александрович*, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

Адрес: ул. Красных Партизан, д. 324, г. Краснодар, Россия, 350020

Тел.: +7 (861) 251-69-20

E-mail: Leva.karapetyan.53@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 30.01.2024

Статья принята к печати: 29.02.2024

Дата публикации: 30.03.2024

Аннотация: В статье дан краткий анализ государственной концепции СРН в 1905-1907 гг. в период относительного идейного и организационного единства партии во главе с А.И. Дубровиным через призму традиционных православных духовных и политических ценностей в сравнительном контексте с воззрениями П.Е. Казанского, Л.А. Тихомирова, И.А. Ильина. В своей идейной деятельности партия исходила из известной с 1830-х формулы «Православие, Самодержавие, Народность», которую дополнила пунктом «Единство и неделимость России».

В результате исследования определено, что историко-теоретической основой политико-правового консерватизма радикальных правомонархических партий в лице СРН являлись концепции государственности, основанные на христианском мировоззрении, представляющие отдельное направление в историографии. К нему мы относим труды Л.А. Тихомирова, П.Е. Казанского, И.А. Ильина. Более того, наиболее радикальная часть партии не воспринимала указания данного направления о наличии социальных предпосылок возникновения и функционирования национального государства. Некоторые представители партии воспринимали государство не с чисто формальной юридической точки зрения, а с религиозно-нравственной, другие же обосновывали правовые основы власти Российского императора. Но все они были сторонниками монархической формы правления унитарного государственного устройства и авторитарного режима.

Вывод. СРН популяризировал идеи, заключенные в триаде «Православие, Самодержавие, Народность» с дополнением девиза «Единство и неделимость России» всеми доступными и неправовыми (погромная деятельность, антисемитизм) средствами и резко негативно выступал против либеральных и социалистических концепций государственности рубежа XIX-XX вв.

Ключевые слова: государство, самодержавие, православие, народность, верховная власть, консерватизм, партия.

HISTORICAL AND THEORETICAL FOUNDATIONS OF POLITICAL AND LEGAL CONSERVATISM OF RIGHT-WEIGHT RADICAL POLITICAL PARTIES OF RUSSIA IN 1905-1911 (BASED ON THE EXAMPLE OF THE UNION OF THE RUSSIAN PEOPLE)

Leva A. Karapetyan*¹, Oksana G. Morozova²

1 North Caucasus Branch of the FGBOU VO «Russian
State University of Justice»
(Krasnykh Partizan str., 324, Krasnodar, Russia, 350020)
2 FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Karapetyan L.A., Morozova O.G. Historical and theoretical foundations of political and legal conservatism of the right-monarchical radical political parties of Russia in 1905-1911 (on the example of the Union of the Russian People). *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(1):14–21. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-14-21>

CONTACT INFORMATION:

Leva A. Karapetyan*, Dr. of Sci. (Historical), Professor, Professor of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North Caucasus Branch of the FGBOU VO «Russian State University of Justice»

Address: Krasnykh Partizan str., 324, Krasnodar, Russia, 350020

Tel.: +7 (861) 251-69-20

E-mail: Leva.karapetyan.53@mail.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 30.01.2024

The article has been accepted for publication: 29.02.2024

Date of publication: 30.03.2024

Annotation: The article provides a brief analysis of the state concept of the RNC in 1905-1907. during the period of relative ideological and organizational unity of the party led by A.I. Dubrovin through the prism of traditional Orthodox spiritual and political values in a comparative context with the views of P.E. Kazansky, L.A. Tikhomirova, I.A. Ilyina. In its ideological activities, the party proceeded from the formula “Orthodoxy, Autocracy, Nationality”, known since the 1830s, which it supplemented with the clause “Unity and indivisibility of Russia”.

As a result of the study, it was determined that the historical and theoretical basis of the political and legal conservatism of the radical right-wing monarchical parties represented by the RNC were the concepts of statehood based on the Christian worldview, which represents a separate direction in historiography. We also include the works of L.A. Tikhomirova, P.E. Kazansky and I.A. Ilyina. Moreover, the most radical part of the party did not accept the instructions of this direction about the existence of earthly prerequisites for the emergence and functioning of the national state. Some party representatives perceived the state not from a purely formal legal point of view, but from a religious and moral one, while others substantiated the legal foundations of the power of the Russian Emperor. But all of them were supporters of a monarchical form of government, a unitary state system and an authoritarian regime.

Conclusion. The RNC popularized the ideas contained in the triad “Orthodoxy, Autocracy, Nationality” with the addition of the motto “Unity and indivisibility of Russia” by all available and illegal (pogrom activities, anti-Semitism) means and sharply negatively opposed the liberal and socialist concepts of statehood at the turn of the 19th-20th centuries.

Keywords: state, autocracy, Orthodoxy, nationality, supreme power, conservatism, party.

Введение

Целью первой части статьи является анализ государственной концепции в программных документах указанной партии в 1905-1907 гг. в период относительного организационного единства во главе с А.И. Дубровиным при сохраняющихся идейных разногласиях через призму традиционных православных духовных и политических ценностей. В современной исторической и правовой науке России интерес к идеологии консерватизма в целом значительно возрос, что будет отражено в соответствующих ссылках. Но, прежде всего, это следует отнести к исследованию концепций отдельных его представителей второй половины XIX в. и меньше – началу XX в., что было связано в первую очередь с отсутствием за редким исключением (Л.А. Тихомиров, П.Е. Казанский и начинавший свой творческий путь И.А. Ильин) масштабных фигур. При этом различают и консерватизм как свойство человеческой психики вообще, без его политической окраски, отражающей внутреннюю потребность человека в стабильности и порядке [5, с. 106.]. Д.М. Володихин из российских консерваторов, давших по сравнению с западом новые идеи, называет Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, Л.А. Тихомирова. Наряду с консерваторами-мыслителями он выделяет и консерваторов-практиков [2, с. 105]. Именно ко вторым следует отнести политические партии начала XX в. В общем следует согласиться с мнением К.Ф. Шацилло, который отмечал, что «в начале XX идеология консерватизма дала практически мало что нового по сравнению с предшествующим периодом. Один из ее вариантов – черносотенная идеология, родившаяся в условиях революционного взрыва...но ее погромность и импульсивность демонстрировали идейную скудость течения в целом» [7]. СРН пропагандировал идеи, заключенные в теории «Православие, Самодержавие, Народность, Единство и Неделимость России» всеми доступными средствами и получал поддержку со стороны правительства в период революции 1905–1907 гг. Новизну в идеологию монархических партий пытались внести Л.А. Тихомиров, юристы Е.П. Казанский и И.А. Ильин, оставаясь вне партий. В частности, Л. Тихомиров принимал участие в работе некоторых консервативных партийных форумов и высказывал, в том числе, недовольство функционирующими монархическими партиями [4, с. 12].

Методы исследования

Партийные политико-правовые концепции носят междисциплинарный характер, поэтому методологическую основу статьи составляют системный подход. В его рамках особое значение имеют мировоззренческая база и всеобщие принципы объективности, историзма и конкретности. Для политических организаций указанного толка, считающих определяющими для российского государства не правовые, а религиозно-нравственные и национальные ценности значимым является и аксиологический подход. Использован сравнительный метод.

Результаты исследования

Статья базируется на следующих первоисточниках. 1. Партийные документы (программа и устав, материалы партийных форумов (протоколы и постановления съездов и совещаний), речи и публикации руководителей организации, периодическая и листовая печать, конфиденциальная переписка между партийными структурами, обращения к царю и правительству). 2. Дневниковые записи, воспоминания; 3. Стенографические отчеты заседаний Государственной Думы; 4. Философское и политико-правовое обоснование монархической государственности Л.А. Тихомировым, П.Е. Казанским, а также И.А. Ильиным.

На основе анализа источников и научной литературы обосновывается мысль о том, что теоретико-исторической базой российской государственности партии была формула «Православие, Самодержавие, Народность». Неограниченный православный монархизм признавался идеалом отечественного политического и государственного устройства.

Научная дискуссия

В начале XX в. в России образовалось множество политических партий различной идеологической и тактической ориентации, между которыми шли не только острые дискуссии, но и – ожесточенная борьба, что нашло отражение в отечественной историографии. В ней имеются

различные оценки консерватизма как явления общественной мысли и политического течения. Прежде всего, это определялось мировоззренческими позициями – религиозными (христианским) и светскими. В досоветской России православное крыло историографии представляли Н.М. Карамзин (родоначальник), славянофилы и неославянофилы, значительная часть «государственной школы». Образование и функционирование государства ими увязывалось не только земными причинами, но еще в большей степени им виделся здесь и провиденациональный смысл. Секулярное течение, которое особо укрепилось в общественной мысли с конца XIX в. закрепилось в либеральном и марксистско-большевистском мировоззрении [1, с. 114–115]. Мы исходим из того, что в определенной степени задачи, свойственные религиозному направлению исследуемой проблемы решали также Л.А. Тихомиров, П.Е. Казанский и И.А. Ильин (начиная с 1910-х годов). В советской марксистской историографии оценки консерватизма в первую очередь как идейно-политического течения, включая и политические партии, олицетворяющими собой в целом традиции, были отрицательными и чаще всего отождествлялись с реакцией.

В условиях противоборства идеологий консерватизма, либерализма и социализма важно и интересно мнение упомянутых теоретиков-очевидцев этих явлений. Так, Л.А. Тихомиров как представитель православного направления досоветской историографии отмечал, что «настоящей опасностью в более близком будущем, на первой ступени угрожает не анархизм, а социальный демократизм. Это движение разгромить вовсе не легко и даже едва ли возможно иначе, как нравственным воздействием, потому что во всем, что касается силы, оно может посчитаться с кем угодно. Социальный демократизм ставит себе цели, значительная часть которых вполне осуществима (именно в области экономической). В действии он совершенно практичен. Переворот по системе социальной демократии тем более легок, что он не может устрашать даже весьма значительного числа малоимущих «буржуа» [1, с. 140–141]. И.А. Ильин также отрицательно относился к коммунистической идеологии и практике, но таковым была его оценка и правого радикализма. Деятельность черносотенных политических организаций им оценивалась как антинародная и антигосударственная.

Однако следует заметить, что российский социум даже в условиях острейшего революционного кризиса 1905–1907 гг. был сравнительно слабо политизирован. В деятельности партийных организаций всего политического спектра принимали участие лишь 0,5 % населения. Правомонархические партии своей максимальной численности достигли в 1907–1908 гг.¹ После Манифеста 17 октября 1905 г. особую активность в создании политических организаций проявили представители консервативной идеологии, принадлежащие к различным социальным слоям. Наличие в идеологии консерватизма различных оттенков привело к формированию ряда правомонархических организаций и партий регионального и общегосударственного масштаба. Неоднократные попытки идейной и организационной консолидации в реальности, за исключением временных успехов, ни к чему не привели. Наоборот, в них имели место расколы особенно после революции 1905–1907 гг. Революционные и либеральные круги в начале XX в. их именовали черносотенцами, вкладывая в это определение негативный смысл. До этого времени это наименование не имело отрицательного оттенка. «Черной сотней» в средневековой Руси именовалось податное посадское население. Сами сторонники самодержавных устоев не отказывались от этого названия, ибо это простой черный рабочий народ. Однако они предпочитали именовать себя «монархистами», «патриотами», «истинно русскими».

Из нескольких всероссийских партий действительно крупной и активной в 1905–1907 гг.² до раскола являлся Союз русского народа (СРН). Учредителями организации и руководителями являлись врач А.И. Дубровин, художник А.А. Майков, братья А.И. и С.И. Трицатные (инженер и присяжный поверенный, В.М. Пуришкевич (бывший чиновник МВД), И.И. Баранов. Председателем был А.И. Дубровин. Печатным органом партии была газета «Русское знамя»³. Если в руководстве партии было значительное число интеллигенции, то рядовые члены принадлежали к неимущим

¹ Общественная мысль в России: с древнейших времен до середины XX в.: в 4 т. М.: Политическая энциклопедия. 2020. Т.3: Общественная мысль России второй четверти XIX– начала XX в. / Отв. ред. В.В. Шелохаев. С. 28.

² Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие. Правые партии. Документы и материалы. Т. 1. 1905–1910 гг. М.: Росспэн, 1998. С. 9.

³ Там же. С. 17; Союз русского народа // Политическая история России в партиях и лицах М.: «Тerra», 1993. С. 131.

слоям. Вместе с тем отметим, что в партии не было крупных теоретиков консерватизма. В целом она представляла консерваторов –практиков, популяризаторов и проводников консервативных идей. На рубеже 1907-1908 гг. по подсчетам властей в нем насчитывалось 350-375 тыс. членов, а других правых партий – 60 тысяч. Хотя сама партия преувеличивало свою численность. Например, пресса говорила о трех миллионах членов. Их политические противники слева утверждали о не более 20 тыс. человек¹. В последующие годы его численность существенно сократилась, в том числе в результате расколов, основой которых являлись, прежде всего, политико-правовые расхождения по вопросам государственного устройства с А.И. Дубровиным и его сторонниками.

В начале 1908 г. из партии вышли сторонники В.М. Пуришкевича и образовали Русский народный союз имени Михаила Архангела (СМА). Затем в 1910–1911 гг. из-за обострения внутренних разногласий в партии произошел новый раскол. А.И. Дубровин уходит из партии и создает в ноябре 1911 г. Всероссийский Дубровинский Союз русского народа. Оставшиеся в партии, возглавляемой Н.Е. Марковым 2-им стали именоваться обновленческим, Марковским СРН. Оба раскола прошли не без помощи правительства, которое работало на ослабление СРН.

Вместе с тем отметим специфическое понимание СРН своей цели и задач в контексте отношения к институту политической партии. Он не признавал законным существование политических партий в среде верноподданных русских граждан, каковыми должны быть все подданные русского царя. Наоборот, СРН главной целью ставил уничтожение всякой политической партийности как основу взаимной вражды и ненависти. Его лидеры неоднократно заявляли, что СРН не партия. В противоположность всем существующим политическим партиям СРН не стремится искусственно изменить исторически сложившийся на Руси государственный строй. Напротив, он желал вернуть государственное устройство России в историческое, самобытное русло, из которого она искусственно выведена Петром Великим. Именно во имя этих начал все честные русские люди, верные долгу и присяге должны, даже помимо Союза, объединиться². 2 сентября 1906 г. на первом Всероссийском съезде уполномоченных отделов СРН говорилось, что ставится цель «объединение всех честных русских людей, верных долгу присяги во имя Веры, Царя и Отечества»³. Заметим, что данный тезис восходит именно к петровской эпохе и будет воспроизведен в иной редакции позже, в 1830-е гг., в известной триаде «Православие, Самодержавие, Народность». Кроме того, указывалось, что базовые положения СРН включены в Основные законы Российской империи. Поэтому все верноподданные русские граждане по долгу присяги обязаны не только признавать, но и свято чтить не за страх, а совесть, как священную волю самодержавного царя⁴.

СРН сменил несколько вариантов программы. Наиболее полной являлись «Основоположения Союза Русского народа», принятые в конце января 1906 г., кредо которого с дополнениями систематически повторялось в партийных решениях и избирательных в Думу платформах, воззваниях и листовках. В начале октября 1906 г. третий Всероссийский съезд русских людей при рассмотрении вопроса о всероссийском объединении всех монархических союзов признал программу СРН наиболее целесообразной для присоединения к ней всех сторонников монархии⁵.

К числу самых острых и актуальных вопросов их идеологии на всем протяжении указанного временного отрезка оставалась проблемы российской государственности. Она рассматривалась СРН в контексте исторической традиции через призму значения теории официальной народности с известной триадой «православие, самодержавие, народность», автором которой называют министра

¹ Союз русского народа // Политическая история России в партиях и лицах. Т. 1, М.: «Терра», 1993. С. 141.

² Обращение Союза русского народа 1906 г. // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие. Правые партии. Документы и материалы. Т.1. 1905–1910 гг. М.: Росспэн, 1998. С. 282–283.

³ Избирательная программа (в связи с выборами в Государственную Думу), принятая первым Всероссийским съездом уполномоченных отделов СРН и обязательная для всех отделов // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие. Правые партии. Документы и материалы. Т. 1. 1905–1910 гг. М.: Росспэн, 1998. С. 190.

⁴ Циркуляр Союза русского народа от 30 сентября 1906 г. // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие. Правые партии. Документы и материалы. Т.1. 1905-1910 гг. М.: Росспэн, 1998. С. 199–200.

⁵ Постановления третьего всероссийского съезда русских людей в Киеве // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие. Правые партии. Документы и материалы. Т. 1. 1905–1910 гг. М.: Росспэн, 1998. С. 241.

просвещения (1833–1849 гг.) С.С. Уварова в годы правления Николая I. С этой теорией были связаны возникновение учений западников и славянофилов. Ряд постулатов славянофильства использовались монархическими политическими организациями. Главное из них – это резкое противопоставление России и Запада, под которым подразумевалась католическая и протестантская цивилизации. С последними, несмотря на технические достижения, связывались бездуховность и материалистический эгоизм европейцев и американцев¹. Например, И.С. Аксаков в 1949 г. отмечал следующее. «В панславизм мы не верим, во-первых, потому, что для этого необходимо было бы единоверие славянских племен, а католицизм в Богемии и Польши – элемент враждебный, чуждый, несмешиваемый с элементом православия прочих славян; во-вторых, все отдельные элементы славянских народностей могли бы раствориться и слиться в целое только в другом, крепчайшем, цельном, могучем элементе, т.е. в русском; в третьих, большая часть славянских племен заражена влиянием пустого, западного либерализма, который противен духу русского народа и никогда привиться к нему не может» [3, с. 28]. Т.е. речь идет о самоидентификации не по крови, а религии. Отсюда и отрицание идеологии панславизма (термин возник на грани 1830–1840-х годов в германской, австрийской, венгерской публицистике и отождествлялся с понятием «русификаторства»). Однако для поздних славянофилов (направление сформировалось на рубеже 1860–1870-х гг.) она была актуальной. Хотя и среди них оставались и сторонники принципа национального самоопределения, в том числе политического (Ф.В. Чижов, В.А. Елагин продолжатели воззрений А. Хомякова) [3, с. 25, 29–30]. С Западом связывались и неприемлемые для России социально-политические идеологии и течения либерализма и социализма с собственными демократическими ценностями. Монархисты не разделяли убеждения о приоритете индивидуальной свободы, а исходили из того, что человек всегда являлся частью общины, сословия, народа. Негативным было отношение к западному парламентаризму с процедурой принятия решений большинством голосов, поскольку исходили из того, что «голос одного мудреца должен перевешивать крики миллионов невежд»². Вместе с тем отметим и то, что среди современных (постсоветских) исследователей высказывается мысль о стремлении западников и славянофилов вернуть национальному сознанию утраченный европеизм. Для этого западники обращались, прежде всего, к ценностям европейской политической мысли: конституция, представительное правление, гражданские права, а славянофилы акцентировали внимание на национальной самобытности России в рамках единой европейской христианской цивилизации³. То есть, предлагается отойти от их противопоставления и противоположности.

Скептическим было отношение СРН и к социалистам различных направлений, которые критиковали буржуазные свободы и высказывались за народовластие после победы социальной революции. В противовес либеральным и социалистическим теориям радикальные консерваторы обосновывали учение о неограниченной монархии.

Их пониманию российской государственности, остававшейся приоритетом их идеологии серьезный удар был нанесен существенно изменившимися социокультурными условиями, революцией и связанными с ними реформированием политической системы на основе принципов октябрьского Манифеста 1905 г. Как соотносились в партийной концепции такие понятия и вопросы, как: духовная основа государства, которая отождествлялась с православием; самодержавие и абсолютизм; политическая традиция и конституционализм; отношение к реорганизации государственного механизма сверху до Основных Государственных законов в редакции 1906 г. и после него; отношение к манифесту от 3 июня 1907 г.

Представители правых партий, вышеназванные теоретики консерватизма, видели серьезные негативные изменения в сущности отмеченных в триаде институтов. По их мнению, православное духовенство (один из символов трехчленной формулы), выполнявшее функции духовной скрепы политической жизни в условиях нарастания секулярной (светской) культуры потеряло часть авторитета и не выполняло функции духовного и нравственного воспитателя. И.А. Ильин именовал это: «Проявлением глубокого религиозного кризиса христианского человека. Широкие слои людей отошли от христианской церкви. Христианская церковь с присущим ему глубоким консерватизмом не находила и не находит в себе достаточной творческой инициативы, чтобы в условиях достижений

¹ История политических партий России / под ред. Зевелева А. М.: «Высшая школа», 1994. С. 68.

² Там же. С. 69.

³ Цимбаев Н.И. Европеизм как категория национального сознания (К пониманию западничества и славянофильства). Очерки русской культуры XIX века. Т. 4. Общественная мысль. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 450.

материалистической науки оставаться главным авторитетом для человека и в вопросах светской, безрелигиозной государственности... вне возрождения христианской (православной) культуры, творческого христианского правосознания он не мысль и восстановления самодержавной монархии в России, способного служить делу Божию на земле¹.

П.Е. Казанский, говоря о серьезных изменениях в общественной жизни на рубеже веков, акцентировал внимание на воззрениях, подвергаемых сомнению его религиозные основы. В этой связи он обращал внимание на необходимость государства следовать собственным национальным путем, определенных еще в периоды княжеской и особенно московской Руси после освобождения от монгольского ига. Ведущая роль в этом процессе им отводилась государствообразующему русскому народу, обладающему не только физической и экономической, но особенно духовной мощью, имея в виду религиозно-нравственные ценности². В его работе имеется отдельная глава, посвященная духовно-нравственным и национальным основам императорской власти. Л.А. Тихомиров отмечал, что монархия родилась из христианских идеалов и византийского влияния. Церковь развивала христианское воззрение на власть, начиная с Владимира Святого, который поставлен Богом. Андрей Боголюбский им назван носителем идеи самодержавия, которое благодаря православию утвердилось окончательно после централизации в ходе освобождения от монгольского ига. Затем И. Грозный и православная церковь обосновали концепцию Верховной власти, ее духовные основы. Церковный раскол середины 1660-х годов подорвал авторитет православия в народе и религиозные основы самодержавия, что способствовало становлению абсолютизма. Речь идет о подчинении церкви государству, нарушившего принцип союза между ними, что оказало негативное влияние на православие. Он предлагает исправить ошибки, которые совершались в отношении православной церкви в течение 200 лет. Одним из путей здесь признавалось восстановление патриаршества³.

Со времен Петра I церковь являлась частью государственного аппарата. «Православие в России стало ведомством особого лишь министерства с канцеляриями и присутствиями, а пастыри церкви – чиновниками, все более и более отдаляющимися от народа» – писал С.С. Володимиров [6, с. 33]. А. Васильев разработал программу церковной реформы, включавшая: восстановление патриаршества, возвращение к соборному началу, возобновление деятельности и общение с другими православными церквями, которые оживят церковную жизнь, исцелять многие общественные язвы и, быть может, восстановят духовную целостность русского народа [6, с. 33].

Итак, подведем выводы:

1) Историко-теоретической основой политико-правового консерватизма СРН являлись концепции государственности, основанные на христианском мировоззрении, представляющие отдельное направление историографии, включая труды Л.А. Тихомирова, П.Е. Казанского и И.А. Ильина. Однако, если Л.А. Тихомиров и И.А. Ильин воспринимали государство не с чисто формально-юридической точки зрения, а с религиозно-нравственной, то П.Е. Казанский, в отличие от них, обосновывал правовые основы власти Российского императора.

2) В идейной деятельности партия исходила из известной с 1830-х формулы «Православие, Самодержавие, Народность» и дополнила ее девизом «Единство и неделимость России». Она объясняла и популяризировала ее положения, акцентируя внимание на том, что Верховная власть в лице царского самодержавия, основанная на религиозно-нравственном единении царя и народа есть величайшее явление и высшее благо для Российской империи.

3) Некоторые представители СРН воспринимали государство не с чисто формальной юридической точки зрения, а с религиозно-нравственной, другие же обосновывали правовые основы власти Российского императора. Но все они были сторонниками монархической формы правления унитарного государственного устройства и авторитарного режима.

Список использованной литературы:

1. Боханов А.Н. О «теории», которой не было. *Отечественная история*. 2001;(3):103–133.

References:

1. Bokhanov A.N. [On the "theory" that did not exist]. *Russian history*. 2001;(3):103–133. (In Russ.)

¹ Ильин И.А. Путь духовного обновления. Собр. соч. в десяти томах. Т. 1 / Составление, вступительная статья и комментарии Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1996. С. 241, 244, 285, 287.

² Казанский П.Е. Власть всероссийского императора / Составитель серии М.Б. Смолин (воспроизведение издания 1913). М.: ФондИВ, 2007. С. 8, 20–23.

³ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: Айрис-пресс, 2006. С. 203, 205, 208, 219, 221–224, 259–260, 414–415, 440.

2. Володихин Д.М. О российских консерваторах без гнева и пристрастия. *Отечественная история*. 2001;(3):104–105.
3. Егоров Б.Ф. О национализме и панславизме славянофилов. *Славянофильство и современность: сборник статей*. Санкт-Петербург, Наука; 1994.
4. Карапетыан Л.А., Морозова О.Г. Политико-правовые воззрения Л.А. Тихомирова в контексте становления в России конституционной монархии (1906-1914 гг.). *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(2):7–14.
5. Репников А.В. Метаморфозы русского консерватизма: от С.С. Уварова до Никиты Михалкова. *Отечественная история*. 2001;(3):105–109.
6. Степанов С.А. Черная сотня. Что они дали для величия России?: монография. М.: Яуза; 2013.
7. Шацилло К.Ф. Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика: монография / Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская А.С. и др. / РАН. Ин-т рос. истории. М.: Прогресс-Традиция; 2000.
2. Volodikhin D.M. [About Russian conservatives without anger and partiality]. *Russian history*. 2001;(3):104–105. (In Russ.)
3. Egorov B.F. [On nationalism and pan-Slavism of the Slavophiles]. *Slavophilism and modernity: a collection of articles*. St. Petersburg, Nauka; 1994. (In Russ.)
4. Karapetyan L.A., Morozova O.G. [Political and legal views of L.A. Tikhomirov in the context of the formation of a constitutional monarchy in Russia (1906-1914)]. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(2):7–14. (In Russ.)
5. Repnikov A.V. [Metamorphoses of Russian conservatism: from S.S. Uvarov to Nikita Mikhalkov]. *Russian history*. 2001;(3):105–109. (In Russ.)
6. Stepanov S.A. [The Black Hundred. What have they given for the greatness of Russia?]. M.: Yauza; 2013. (In Russ.)
7. Chatzillo K.F. [Conservatism at the turn of the XIX–XX centuries. Russian conservatism of the XIX century. Ideology and practice] / Grossul V.Ya., Itenberg G.S., Tvardovskaya A.S., etc. / RAS. Institute of Russian History, Moscow: Progress-Tradition; 2000. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карапетыан Лева Александрович*

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
ORCID: 0000-0001-6141-4619

Морозова Оксана Геннадиевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0002-4699-1976

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Leva A. Karapetyan

Dr. of Sci. (Historical), professor, professor of the department of general theoretical juridical disciplines North Caucasus Branch of the FGBOU VO «Russian State University of Justice»
ORCID: 0000-0001-6141-4619

Oksana G. Morozova

Cand. of Sci. (Law), Associate professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0002-4699-1976

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-22-30>

ПУБЛИЧНЫЕ СТРАХОВЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ: СООТНОШЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО, АДМИНИСТРАТИВНО- ПРАВОВОГО И ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО АСПЕКТОВ

Авакян А.М.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Авакян А.М. Публичные страховые правоотношения: соотношение конституционно-правового, административно-правового и финансово-правового аспектов. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(1):22–30. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-22-30>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Авакян Аlesia Мнацакановна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-65

E-mail: Avakyan.alesya@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 05.02.2024

Статья принята к печати: 04.03.2024

Дата публикации: 30.03.2024

Аннотация: В настоящей статье исследовано соотношение конституционного, административного и финансового аспектов в регулировании публичных страховых правоотношениях, а именно при осуществлении обязательного страхования.

Автором были реализованы *задачи* по исследованию частного-публичного характера обязательного страхования, по рассмотрению обязательного страхования в системе публичных правоотношений.

В статье задействован комплекс общенаучных и частнонаучных *методов*. Автор прибегает к методам юридического моделирования, юридического прогнозирования, использует формально-юридический метод. Также затронут сравнительно-правовой аспект регулирования публичных страховых отношений в России и в зарубежных государствах.

В статье затрагиваются аспекты публичных страховых правоотношений в рамках осуществления обязательного страхования. Автором сделана попытка определения публичной природы страховых правоотношений. В работе автор приходит к выводу, что с точки зрения финансово-правового регулирования стоит рассматривать те виды публичного страхования, реализуемые за счет средств публичных денежных фондов, для которых свойственен специальный механизм финансового контроля и надзора, регулируемый бюджетным законодательством. Также автором проанализированы цели обязательного страхования с точки зрения конституционно-правовой охраны. Так, целями обязательного страхования с точки зрения конституционно-правовой охраны является обеспечение защиты третьих лиц, и возмещение вреда.

Ключевые слова: публичные страховые правоотношения, обязательное страхование, конституционно-правовая защита, административно-правовой аспект, финансово-правовой аспект.

PUBLIC INSURANCE LEGAL RELATIONS: CORRELATION OF CONSTITUTIONAL-LEGAL, ADMINISTRATIVE-LEGAL AND FINANCIAL-LEGAL ASPECTS

Alesya M. Avakyan

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Avakian A.M. Public insurance legal relations: correlation of constitutional, administrative, legal and financial aspects. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(1):22–30. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-22-30>

CONTACT INFORMATION:

Alesya M. Avakyan, Cand. of Sci. (Law), Associate professor, Associate Professor of the Department of Civil Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-65

E-mail: Avakyan.alesya@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 05.02.2024

The article has been accepted for publication: 04.03.2024

Date of publication: 30.03.2024

Annotation: This article examines the correlation of constitutional, administrative and financial aspects in the regulation of public insurance relations, namely in the implementation of compulsory insurance.

The author has implemented tasks to study the private-public nature of compulsory insurance, to consider compulsory insurance in the system of public legal relations.

The article uses a set of general scientific and private scientific methods. The author resorts to the methods of legal modeling, legal forecasting, and uses the formal legal method. The comparative legal aspect of the regulation of public insurance relations in Russia and in foreign countries is also touched upon.

The article deals with aspects of public insurance legal relations in the framework of compulsory insurance. The author attempts to define the public nature of insurance legal relations. In the work, the author comes to the conclusion that from the point of view of financial and legal regulation

Keywords: public insurance legal relations, compulsory insurance, constitutional and legal protection, administrative and legal aspect, financial and legal aspect.

Введение

Несмотря на то, что дискуссия в юридической доктрине относительно частноправовой или публично-правовой природы института страхования до сих пор является актуальной [3, с. 43–50], отрицать наличие публичного характера в страховых правоотношениях невозможно. Специфика сложившейся системы регулирования страховых отношений свидетельствует о комплексности данного института и частно-публичном характере страховых правоотношений [1, с. 106], поскольку они регулируются не только гражданско-правовыми нормами, но также включают положения конституционного, финансового, административного права. При этом непосредственно вопросам публичных страховых правоотношений в юридической доктрине на сегодняшний день уделяется недостаточное внимание. Вместе с тем, проблема является актуальной, как с теоретической точки зрения, так и с позиций неоднозначности толкования в правоприменении, что выражается в неоднородности обязательного страхования, неопределенности природы и отсутствии комплексного регулирования отдельных видов обязательного страхования, отсутствии четкого понимания пределов конституционно-правовой охраны публичных страховых правоотношений, и др. аспектах.

Несмотря на отсутствие единства в доктринальных подходах, исследование отдельных вопросов в сфере исследования публичных страховых правоотношений, в том числе, публичного характера обязательного страхования осуществляли Н.М. Артемов, А.В. Гарбар, Н.Н. Косаренко, и другие авторы.

Настоящее исследование направлено на осуществление соотношения конституционного, административного и финансового аспектов в регулировании публичных страховых правоотношениях, а именно при осуществлении обязательного страхования.

Методы исследования

В процессе исследования были использованы общенаучные и частнонаучные методы. Так, исследование основано на таких общенаучных методах, как индукция, дедукция, системный метод.

Кроме того, были использованы частнонаучные методы, в том числе, методы юридического моделирования, юридического прогнозирования, формально-юридический метод.

Также затронут сравнительно-правовой аспект регулирования публичных страховых отношений в России и в зарубежных государствах.

Результаты исследования

Результаты исследования привели к следующим выводам.

1. С точки зрения финансово-правового регулирования стоит рассматривать те виды публичного страхования, реализуемые за счет средств публичных денежных фондов, для которых свойственен специальный механизм финансового контроля и надзора, регулируемый бюджетным законодательством. Выявлено, что, не смотря на публичный характер отношений, конституционно-правовая охрана прав граждан, являющихся выгодоприобретателями по договору обязательного страхования, имеет приоритет, и даже отсутствие финансирования не является основанием для отказа в реализации обязательного страхования.

2. Посредством анализа положений Конституционного Суда РФ определено, что целями обязательного страхования с точки зрения конституционно-правовой охраны является обеспечения защиты третьих лиц, и возмещения вреда.

3. Анализ механизма административно-правового регулирования обязательного страхования позволил сделать вывод о потребности совершенствования системы контроля и надзора, установлении правил лицензирования. Кроме того, наблюдается потребность в определении допустимости регулирования законами субъектов РФ отношений по отдельным видам обязательного страхования.

Научная дискуссия

На сегодняшний день ни законодательство, ни доктрина не дают четкого ответа на вопрос о том, какие правоотношения следует относить к публичным страховым правоотношениям, и что следует понимать под публичным и частным страхованием.

Ряд авторов указывают на то, что публичные страховые правоотношения характеризуются обязанностью страхования определенных рисков, которая возникает в силу прямого указания закона [8, с. 65]. В данном случае круг объектов страхования ограничен законодательством. В силу закона допускается страхование жизни, здоровья и имущества третьих лиц, страхование рисков гражданской ответственности. При этом страхование собственных жизни и здоровья не может возлагаться на гражданина законом [2, с. 9]. Поскольку круг объектов публичных страховых правоотношений широк, определение предмета, т.е. «того, что застраховано» [4, с. 61], а также то, что представляет «защиту интересов» [5, с. 318] субъектов зависит от конкретного вида страхования. Так, в публичном страховании имущества предметом выступает защита имущественного интереса; в страховании рисков – страховая защита от возмещения причинённого вреда [11, с. 1]; при страховании жизни и здоровья – страховая защита жизни, здоровья, трудоспособности лица. В свою очередь, субъектами таких правоотношений также являются страховщик и страхователь. К страховщику предъявляются требования о лицензировании. Специфика выражается также в том, что законом прямо определяются страхователь и выгодоприобретатели.

В свою очередь, авторы отмечают, что частные страховые правоотношения, в отличие от публичных, характеризует то, что они возникают по инициативе страхователя без наличия законодательно-предусмотренной обязанности [8, с. 65]. Данный подход является распространенным в литературе, однако он вызывает ряд вопросов. Прежде всего, при такой позиции ставится знак равно между добровольным страхованием и частным страхованием, а также публичным страхованием и обязательным страхованием. Однако в таком случае не учитывается двойственность

природы обязательного страхования, которая, может иметь, как публичные, так и частноправовые начала.

В частности, применительно к добровольному страхованию, законодатель в ч. 3 ст. 3 прямо указывает на порядок его заключения, а именно оно осуществляется на основе договора и правил страхования¹. В свою очередь, порядок осуществления обязательного страхования устанавливается специальным законодательством об отдельных видах обязательного страхования (ч. 3.1. Закона РФ № 4015–1). В соответствии с ч. 2 ст. 927 Гражданского кодекса РФ² (далее – ГК РФ) для осуществления обязательного страхования предусматривает обязанность для указанных в законе лиц страховать гражданскую ответственность, жизнь, здоровье, имущество третьих лиц. Именно на основе данных положений авторы относят обязательное страхование к числу публичных правоотношений, поскольку оно прямо предусмотрено законом, не учитывая неоднородность обязательного страхования.

Как представляется, двойственная природа обязательного страхования выражается в том, что оно может осуществляться как на основе частноправовых отношений, посредством заключения гражданско-правового договора обязательного страхования за счет средств страхователя, так и осуществляться в публичном порядке за счет средств публичных фондов. В обоих случаях для страхователя предусмотрена обязанность по страхованию определенных рисков, однако порядок страхования имеет принципиальное различия, как и отличаются источники финансовых средств, направляемых на осуществление страхования. Как справедливо отмечает Н.Н. Косаренко, публичные правоотношения характеризует наличие публичного субъекта, наделенного властными полномочиями [7, с. 20].

Так, например, страхование ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО) предполагает заключение гражданско-правового договора, и осуществляется за счет средств страхователя, и регулируется, в том числе, нормами ГК РФ, что указывает на частноправовой порядок заключения такого вида договора. Публичные отношения в данном случае характерны скорее для регулирования деятельности страховщиков и надзору за ее реализацией, что объясняется необходимостью особой правовой охраны таких отношений. Это относится, например, к регулированию отдельных условий договора страхования, в том числе, к установлению страховых тарифов. Так, государство применительно к данной сфере обязательного страхования выступает как регулятор, а не участник отношений, и такие обязательные страховые отношения имеют частноправовую природу.

В свою очередь, обязательное страхование, которому характерна публично-правовая природа, отличается тем, что оно так или иначе реализуется за счет средств публичных денежных фондов, отличие имеет и порядок страхования. В том числе, через государственные внебюджетные фонды могут также использоваться средства системы обязательного государственного страхования [10]. К примеру, обязательное пенсионное страхование, реализуется централизованной системой фондов, учреждаемых в соответствии с Федеральным законом № 167-ФЗ от 2001 г.³, субсидиарную ответственность за которые несет государство, и осуществляется в порядке регистрации и снятия с учета страхователей.

Таким образом, следует различать частноправовую и публично-правовую природу обязательного страхования в зависимости от средств за счет которых осуществляется страхование, где в первом случае страхование осуществляется за счет физических и юридических лиц на основе договора страхования, а в последнем случае прямо или опосредованно обязательное страхование осуществляется за счет средств публичных денежных фондов, и те виды обязательного страхования, которые имеют публично-правовую природу стоит рассматривать с точки зрения финансово-правовых отношений.

Не всегда легко провести грань между частными и публичными страховыми правоотношениями. При этом справедливо отметить, что определение природы страховых правоотношений отражает не только теоретический аспект. Данная проблема неразрывно связана с

¹ Об организации страхового дела в Российской Федерации: Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 28.04.2023) // Российская газета. 1993. 12 янв.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

³ Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации: Федеральный закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ (ред. от 24.06.2023) // Российская газета. 2001. 20 дек.

трудностью разграничения публичных и частных страховых правоотношений на практике. Так, например, отсутствует единообразие в судебной практике применительно к природе правоотношений по государственному личному страхованию отдельных категорий лиц, прямо указанных в законе (военнослужащих, полицейских, и др.). В отличие от системы организации фондов, что характерно, например, для пенсионного, медицинского, социального страхования, данные виды страхования могут осуществляться страховщиками, имеющими лицензию на осуществление такой деятельности, и определяются в качестве страховщиков на основании законодательства о контрактной системе в сфере закупок.

Показательным в данном случае является дело № 33-517/2017, рассмотренное Томским областным судом¹. Так, истец, уволенный со службы с органов внутренних дел по состоянию здоровья, обратился к страховой организации за выплатой страхового возмещения по обязательному страхованию жизни и здоровья сотрудников внутренних дел, однако ему было отказано по причине того, что контракт с МВД России у данной страховой организации был не заключен на момент наступления страхового случая. Для обжалования отказа страховой организации истец обратился в суд, однако суд первой инстанции не удовлетворил требования истца по тем же основаниям. В качестве третьего лица была привлечена иная страховая организация (ООО «Страховая компания «Арсеналь»), с которой МВД России заключило контракт уже более, чем через полгода с момента наступления страхового случая. Организацией было указано, что истец не обращался за выплатой страховой суммы. В последующем, ООО «Страховая компания «Арсеналь» была выплачена страховая сумма, однако истец обратился в апелляционную инстанцию с требованием о выплате неустойки. В свою очередь, решение суда первой инстанции было оставлено без изменений, поскольку ответственность в соответствии с ч.1 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ наступает лишь в случае, если страхователем не заключен контракт, или заключен на ухудшающих условиях. Так, примечательно, что суд указал на то, что государство исполнило обязанность по бюджетному финансированию обязательного государственного страхования, и на момент апелляционного рассмотрения страховая сумма выплачена.

Таким образом, суд в рассматриваемом деле основывался на формальном наличии гражданско-правовых контрактных отношений страхователя (МВД России), и страховщика, ставя в основу частноправовую природу таких отношений, и не учитывая конституционно-правовые гарантии истца на своевременность страхового возмещения как выгодоприобретателя в отношениях по обязательному страхованию. В частности, такое понимание ч.1 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ Конституционным судом в Постановлении КС РФ от 18 июня 2018 г. № 24-П² было признано не соответствующим Конституции РФ. КС РФ справедливо указал, что в рассматриваемом случае имело место необоснованная задержка страховой выплаты, которая влечет возникновение материальной ответственности в виде неустойки у страхователя, а выгодоприобретатель, предоставивший всю необходимую информацию, в таких отношениях прямо не может влиять на условия, сроки и порядок выплаты страховых возмещений.

Особенную значимость приобретают выводы суда о том, что несмотря на то, что в данных отношениях используются инструменты гражданско-правового регулирования они не отменяют конституционно-правовую природу прав и обязанностей, связывающих государство и лиц, которым был причинен вред, вследствие несения службы. При этом справедливо отметить, что в более раннем

¹ Апелляционное определение СК по гражданским делам Томского областного суда от 17.02.2017 по делу № 33-517/2017 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 7 Федерального закона «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.П. Звягинцева: Постановление Конституционного Суда РФ от 18.06.2018 № 24-П // Собрание законодательства РФ. 2018. № 26. Ст. 3933.

Постановлении КС РФ от 26 декабря 2002 года № 17-П¹ суд придерживался аналогичной позиции, что государство несет конституционно-правовую обязанность по возмещению вреда, причиненного жизни или здоровью при прохождении службы военнослужащим и иным приравненными к ним лицам, определенным в законе, и то, что такие отношения осуществляются в рамках гражданско-правового договора, не отменяет ее, поскольку отсутствие договора или невозможность исполнения обязательств по нему не обусловлены поведением выгодоприобретателя.

Таким образом, для отношений в сфере обязательного страхования характерна неоднородность, которая выражается в необходимости сочетания частных и публичных правовых начал. В то же время, если исходить из проанализированной позиции Конституционного Суда РФ, публичные интересы в таких правоотношениях преобладают, поскольку они основаны на необходимости защиты конституционных прав и обеспечении конституционных гарантий.

Нередко высказываются позиции о том, что виды обязательного страхования в России имеют на страховом рынке количественный приоритет, что ставит в основу функционирование императивных норм, и препятствует развитию рыночного механизма [6, с. 54]. Однако наличие механизма обязательного страхования обусловлено реализацией конституционных прав и гарантий граждан, и его реализация ограничена соответствующими целями. В связи с этим интерес представляет аспект конституционно-правового регулирования обязательного страхования, поскольку наблюдается потребность в определении границ конституционно-правовой охраны в сфере страхования.

Стоит отметить, что вопрос о целях обязательного страхования был поставлен при разработке Концепции развития положений части второй ГК РФ (далее – Концепция) в 2020 г.², однако разработчики Концепции, проанализировав российское и зарубежное законодательство, пришли к выводу о том, что необходимость определения целей отсутствует. В Концепции отмечается, что в законодательных актах европейских стран цели обязательного страхования четко не обозначены, они выводятся из судебной практики и доктрины, но в большинстве случаев со страхованием ответственности с целью защиты интересов потерпевших и возмещения вреда. Однако более детальный анализ зарубежного законодательства не подтверждает данный тезис об отсутствии указания целей при регулировании отношений. К примеру, § 4 Закона об обязательном страховании владельцев автотранспортных средств Германии указывается в качестве цели обеспечение защиты³. Также, в преамбуле Европейской конвенции об обязательном страховании гражданской ответственности в области автотранспортных средств от 1959 г. указывается цель защиты прав жертв дорожно-транспортных происшествий на территории стран-участниц путем введения системы обязательного страхования. При этом, анализируя законодательство, можно сделать вывод, что обязательные виды страхования связаны, в том числе, с целями по обеспечению социальных прав и гарантий. Так, например, Законом о договоре страхования Германии⁴, предусмотрен ряд видов обязательного социального страхования (§ 193), включая обязательное страхование родителями новорожденных, обязательное медицинское страхование, страхование нетрудоспособности, и др. При этом законодательство относит некоторые виды обязательного страхования к числу публичных договоров, предусматривающих обязанность по заключению договоров не только для страхователей, но и для страховщиков, что определяет особую значимость обязательного социального страхования.

¹ По делу о проверке конституционности положения абзаца второго пункта 4 статьи 11 Федерального закона «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и сотрудников федеральных органов налоговой полиции» в связи с жалобой гражданина М.А. Будынина: Постановление Конституционного Суда РФ от 26.12.2002 № 17-П // Собрание законодательства РФ. 2003. № 1. Ст. 152.

² Концепция развития положений части второй Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре страхования (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 25.09.2020 № 202/оп-1/2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Gesetz über die Pflichtversicherung für Kraftfahrzeughalter (Pflichtversicherungsgesetz) [сайт] Für Recht und Freiheit [обновлено 25 октября 2023; процитировано 30 октября 2023]. Доступно: <https://www.gesetze-im-internet.de/pflvg/BJNR102130965.html>.

⁴ Gesetz über den Versicherungsvertrag (Versicherungsvertragsgesetz - VVG [сайт] Für Recht und Freiheit [обновлено 25 октября 2023; процитировано 30 октября 2023]. Доступно: https://www.gesetze-im-internet.de/vvg_2008/BJNR263110007.html.

Вместе с тем, в российском праве цели обязательного страхования во многом схожи, и разъясняются в решениях КС РФ. Так, например, в Постановлении КС РФ от 31.05.2005 № 6-П¹ суд указал, что виды обязательного страхования связаны целью обеспечения защиты третьих лиц, и возмещения вреда. Данная цель имеет общее значение, и применительно к отдельным видам обязательного страхования, может устанавливаться определенная цель. Как следует из рассмотренного выше Постановления КС РФ от 18 июня 2018 г. № 24-П, цель личного страхования отдельных лиц заключается в государственной обязанности по возмещению вреда военнослужащим и приравненным к ним лицам, что связано в совокупности с защитой конституционных положений о праве собственности, свободе труда, гарантий социального обеспечения, на охрану здоровья и медицинскую помощь, а также с положениями ст. 59 Конституции РФ о несении военной службы гражданами.

В свою очередь, невозможно отрицать, что цель регулирования обязательного страхования лежит в плоскости социальной защиты, на что прямо направлены отдельные виды обязательного социального страхования, различные по своему регулированию и содержанию, но направленные на создание дополнительных социальных гарантий для граждан [9]. Так, к примеру, обязательное медицинское страхование создает дополнительные гарантии реализации права на охрану здоровья и медицинскую помощь, на что прямо указывается в ст. 41 Конституции РФ. При этом несмотря на то, что обязательное страхование имеет в сущности финансово-правовую природу, и его реализация связана с объемом выделяемых средств из публичных денежных фондов, приоритет реализации конституционно-правовых социальных гарантий в данном случае преобладает, о чем свидетельствует практика. Так, например, в деле № А23–6915/2020² ВС РФ указал на то, что нижестоящим судам следовало учитывать доводы о недостаточности объема медицинской помощи, а также о выделении заведомо меньшего объема финансирования, которое нарушает конституционные права граждан, и не позволяет реализовать права в рамках обязательного медицинского страхования. Таким образом, Верховный Суд РФ исходит из того, что фактический объем финансирования медицинской организации не является основанием для нарушения прав, предусмотренных в рамках обязательного медицинского страхования, поскольку медицинской организацией решение комиссии, определяющей на основе законодательства об обязательном медицинском страховании объемы предоставления медицинской помощи в рамках территориальной программы обязательного медицинского страхования, могло быть оспорено при недостаточности.

Необходимость выполнения государством конституционно-правовых обязанностей по обеспечению защиты третьих лиц и возмещению вреда посредством обязательного страхования обуславливает потребность в наличии механизма административного регулирования, которое может обеспечить надлежащее выполнение этой обязанности как со стороны страхователей, так и со стороны страховщиков. Механизм административного регулирования страховых правоотношений в России осуществляется посредством привлечения к административной ответственности за нарушение страхового законодательства, а также посредством реализации системы контроля и надзора в сфере страхования. Так, например, ст. 12.13 Кодекса РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (КоАП)³ предусмотрена ответственность для страхователей – владельцев транспортных средств за несоблюдение требований законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности.

В свою очередь, механизм административно-правового регулирования затрагивает также деятельность страховых организаций. Административная ответственность страховых организаций при реализации обязательного страхования может устанавливаться применительно к нарушениям в сфере лицензирования, не выполнением предписаний и представления информации контролирующему органу (ст. ст. 14.1, 19.5, 19.7.3 КоАП РФ). Контролирующим органом в данном случае выступает Банк России, который осуществляет лицензирование страховой деятельности.

¹ По делу о проверке конституционности статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.С. Аринушенко, Г.С. Бересневой и других: Постановление Конституционного Суда РФ от 10.03.2017 № 6-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 3.

² Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 13.01.2023 № 310-ЭС22-12150 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. (ч. 1). Ст. 1.

Вместе с тем, ст. 14.1 КоАП применительно к привлечению страховщиков к ответственности вызывает вопросы. В частности, ч.3 ст. 14.1 КоАП предусматривает ответственность при нарушении условий лицензирования, однако неясным является то, что стоит понимать под условиями лицензирования в страховой деятельности. В данном случае, ВАС РФ в 2014 г. были даны разъяснения, согласно которым нарушения страхового законодательства следует считать нарушением условий лицензирования. Вместе с тем, в законодательстве данный вопрос является разрешенным¹.

Анализируя административно-правовой аспект обязательного страхования, интерес вызывает также и то, что контролирующим органом в сфере страхования выступает Банк России. Участие Банка России как регулятора страховых отношениях характеризует рыночный характер таких отношений. Контрольно-надзорный механизм, реализуемый им, направлен не только на обеспечение соблюдения страхового законодательства, но также на регулирование рынка страховых услуг, посредством реализации тарифной политики и осуществления контроля за платежеспособностью страховых организаций, регулированием конкурентных отношений.

Вместе с тем, данный механизм контрольно-надзорной деятельности характерен не для всех видов страховых отношений, и система контроля и надзора более сложна и неоднородна, как и сами страховые правоотношения. Прежде всего, это связано с финансово-правовой природой обязательного страхования, формированием и расходованием публичных денежных фондов. Так, например, Закон о пенсионном страховании прямо отсылает к бюджетному законодательству и нормам о государственном финансовом контроле (ст. 21 Закон о пенсионном страховании). При этом системе обязательного публичного страхования характерна организация и регламентация внутреннего контроля. Так, например, территориальными фондами обязательного медицинского страхования осуществляется контроль за медицинскими организациями, осуществляющими деятельность в сфере ОМС.

Таким образом, ввиду неоднородности публичных страховых правоотношений, различных подходов к регулированию отдельных видов обязательного страхования, финансово-правовое и административно-правовое законодательство предусматривает различные механизмы осуществления контроля и надзора за страховыми организациями и публичными фондами, осуществляющими страховую деятельность в сфере обязательного страхования.

Еще более усложняет механизм регулирования обязательного страхования в России с учетом включения в него норм конституционного, административного и финансового права неоднозначность вопроса о том, могут ли нормативно-правовые акты субъектов РФ регулировать страховые правоотношения. При этом законы субъектов РФ не включены в перечень регулирования в Законе № 4015-1, однако в специальных законах об отдельных видах обязательного страхования, например, обязательного медицинского страхования, допускается регулировании отношений Законами субъектов РФ.

Список использованной литературы:

1. Артемов Н.М., Лагутин И.Б. Публичное страхование в российском финансовом праве: вопросы теории и практики. *Государство и право*. 2014;(6):104–108.
2. Галагуза Н. Страхование, которое мы потеряли. *Современные страховые технологии*. 2021;(2):4–5.
3. Гарбар А.В., Максимчук О.А. О необходимости отказа от публичности договора личного страхования. *Актуальные проблемы права*. 2021;(8):43–50.
4. Демидова Г.С., Когденко Н.Ю. Соотношение объекта и предмета имущественного страхования. *Гражданин*. 2007;(4):59–63.
5. Жучков С.В. Механизм исполнения обязательства в страховом правоотношении. *Муромцевские чтения: Междисциплинарность права и законодательства: стратегии современной организации и перспективы развития: Сборник статей XX Международной*

References:

1. Artyomov N.M., Lagutin I.B. [Public insurance in Russian financial law: issues of theory and practice]. *State and law*. 2014;(6):104–108. (In Russ.)]
2. Galaguzha N. [The insurance we lost]. *Modern insurance technologies*. 2021;(2):4–5. (In Russ.)]
3. Garbar A.V., Maksimchuk O.A. [On the need to renounce the publicity of the personal insurance contract]. *Actual problems of law*. 2021;(8):43–50. (In Russ.)]
4. Demidova G.S., Kogdenko N.Yu. [The ratio of the object and subject of property insurance]. *Civilist*. 2007;(4):59–63. (In Russ.)]
5. Zhuchkov S.V. [The mechanism of fulfillment of obligations in an insurance legal relationship]. *Muromtsev Readings: The Interdisciplinarity of law and Legislation: strategies of modern organization and development prospects: Collection of articles of the XX International*

¹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 04.02.2014 № 13004/13 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

научной конференции. М.; 2020.

6. Козачек А.В. Административно-правовое регулирование обязательного страхования в Российской Федерации. *Актуальные проблемы административного, финансового и информационного права в России и за рубежом: Материалы межвузовской научной конференции на базе кафедры административного и финансового права РУДН.* М.; 2021.

7. Косаренко Н.Н. Правовое обеспечение публичных интересов в сфере страхования: монография. М.: Волтерс Клувер; 2010.

8. Мередова Г.Р., Акыева Ш.М., Гелдиева Д.Б. Страхование и его виды. *Интернаука.* 2020;146(17–2):65–66.

9. Орлянюк–Малицкая Л.А. Обязательное страхование в обеспечении страховой защиты. *Путеводитель предпринимателя.* 2021;14(3):48–61. DOI: 10.24182/2073-9885-2021-14-3-48-61.

10. Харинов И.Н. Публичные услуги и защита прав их получателей: монография. М.: Юстицинформ; 2022.

11. Христенко А.В. Страхование профессиональной ответственности. *Московский экономический журнал.* 2018;(5–2):1. DOI: 10.24411/2413-046X-2018-15041.

Scientific Conference. М.; 2020. (In Russ.)]

6. Kozachek A.V. [Administrative and legal regulation of compulsory insurance in the Russian Federation]. *Actual problems of administrative, financial and information law in Russia and abroad: Materials of the interuniversity scientific conference on the basis of the Department of Administrative and Financial Law of RUDN.* М.; 2021. (In Russ.)]

7. Kosarenko N.N. [Legal support of public interests in the field of insurance]. М.: Walters Kluwer; 2010.

8. Meredova G.R., Akieva Sh.M., Geldieva D.B. [Insurance and its types]. *Internauka.* 2020;146(17–2):65–66. (In Russ.)]

9. Orlyanyuk–Malitskaya L.A. [Compulsory insurance in providing insurance protection]. *Entrepreneur's guide.* 2021;14(3):48–61. DOI: 10.24182/2073-9885-2021-14-3-48-61 (In Russ.)]

10. Kharinov I.N. [Public services and protection of the rights of their recipients]. М.: Justicinform; 2022.

11. Khristenko A.V. [Professional liability insurance]. *Moscow Economic Journal.* 2018;(5–2):1. DOI: 10.24411/2413-046X-2018-15041 (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Авакян Аlesia Мнацакановна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: 0000-0003-4268-9574

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alesya M. Avakyan

Cand. of Sci. (Law), Associate professor, Associate Professor of the Department of Civil Law of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: 0000-0003-4268-9574

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИИ ТЕРМИНА «ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОХРАНА ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Берлизов М.П.*¹, Проценко Д.С.²

1 ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

2 Управление Министерства культуры Российской Федерации по Южному и Северо-Кавказскому
федеральным округам
(Большая Садовая ул., зд. 68, г. Ростов-на-Дону, Россия, 344002)

Ссылка для цитирования: Берлизов М.П., Проценко Д.С. К вопросу о сущности и содержании термина «Государственная охрана объектов культурного наследия народов Российской Федерации». *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(1):31–38. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-31-38>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Берлизов Михаил Павлович*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040
Тел.: +7 (861) 262-35-09
E-mail: bmpkk@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 07.02.2024

Статья принята к печати: 06.03.2024

Дата публикации: 30.03.2024

Аннотация: Целью работы выступает определение сущности и содержания термина «государственная охрана объектов культурного наследия народов РФ».

Исходя из поставленной цели, в задачи исследования входит анализ легального закрепленного термина, его сравнение с иными аналогичными терминами, краткая историческая ретроспектива развития данного термина, а также выработка нового термина.

Важность обсуждения вопроса заключается в том, что исследуемый термин является базовым для законодательства об объектах культурного наследия. В связи с этим, верное определение термина – есть начало и основа всей концепции построения данного законодательства в РФ.

Принципиальный вывод статьи состоит в том, что повсеместно используемая в Федеральном законе № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» фраза «отношения в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия» является неверной и подлежит изменению, так как заложенное в законе понятие «государственная охрана» является более общим понятием, включающим остальные. Соответственно стоит задача, скорректировать законодательство не только в части уточнения термина «государственная охрана объектов культурного наследия народов РФ», но системно изменить все связанные с ним статьи, изменить сам подход к данному явлению.

Ключевые слова: государственная охрана, объект культурного наследия, административно-правовое регулирование, административно-правовой режим, административно-правовая охрана.

ON THE ISSUE OF THE ESSENCE AND CONTENT OF THE TERM "STATE PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION"

Mikhail P. Berlizov*¹, Denis S. Protsenko²

1 FGBOU VO "Kuban State University"

(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

2 Department of the Ministry of Culture of the Russian Federation for the Southern and North Caucasian
Federal Districts

(Bolshaya Sadovaya str., 68, Rostov-on-Don, Russia, 344002)

Link for citation: Berlizov M.P., Protsenko D.S. On the issue of the essence and content of the term "State protection of cultural heritage objects of the peoples of the Russian Federation". *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(1):31–38. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-31-38>

CONTACT INFORMATION:

Mikhail P. Berlizov*, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: bmpkk@mail.ru

Conflict of interest. The authors declares that there is no conflict of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article has been submitted to the editorial office: 07.02.2024

The article has been accepted for publication: 06.03.2024

Date of publication: 30.03.2024

Annotation: The purpose of the work is to define the essence and content of the term "state protection of cultural heritage objects of the peoples of the Russian Federation".

Based on this goal, the objectives of the study include the analysis of a legally fixed term, its comparison with other similar terms, as well as a brief historical retrospective of the development of this term.

The importance of discussing the issue lies in the fact that the term under study is the basic one for legislation on cultural heritage sites. In this regard, the correct definition of the term is the beginning and basis of the entire concept of building this legislation in the Russian Federation.

The fundamental conclusion of the article is that the phrase "relations in the field of conservation, use, popularization and state protection of cultural heritage objects", which is widely used in Federal Law No. 73-FZ "On Cultural Heritage Objects (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation", is incorrect and subject to change, since it is laid down in the law The concept of "State protection" is a more general concept that includes the rest. Accordingly, the task is to adjust the legislation not only in terms of clarifying the term "state protection of cultural heritage objects of the peoples of the Russian Federation", but systematically change all related articles, change the approach to this phenomenon.

Keywords: state protection, cultural heritage object, administrative and legal regulation, administrative and legal regime, administrative and legal protection.

Введение

Важность обсуждения вопроса заключается в том, что исследуемый термин является базовым для законодательства об объектах культурного наследия. Во многом, вокруг него и строится вся система данного законодательства: исходя из его целей, задач и содержания выстраивается система полномочий соответствующих органов власти и их перераспределения между ними, складываются отдельные институты законодательства об объектах культурного наследия. В связи с этим, по нашему мнению, верное определение термина «государственная охрана» – есть начало и основа всей концепции построения рассматриваемого законодательства. Повсеместно используемая в

Федеральном законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» фраза «отношения в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия» является неверной и подлежит изменению, так как заложенное в законе понятие «государственная охрана» является более общим понятием, включающим остальные.

Методы исследования

Исследование проблематики содержания и сущности термина «государственная охрана объектов культурного наследия народов РФ» определяет методологию исследования, включающую в себя использование эвристических и аксиологических методов исследования, наряду с методом системного анализа правовых, управленческих и естественнонаучных явлений в контексте избранной темы.

Результаты исследования

Термин «государственная охрана» встречается в законодательстве только в двух сферах – в законодательстве о национальной безопасности и в законодательства об объектах культурного наследия; во всех остальных сферах используется термин «охрана», в том числе в сочетании с фразой «государственное управление в области охраны»; давая легальное определение «государственная охрана объектов культурного наследия», разработчики закона и законодатель ориентировались на понятие «государственная охрана» из Федерального закона «О государственной охране» при этом явно отходя в понимании сущности данного явления от ранее использованного термина «охрана» из советского законодательства и международной конвенции; легально закрепленный в ст. 6 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» термин «государственная охрана объектов культурного наследия» смешивает цели и задачи таковой, не соответствует положениям ст. 33 этого же закона; указанная ситуация явилась следствием отсутствия выработанной единой концепции понимания данного явления (как государственного управления всей сферой, как вида административно-правового регулирования, как отдельная функции в рассматриваемой сфере, или как элемента компетенции уполномоченных органов власти).

По глубокому убеждению авторов, государственную охрану объектов культурного наследия необходимо рассматривать в двух смыслах: в широком смысле – как вид правовой охраны объектов культурного наследия, в связи с чем в нее также будут входить и уголовно-правовая, и гражданско-правовая и пр. виды охраны, в связи с чем задачи такой государственной охраны, закрепленные в Федеральном законе, могут быть расширены; в узком смысле – как административно-правовое регулирование (в том числе административно-правовая охрана) в рассматриваемой сфере, что позволяет включать в рассматриваемый термин все действия уполномоченных органов, конечная цель которых обеспечение физической сохранности объектов культурного наследия, окружающей их историко-культурной и историко-архитектурной среды, исторических поселений, а также сохранение информации о них и связанных с ними событиях. В этом смысле законодательно используемые термины «использование» и «сохранение» являются составной частью государственной охраны, а не самостоятельными понятиями данного механизма и лишь термин «популяризация» может рассматриваться как сравнительно самостоятельное явление, хотя и также связанное с государственной охраной. Указанное свидетельствует о необходимости иного подхода к предметам ведения Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (ст. 1), формированию и закреплению нового понятия исследуемого термина, корректировке его задач, а также перестроения организационно-правовых форм и части полномочий органов государственной власти.

Вместе с тем, авторы не отрицают и иного подхода – возврата к термину «охрана» (в том числе в целях унификации всех сфер законодательства в данном вопросе) и «государственное управление в области охраны объектов культурного наследия», опять же с содержательным изменением и понятия и целей и задач данного явления; конкретизацией правовых, организационных, материально-технических и прочих мер, для невозможности посредством них расширительного толкования частной функции управления до самого полноценного административно-правового регулирования.

Научная дискуссия

Для того, чтобы наиболее полно уяснить сущность исследуемого явления, полагаем необходимым начать с лексического и семантического изучения составляющих элементов данного понятия.

Итак, ключевым элементом во фразе «государственная охрана» является слово «охрана». В научной литературе вопрос истории появления и становления данного слова не раз становился предметом пристального внимания. Исследовался как чисто филологический аспект данного слова¹, так и правовая сущность категории «охрана» [6]. Во всех современных толковых словарях указанный термин определяется либо через глагол «охранять», либо через организацию, осуществляющую охранную деятельность. При этом, несмотря на то, что может показаться, что ближайшим синонимом указанного слова является слово «защищать», указанные термины в словарях не имеют ссылок друг на друга. Возможно, это говорит о том, что данные слова не равнозначны с точки зрения их содержания. В правовом же смысле, как справедливо отмечают А.Я. Рыженков и С.А. Шаронов, понятие «охрана» означает действия уполномоченных лиц, направленные на защиту различных объектов от посягательств. Соответственно, по их мнению, содержательными элементами данного понятия выступают: 1) действия, направленные на защиту объектов охраны; 2) лица, совершающие эти действия и лица, на кого они направлены; 3) блага, по поводу которых возникают эти действия; 4) и специальные приемы и способы осуществления указанных действий [3]. Авторы поддерживают указанную точку зрения и полагают, что такой подход может быть применим и при рассмотрении термина государственная охрана объектов культурного наследия (далее – ГО ОКН).

Вторым содержательным элементом исследуемого понятия выступает слово «государственная». Это прилагательное является производным от слова «государство» и соответственно означает принадлежность к нему². Явным выводом из этого будет утверждение о том, что основным субъектом здесь выступает государство в лице его уполномоченных органов и должностных лиц.

Таким образом, если лингвистически трактовать понятие ГО ОКН, то это деятельность именно государства в лице специально уполномоченных им органов и лиц, наделенных государственно-властными полномочиями, направленная на охрану объектов культурного наследия от различных посягательств. И соответственно, в нее входят: 1) сами действия – т.е. конкретные институты рассматриваемого законодательства, направленные на охрану ОКН (перечислены в ст. 33 Федерального закона от 25.06.2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»³ (далее – Закон об ОКН); 2) конкретные государственные органы, должностные лица и иные лица, уполномоченные на совершение указанных действий (участие в реализации вышеуказанных институтов); 3) сами ОКН как объекты ГО; 4) и конкретные полномочия (права и обязанности) органов государственной власти, должностных лиц и иных уполномоченных лиц по реализации институтов, указанных в пункте 1. Также к содержанию данного термина можно подходить и с точки зрения компетенции органов государственной власти, уполномоченных на осуществление ГО ОКН. В этом случае, исходя из понимания элементов компетенции (в науке есть разные точки зрения на данный вопрос) [1], можно выделять: цели ГО; задачи (функции) ГО; полномочия (права и обязанности) ГО; организационные и правовые формы и методы деятельности для обеспечения ГО.

Теперь же обратимся к законодательно закрепленному определению, а также проведем аналогии с подобными институтами в иных сферах законодательства РФ.

В 1996 году, с принятием Федерального закона от 27 мая 1996 года № 57-ФЗ «О государственной охране»⁴ в законодательстве впервые появился такой термин. При этом, он имеет узкое значение и связан исключительно с теми объектами охраны и охраняемыми объектами, которые указаны в данном законе. Вместе с тем, он имеет аналогичное содержание по своим элементам, что и высказано выше: указывает, что это за деятельность, какими мерами она

¹ История слов: Ок.1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связ. / В.В. Виноградов; Рос. акад. наук. Отд-ние лит. и яз. Науч. совет "Рус. яз.". Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М., 1999. 1138 с.

² Толковый словарь русского языка: Ок. 700 слов. ст.: Свыше 6000 значений / [Ахапкин Д.Н. и др.]; Под ред. Д.В. Дмитриева. М.: Астрель и др., 2003. 782 с.

³ Собрание законодательства РФ. 2002. № 26. Ст. 2519; 2023. № 43. Ст. 7606.

⁴ Собрание законодательства РФ. 1996. № 22. Ст. 2594; 2023. № 32 (часть 1). Ст. 6172.

осуществляется и в отношении кого. Не указывается лишь кем. В законодательном определении так же зафиксирована специфическая цель такой государственной охраны.

Чуть позже, в 1997 году, в региональном законодательстве РФ, в частично в Законе Краснодарского края, впервые появилось легальное определение «государственной охраны памятников истории и культуры» – «система специальных, правовых, организационных, финансовых и иных мер, принимаемых государственными органами и направленных на выявление и учет, сохранение, реставрацию, использование (включая обеспечение общественной доступности) памятников истории и культуры»¹. Указанное определение во многом похоже на определение из Федерального закона «О государственной охране»: также перечисляет систему мер (т.е. способов и приемов осуществления охранной деятельности), указывает на объект охраны (т.е. блага, на которые направлена охрана), добавляет уполномоченные государственные органы. При этом, на первый взгляд, не совсем ясно значение фразы «направленные на», так как может сложиться мнение: что это цели ГО; что это задачи ГО. Однако, при вдумчивом анализе, с учетом первоначально данного определения с точки зрения лексики и семантики, нам становится понятно, что выявление и учете, а также реставрация явно не могут быть целью. Ведь конечная цель любой охраны материального объекта – это его физическая сохранность в должном виде. А выявление, учет и реставрация – лишь способы ее достижения. Что же касается сохранения и использования, то здесь все не так однозначно. С одной стороны – использование может привести к физической утрате объекта, а, следовательно, должно протекать под «присмотром» охраны, защищать объект от нерадивого пользователя. С другой стороны – использование – это самостоятельное явление, отделенное по своей сути от охраны и существующее с ней параллельно². Именно поэтому, в конечном итоге, использование также не может быть конечной целью охраны. И только слово сохранение действительно можно рассматривать как единственная возможная цель ГО в данном случае (необходимо помнить, что в 1997 году еще не был введен термин «работы по сохранению», а применялся только термин «реставрация»). Рассматривая же эту ситуацию с точки зрения задач ГО, мы видим больше сходства. Действительно выявление, учет, реставрация могут быть промежуточными задачами, достижение которых приведет к конечной цели – сохранение объектов культурного наследия. Кроме того, такие задачи выделялись и выделяются в качестве таковых у специально уполномоченных органов государственной власти в данной области (элемент компетенции)³. В этом смысле мы можем говорить о том, что эти задачи одновременно являются целыми институтами данного законодательства, так как включают в себя целый ряд конкретных прав и обязанностей различных органов, для их реализации (еще один элемент компетенции органа власти). Это опять же дает нам основание говорить, что именно такие институты выступают действиями, а конкретные права и обязанности по их реализации – приемами и способами их совершения. Т.е., в данном случае, можно поставить знаки равенства между действиями, институтами и задачами (функциями органа).

Таким образом, мы видим, что на первоначальном этапе формирования данного легального определения термин ГО ОКН содержит в себе ряд несоответствий: в него включены цели и задачи, которые смешаны между собой. Это прослеживается и в иных положениях Закона Краснодарского края, где этот термин был дан⁴. Заимствование элементов определения ГО из другого закона, предназначенного для регулирования иных общественных отношений, без их адаптации к сущности рассматриваемой сферы, было изначально неудачным. Возможно также свою негативную роль сыграла неопределенность разработчиков закона в подходе к содержанию данного понятия – исходить из элементов понимания такого явления как «охрана» или элементов компетенции органов,

¹ Об охране и использовании памятников истории и культуры на территории Краснодарского края: Закон Краснодарского края от 1.04.1997 № 75-КЗ (утратил силу) // Текст официально опубликован не был. Доступ из СПС «Гарант».

² Совершенно ясно, что если регулирование использования ОКН осуществляется без учета мотивов охраны, т.е. как обычного имущества, то это уже гражданско-правовое регулирование, не связанное ни с ГО, ни с законодательством об ОКН.

³ См., напр.: Об управлении государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края: Постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 8.12.2016 № 1000 [сайт]. Официальный сайт Администрации Краснодарского края; 2024 [обновлено 15 января 2024; процитировано 07 февраля 2024]. Доступно: <http://admkrain.krasnodar.ru>.

⁴ Интересным фактом является то, что этот термин в законе, после своего определения, использован лишь один раз – в ст. 2, а в законе повсеместно, по аналогии с советским законодательством, используется фраза «охрана и использование» без слова «государственная».

осуществляющих ее, что привело к неопределенности внутреннего содержания (наполнения) данного термина.

В 2002 году, с принятием Закона об ОКН, в его ст. 6 появляется федеральное легальное определение «государственная охрана объектов культурного наследия» - это «система правовых, организационных, финансовых, материально-технических, информационных и иных принимаемых органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления в соответствии с настоящим Федеральным законом в пределах их компетенции мер, направленных на выявление, учет, изучение объектов культурного наследия, предотвращение их разрушения или причинения им вреда». Во многом это определение схоже с ранее озвученным и является его продолжением. Однако, есть и существенные отличия.

Так, в этом определении вновь используется фраза «направленных на», но перечисляются частично новые термины. Также фигурируют выявление и учет. Появляется термин «изучение». А термин «сохранение» заменен на «предотвращение их разрушения или причинения им вреда». В дополнение к ст. 6 имеется ст. 33 Закона об ОКН, которая называется «цели и задачи государственной охраны объектов культурного наследия». Часть 1 данной статьи в качестве целей ГО называет: предотвращение повреждения, разрушения или уничтожения, изменения их облика и интерьера, нарушения установленного порядка их использования, незаконного перемещения и предотвращения других действий, могущих причинить вред объектам культурного наследия, а также их защита от неблагоприятного воздействия окружающей среды и иных негативных воздействий. Таким образом, сравнивая ст. 6 и ч. 1 ст. 33 Закона об ОКН, мы можем сделать вывод о том, что в легальном определении ГО присутствует часть целей.

Исследуя оставшиеся составляющие определения из ст. 6 Закона об ОКН, мы вновь обращаемся к ст. 33 Закона об ОКН, но теперь уже к части 2. Дело в том, что, если в части 1 четко указано, что это цели. То в единственной оставшейся части 2 нигде не фигурирует слово «задачи». Об этом мы можем сделать только логический вывод из наименования самой статьи. Такого же мнения придерживаются и иные исследователи [5]. И здесь мы и находим и выявление, и учет, и изучение, что опять подтверждает высказанное ранее нами мнение, что это задачи. Кроме того, здесь содержится еще целый ряд иных задач (неоднократно менявшихся), которые не нашли своего отражения в закреплённом в ст. 6 Закона об ОКН определении.

Т.е., по-прежнему, сохраняется изъян смешения целей и задач ГО ОКН, обнаруженный нами в ранее приведенном определении из Закона Краснодарского края.

Возможно, одной из причин такого неверного подхода к определению сущности, а, следовательно, и термина ГО ОКН кроется в положениях ст. 4 и 5 Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия¹, где постоянно говорится о «выявлении, охране, сохранении, популяризации и восстановлении» как о равновеликих самостоятельных явлениях. При этом именно термин ГО там не присутствует. На сколько широка трактовка используемого термина «охрана» однозначно не ясно.

В отличие от вышеуказанной конвенции в советском законодательстве, где также отсутствовал термин ГО, термин «охрана» использовался только в сочетании с термином «использование». Т.е., ни выявление, ни учет, ни сохранение, ни популяризация, ни восстановление не ставились в равное положение с охраной. В ст. 2 «Задачи советского законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры» Закона РСФСР от 15.12.1978 года «Об охране и использовании памятников истории и культуры»² указывалось, что: «Советское законодательство об охране и использовании памятников истории и культуры регулирует общественные отношения в области охраны и использования памятников в целях обеспечения их сохранности для настоящего и будущих поколений, эффективного использования для научного изучения и пропаганды памятников в интересах коммунистического воспитания трудящихся». Т.е. понятие «охрана» включало в себя такие явления как выявление, учет, популяризация и сохранение (в смысле термина «реставрация»). И отдельно по всему закону выделяется и используется термин «государственное управление в области охраны и использования ОКН». В Законе же об ОКН, в ст. 1, в качестве предметов

¹ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия / ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (дата обращения: 04.02.2024).

² Об охране и использовании памятников истории и культуры: Закон РСФСР от 15.12.1978 (утратил силу) // Свод законов РСФСР. Т. 3. С. 498.

регулируемые указываются 4 самостоятельных предмета: отношения, связанные с сохранением, использованием и популяризацией; особенности владения, пользования и распоряжения; порядок формирования и ведения единого государственного реестра; и общие принципы ГО ОКН (которых в законе далее по тексту нет вовсе). Т.е. уже здесь законодатель, отходя от советского подхода, ориентируясь на международную конвенцию, все эти понятия ставит в один ряд. Однако, опять же, вспоминая ст. 6 и ст. 33 Закона об ОКН, мы видим, что все эти явления (предметы) являются составными задачами ГО. Более того, не совсем ясно, для чего разделять термин «использование» из первого предмета и весь второй предмет. Разве что подчеркнуть важность гражданско-правовой составляющей этого вопроса в условиях приватизации¹. Дополнительно хотелось бы отметить, что в задачах государственной культурной политики в области ОКН, изложенных в Указе Президента РФ от 24.12.2014 года № 808², прямо выделяются только совершенствование системы ГО ОКН, а также опосредованно говорится об их популяризации (повышение роли и значимости ОКН и иные аналогичные положения). В связи с чем многие исследователи говорят именно и исключительно о ГО ОКН, как самостоятельном направлении государственной политики в сфере культуры [4]. Исходя из этого, а также положений о целях и задачах ГО ОКН, мы можем сделать вывод о том, что оно выступает в виде административно-правового регулирования (или государственной управленческой деятельности) в данной сфере (посредством системы правовых, организационных и пр. мер, указанных в понятии). Что позволяет также рассматривать проблему ГО ОКН через призму такого явления, как «административно-правовой режим», элементов его содержания и юридической конструкции [2].

Так, А.К. Вахитов, используя такой термин, как «административно-правовой режим ОКН» как способ административно-правовой охраны ОКН, выделяет специальные (узко-специализированные) административно-правовые режимы, содержанием которых является «совокупность административно-правовых предписаний нормативного характера, достаточно полно регулирующих общественные отношения, складывающиеся в связи с сохранением и использованием названных объектов»³. В своей диссертационной работе он приводит такие специальные режимы, как (выявление, учет, изучение, сохранение, использование, контроль) (сноска – там же). Нужно отметить, что многие авторы в своих исследованиях подходят к вопросам ОКН с точки зрения их правовой охраны и говорят о конституционно-правовой, гражданско-правовой, административно-правовой и прочих видах (способах) охраны [7]. При этом, в административно-правовую охрану как раз и включают не только вопросы административной ответственности или контроля (надзора), но и выявление, учет, согласительные и разрешительные процедуры и пр. Таким образом, говоря об административно-правовой охране, фактически подразумевают ГО ОКН в том виде, как она содержится в ст. 33 Закона об ОКН.

Если же рассмотреть схожие институты в других сферах законодательства РФ, то мы можем увидеть, что повсеместно используется термин «охрана». Например, законодательно закреплены такие понятия, как «охрана труда», «охрана окружающей среды», «охрана лесов». При этом принципиальным отличительным моментом является не столько субъекты, осуществляющие охрану (не только государственные органы, но и общественные объединения и иные лица), сколько содержание самого понятия – это всего лишь частная функция управления, а не полноценное административно-правовое регулирование. Именно поэтому, здесь также встречается понятие «государственное управление в области охраны» (сноска – например в ТК РФ есть глава 34 «Государственное управление охраной труда ...»)⁴.

Список использованной литературы:

1. Кушко М.А. Компетенция органа исполнительной власти как элемент его статуса. *Вестник экономической безопасности*. 2023;(2):118–123. DOI: <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-2-118-123>.

References:

1. Kushko M.A. [Competence of the executive authority as an element of its status]. *Bulletin of Economic Security*. 2023;(2):118–123. DOI: <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-2-118-123>

¹ Джамбатов А.А. Гражданско-правовой режим объектов культурного наследия: дис. ... канд. юрид. наук: М., 2005. 170 с.

² Собрание законодательства РФ. 2014. № 52 (часть 1). Ст. 7753.

³ Вахитов А.К. Административно-правовая охрана объектов культурного наследия: дис. ... канд. юрид. наук: М., 2007. 170 с.

⁴ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 14.02.2024). Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (часть 1). Ст. 3; 2024. № 8. Ст. 1039.

2. Ноздрачев А.Ф. Современное содержание понятия «административно-правовой режим». *Административное право. Финансовое право. Информационное право*. 2017;(2):98–110.
3. Рыженков А.Я., Шаронов С.А. Динамика понятия «охрана» как исходной предпосылки охранной деятельности: от Русской Правды до Конституции России. *Вестник Волгоградского государственного университета*. 2015;29(4):19–24.
4. Сазонникова Е.В. Культурное наследие: понятие и основы правового регулирования государственной охраны. *Вестник ВГУ. Серия Право*. 2006;(1):76–82.
5. Чурилов К.В. Законодательство Российской Федерации в области сохранения, использования и государственной охраны объектов культурного наследия. *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края*. 2019;(25):372–378.
6. Шаронов С.А. Правовая сущность категории «охрана» как основание возникновения охранной деятельности: историко-сравнительный аспект. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2013;(6(95)):134–139.
7. Янович М.В. Правовая охрана культурного наследия Арктики. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2014;(4):120–126.
- (In Russ.)]
2. Nozdrachev A.F. [The modern content of the concept of "administrative and legal regime"]. *Administrative law. Financial law. Information law*. 2017;(2):98–110. (In Russ.)]
3. Ryzhenkov A.Ya., Sharonov S.A. [Dynamics of the concept of "protection" as the initial premise of security activity: from the Russian Truth to the Constitution of Russia]. *Bulletin of the Volgograd State University*. 2015;29(4):19–24. (In Russ.)]
4. Sazonnikova E.V. [Cultural heritage: the concept and fundamentals of legal regulation of state protection]. *Bulletin of the VSU. The Law series*. 2006;(1):76–82. (In Russ.)]
5. Churilov K.V. [Legislation of the Russian Federation in the field of conservation, use and state protection of cultural heritage objects]. *Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory*. 2019;(25):372–378. (In Russ.)]
6. Sharonov S.A. [The legal essence of the category "protection" as the basis for the emergence of security activities: historical and comparative aspect]. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2013;(6(95)):134–139. (In Russ.)]
7. Yanovich M.V. [Legal protection of the cultural heritage of the Arctic]. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2014;(4):120–126. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Берлизов Михаил Павлович*

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID 0000-0002-7959-9460

Проценко Денис Сергеевич

руководитель Управления Министерства культуры Российской Федерации по Южному и Северо-Кавказскому федеральным округам

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mikhail P. Berlizov*

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID 0000-0002-7959-9460

Denis S. Protsenko

Head of the Department of the Ministry of Culture of the Russian Federation for the Southern and North Caucasian Federal Districts

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ИСПЫТАНИЕМ ФАРМАКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕПАРАТОВ

Епифанова Е.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Епифанова Е.В. Административно-правовое обеспечение государственного контроля за испытанием фармакологических препаратов. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(1):39–44. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-39-44>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Епифанова Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: epifanova_elen@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 12.02.2024

Статья принята к печати: 11.03.2024

Дата публикации: 30.03.2024

Аннотация: Целью работы выступает анализ проблематики административно-правового обеспечения государственного контроля за испытанием фармакологических препаратов.

Исходя из поставленной цели, в задачи исследования входит выявление теоретических и практических проблем в административно-правовом регулировании испытания фармакологических препаратов, а также внесение предложений по совершенствованию механизма государственного контроля в данной сфере. В настоящее время наблюдается возрастание значения административно-предупредительных мер в сфере охраны здоровья населения в целом и контроля за испытанием фармакологических препаратов, в частности. В том числе это обусловлено информацией о целой серии недобросовестных испытаний рядом зарубежных фармацевтических компаний препаратов в России и на новых территориях, вошедших в состав Российской Федерации.

Принципиальный вывод статьи состоит в том, что существующая система нормативного регулирования государственного контроля за проведением медицинских опытов и экспериментов с участием человека явно несовершенна. Действующая система правового регулирования распространяется лишь на клинические исследования фармакологических препаратов, но не распространяется на иные формы терапии. Клинические испытания лекарственного препарата на пациенте предполагают не только выявление его фармакологических свойств, но и лечение, то есть терапию пациента. Автором доказывается, что лишь добровольного информированного согласия пациента недостаточно для защиты его конституционного права на защиту при медицинских опытах, предусмотренного частью 2 статьи 21 Конституции Российской Федерации, в силу экспериментального характера терапии или диагностики.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование, государственно-управленческая деятельность, административно-предупредительные меры, охрана здоровья, медицинские опыты, фармакологический контроль, испытание фармакологических препаратов.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL SUPPORT OF STATE CONTROL OVER TESTING OF PHARMACOLOGICAL DRUGS

Elena V. Epifanova

FGBOU VO «Kuban State University»
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Epifanova E.V. Administrative and legal support of state control over testing of pharmacological drugs. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(1):39–44. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-39-44>

CONTACT INFORMATION:

Elena V. Epifanova, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the FGBOU VO «Kuban State University»

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: epifanova_elen@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 12.02.2024

The article has been accepted for publication: 11.03.2024

Date of publication: 30.03.2024

Annotation: The purpose of the work is to analyze the problems of administrative and legal support of state control over the testing of pharmacological drugs.

Based on the goal, the objectives of the study include identifying theoretical and practical problems in the administrative and legal regulation of testing pharmacological drugs, as well as making proposals for improving the mechanism of state control in this area. Currently, there is an increasing importance of administrative and preventive measures in the field of protecting public health in general and monitoring the testing of pharmacological drugs in particular. This is also due to information about a whole series of unfair tests by a number of foreign pharmaceutical campaigns of drugs in Russia and in new territories that became part of the Russian Federation.

The fundamental conclusion of the article is that the existing system of regulatory regulation of state control over the conduct of medical experiments and experiments involving humans is clearly imperfect. The current system of legal regulation applies only to clinical trials of pharmacological drugs, but does not apply to other forms of therapy. Clinical trials of a drug on a patient involve not only identifying its pharmacological properties, but also treatment, that is, therapy for the patient. The author proves that only the voluntary informed consent of the patient is not enough to protect his constitutional right to protection during medical experiments, provided for in Part 2 of Article 21 of the Constitution of the Russian Federation, due to the experimental nature of therapy or diagnosis.

Key words: administrative and legal regulation, public management activities, administrative and preventive measures, health care, medical experiments, pharmacological control, testing of pharmacological drugs.

Введение

Фармакологические препараты выступают одним из основных средств лечения человека, соответственно, от их эффективности и качества зависит здоровье человека. Специфика внедрения в процесс лечения тех или иных новых препаратов предполагает в том числе проверку их на животных и людях. С учетом того, что в отношении людей такого рода испытания несут в себе значительную долю риска для здоровья человека, они требуют государственного контроля. Нельзя сказать, что такого контроля нет вообще, однако его формы и методы далеки от совершенства. Тем более важно как четкое нормативное определение компетенции контролирующих государственных органов, так и самой процедуры, предполагающей гарантии прав и законных интересов пациентов.

Методы исследования

Исследование проблематики административно-правового регулирования государственного контроля в сфере фармакологии в Российской Федерации определяет методологию исследования, включающую в себя использование эвристических и аксиологических методов исследования, наряду с методом системного анализа правовых, управленческих и естественнонаучных явлений в контексте избранной темы, а также метода статистического анализа. Важное значение имеет методология межсистемного анализа этических и правовых явлений при испытаниях фармакологических препаратов.

Результаты исследования

В результате исследования сформулирован тезис о том, что существующая система административно-правового регулирования государственного контроля за проведением медицинских опытов и экспериментов в целом и в связи с испытаниями фармакологических препаратов, в частности, несовершенна. Отечественная система административно-правового регулирования распространяется лишь на контроль за клиническими исследованиями фармакологических препаратов, но не распространяется на иные формы терапии. Между тем, клинические испытания лекарственного препарата на пациенте предполагают не только выявление его фармакологических свойств, но и лечение, то есть терапию пациента. С учетом этических норм, сложившихся в нашем обществе считаем, что лишь добровольного информированного согласия пациента недостаточно для защиты его конституционного права на защиту при медицинских опытах, предусмотренного частью 2 статьи 21 Конституции Российской Федерации, в силу экспериментального характера терапии или диагностики. Больной человек, поставленный зачастую в условия, когда он хватается за любую возможность вылечиться не должен быть один на один с бенефициаром клинических испытаний фармпрепарата. Регулятор обязан не только давать общее разрешение на испытания, но и контролировать персонально каждый случай таких испытаний лекарств на человеке.

Научная дискуссия

Лекарственные препараты являются важнейшей составной частью лечения человека. Формирование перечня жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов для медицинского применения¹ осуществляется органами исполнительной власти с учетом возможностей отечественного фармакологического производства, возможностей импортирования, общей экономической ситуации в стране.

Контрольно-надзорная деятельность в сфере фармацевтики подразумевает установление правил государственного контроля в сфере медицинской деятельности², включая правила санитарного контроля на территории Российской Федерации³, а также установление правил контроля оборота наркотиков и психотропных препаратов⁴; разрешительная⁵ и лицензионная¹ деятельность в

¹ Об утверждении перечня жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов, а также перечней лекарственных препаратов для медицинского применения и минимального ассортимента лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи: Распоряжение Правительства РФ от 12.10.2019 № 2406-р (ред. от 23.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 42 (часть III). Ст. 5979.

² См. напр.: О федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере обращения лекарственных средств (вместе с «Положением о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере обращения лекарственных средств»): Постановление Правительства РФ от 29.06.2021 № 1049 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть III). Ст. 5427.

³ См. напр.: Об утверждении Правил осуществления санитарно-карантинного контроля в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 29.06.2011 № 500 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27. Ст. 3936.

⁴ О мерах контроля в отношении препаратов, которые содержат малые количества наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, включенных в перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 31.03.2022 № 540 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 15. Ст. 2464; Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 (ред. от 15.06.2022) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 27. Ст. 3198; 2022. № 25. Ст. 4343.

⁵ Об особенностях разрешительной деятельности в Российской Федерации в 2022 году Постановление Правительства РФ от 12.03.2022 № 353 (ред. от 06.04.2022) // Собрание законодательства РФ. 2022. № 12. Ст. 1839.

сфере здравоохранения, включая фармакологию² с учетом того, что производство лекарственных средств является составной частью фармацевтической деятельности, но не включает в себя производство фармацевтических субстанций. В то же время, отдельные фармацевтические субстанции, например, лекарственные травы, могут рассматриваться и как лекарственные препараты.

Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения реализует функции государственного контроля и надзора за обращением медицинских изделий, включая фармакологический контроль и контроль за производством и оборотом биомедицинских клеточных продуктов;

Важно заметить, что фармакологические и санитарные требования применяются к медицинским товарам, происходящим из иностранного государства, таким же образом, каким они применяются к аналогичным медицинским товарам российского происхождения, исключая поставки для государственных и муниципальных нужд.

До 2022 формально существовал запрет ввоза медицинских препаратов и изделий в Российскую Федерацию без разрешения правообладателя. Однако, в условиях перманентных ограничений на торговлю, вводимых отдельными иностранными государствами и кампаниями, Правительством Российской Федерации введена возможность параллельного импорта медицинских товаров и фармпрепаратов³. Перечень изделий для параллельного импорта устанавливается Министерством промышленности и торговли Российской Федерации. Причем, даже в условиях так называемых «санкций» в отношении нашей страны Минпромторг ограничивает перечень медицинских препаратов и изделий для параллельного импорта, то есть без разрешения иностранного правообладателя⁴. Существуют ограничения импорта фармакологических препаратов, не прошедших регистрацию на территории Российской Федерации, за исключением ввозимых для клинических исследований [1]. То же самое касается медицинских изделий, контроль за ввозом которых осуществляется Федеральной службой по надзору в сфере здравоохранения⁵.

Так вот вопрос клинических испытаний фармакологических препаратов приобретает особое юридическое значение в свете поступающей информации о нарушениях прав и законных интересов лиц, на которых такие испытания проводились и проводятся. С одной стороны, некоторые общественные объединения выступают за мораторий требования о проведении клинических исследований зарубежных препаратов с участием российских пациентов, мотивируя это якобы ограничением времени доступа к инновационным фармпрепаратам⁶. С другой стороны, появляется информация о недобросовестных испытаниях фармпрепаратов со стороны некоторых фармацевтических гигантов на новых территориях России в период до начала специальной военной операции⁷.

Конституционное право формирует принципы охраны здоровья, конкретизация которых есть прерогатива административного права. Одной из типичных групп общественных отношений, требующих многоэтапного конституционного и административно-правового регулирования,

¹ Об утверждении Положения о лицензировании производства лекарственных средств: Постановление Правительства РФ от 06.07.2012 № 686 (ред. от 14.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 29. Ст. 4116.

² Об утверждении Положения о лицензировании фармацевтической деятельности: Постановление Правительства РФ от 31.03.2022 № 547 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 15. Ст. 2469.

³ О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы: Постановление Правительства РФ от 29.03.2022 № 506 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 14. Ст. 2286.

⁴ См.: Лекарства и медизделия не попали в список товаров для параллельного импорта // Vademecum [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vademec.ru/news/2022/05/06/lekarstva-i-medizdeliya-ne-popali-v-spisok-tovarov-dlya-parallelnogo-importa/?ysclid=lcyj9mvfmu914855575> (дата обращения: 16.01.2023).

⁵ Об утверждении Порядка ввоза на территорию Российской Федерации медицинских изделий в целях государственной регистрации: Приказ Министерства здравоохранения РФ от 30.06.2020 № 661н // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Костарнова Н. Клинические испытания клином выбивают // Коммерсантъ. 2023. 14 марта.

⁷ Мельникова В. Западные фармкомпании проводили испытания препаратов на мариупольцах // Аргументы и факты. 2024. 12 февраля; Рябинина Ю. Западные фармкомпании испытывали препараты на пациентах больницы Мариуполя // Российская газета. 12 февраля.

выступают отношения контроля за проведением медицинских опытов и экспериментов с участием человека [2; 3; 4; 5; 7].

Действующая в России система правового регулирования распространяется лишь на клинические исследования фармакологических препаратов, но не распространяется на иные формы терапии. Но, клинические исследования лекарственного препарата на пациенте предполагают не только выявление его фармакологических свойств, но и лечение, то есть терапию пациента.

Опыт, в том числе и автора данной работы говорит о том, что кроме добровольного согласия самого пациента при проведении, например, экспериментов по оценке эффективности лекарственных препаратов, никакого государственного контроля в этой части не осуществляется. Мы считаем, что только добровольного информированного согласия пациента в данном случае недостаточно, тем более что исчерпывающей информации об эффекте экспериментальной терапии пациент получить и не может. Между тем, в судебной практике были попытки обосновать со стороны административных истцов некоторые «антиковидные» меры их, по мнению истцов, экспериментальным характером¹.

В силу экспериментального характера терапии или диагностики согласия пациента недостаточно для защиты его конституционного права на защиту при медицинских опытах, предусмотренного частью 2 статьи 21 Конституции Российской Федерации и требуются дополнительные гарантии со стороны государства, выраженные в осуществлении контрольно-надзорной деятельности. Считаем необходимым получение согласия Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения на каждый конкретный случай применения экспериментальной терапии. Такая позиция подтверждается и мнением ученых, указывающих на отсутствие единого нормативного акта, регулирующего экспериментальную терапию [6].

Список использованной литературы:

1. Афонин Д.Н. Запреты и ограничения внешнеэкономической деятельности при импорте лекарственных веществ в Российскую Федерацию. *Бюллетень инновационных технологий*. 2021;5(2(18)):20–28.
2. Дамулин И.В., Шурупова Р.В., Струценко А.А. Судьбы врачей и нацизм. *Сеченовский вестник*. 2016;24(2):63–69.
3. Дамулин И.В., Шурупова Р.В., Струценко А.А. Третий рейх, медицина и эпонимы. Память и этика. *Клио*. 2016;114(6):148–154.
4. Дамулин И.В., Струценко А.А., Конотоп А.В. Этика и медицина. *Вестник Российской Военно-медицинской академии*. 2020;(3):22–24. DOI: 10.32863/1682-7392-2020-3-71-22-24.
5. Дамулин И.В. Этика и медицина: некоторые малоизвестные страницы истории третьего рейха и США. *Российский медицинский журнал*. 2017;23(1):52–56. DOI: 10.18821/0869-2106-2017-23-1-52-56.
6. Чернышева Ю.А. Правовые основы проведения биомедицинских экспериментальных исследований с участием человека в РФ. *Общество и право*. 2011;36(4):304–306.
7. Чертенко А.П. «Обреченные быть мясом». Медицинские эксперименты на людях как фигура умолчания и метафора («Летучие собаки» Марселя Байера и «Дети Алиндарки» Альгерда Бахаревича). *Studia Culturae*. 2017;(31):176–196.

References:

1. Afonin D.N. [Prohibitions and restrictions of foreign economic activity in the import of medicinal substances into the Russian Federation]. *Bulletin of innovative technologies*. 2021;5(2(18)):20–28. (In Russ.)]
2. Damulin I.V., Shurupova R.V., Strutsenko A.A. [The fate of doctors and Nazism]. *Sechenovsky Bulletin*. 2016;24(2):63–69. (In Russ.)]
3. Damulin I.V., Shurupova R.V., Strutsenko A.A. [The Third Reich, medicine and eponyms. Memory and ethics]. *Clio*. 2016;114(6):148–154. (In Russ.)]
4. Damulin I.V., Strutsenko A.A., Konotop A.V. [Ethics and medicine]. *Bulletin of the Russian Military Medical Academy*. 2020;(3):22–24. DOI: 10.32863/1682-7392-2020-3-71-22-24 (In Russ.)]
5. Damulin I.V. [Ethics and medicine: some little-known pages of the history of the Third Reich and the USA]. *Russian Medical Journal*. 2017;23(1):52–56. DOI: 10.18821/0869-2106-2017-23-1-52-56 (In Russ.)]
6. Chernysheva Yu.A. [Legal foundations of biomedical experimental research with human participation in the Russian Federation]. *Society and law*. 2011;36(4):304–306. (In Russ.)]
7. Chertenko A.P. ["Doomed to be meat". Medical experiments on humans as a figure of silence and metaphor ("Flying Dogs" by Marcel Bayer and "Children of Alindarka" by Algerd Bakharevich)]. *Studia Culturae*. 2017;(31):176–196. (In Russ.)]

¹ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 28.06.2021 № АПЛ21-202 «Об оставлении без изменения Решения Верховного Суда РФ от 01.04.2021 № АКПИ21-78, которым было отказано в удовлетворении коллективного административного искового заявления и административных исковых заявлений о признании частично недействующим пункта 4.4 санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1.3597-20 «Профилактика новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», утв. Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 22.05.2020 № 15 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Епифанова Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: 0000-0002-6611-8031
Author ID: 57200340983

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Epifanova

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: 0000-0002-6611-8031
Author ID: 57200340983

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРОТИВОПРАВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Занина Т.М.

ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации»
(Проспект Патриотов, д. 53, г. Воронеж, Россия, 394065)

Ссылка для цитирования: Занина Т.М. Актуальные проблемы деятельности полиции в предупреждении противоправной деятельности несовершеннолетних экстремистской направленности. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(1):45–51. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-45-51>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Занина Татьяна Митрофановна, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Адрес: Проспект Патриотов, д. 53, г. Воронеж, Россия, 394065

Тел.: +7 (473) 264-87-99

E-mail: zanina.tatyana2020@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 29.01.2024

Статья принята к печати: 28.02.2024

Дата публикации: 30.03.2024

Аннотация: Целью работы является совершенствование деятельности полиции в предупреждении противоправной деятельности экстремистской направленности среди несовершеннолетних, решение основных проблем осуществления указанной деятельности.

Исходя из поставленной цели, в *задачи* исследования входит анализ действующего законодательства по предупреждению противоправной деятельности несовершеннолетних экстремистской направленности, научно обоснованные пути решения проблем применения данного законодательства.

Принципиальный *вывод* статьи состоит в том, что, говоря о предупреждении экстремизма среди несовершеннолетних, изменения должны коснуться, в первую очередь, подразделений, на которые возложено основной объем задач в профилактике правонарушений несовершеннолетних в целом, среди которых следует выделить службу УУП и ПДН, а также ППСП. Все подразделения полиции и внутренней службы, составляющие структуру ОВД, должны действовать согласованно и в тесном оперативном взаимодействии.

Ключевые слова: экстремизм, несовершеннолетний, вовлечение, профилактическая работа.

CURRENT PROBLEMS OF POLICE ACTIVITY IN PREVENTING ILLEGAL ACTIVITIES OF EXTREMIST MINORS

Tatiana M. Zanina

FGKOU VO «Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation»
(53 Patriotov Avenue, Voronezh, Russia, 394065)

Link for citation: Zanina T.M. Current problems of police activity in preventing illegal activities of extremist minors. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(1):45–51. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-45-51>

CONTACT INFORMATION:

Tatyana M. Zanina, Cand. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the Voronezh Institute of the FGKOU VO «Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»

Address: 53 Patriotov Avenue, Voronezh, Russia, 394065

Tel.: +7 (473) 264-87-99

E-mail: zanina.tatyana2020@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 29.01.2024

The article has been accepted for publication: 28.02.2024

Date of publication: 30.03.2024

Annotation: The goal of the work is to improve the activities of the police in preventing illegal extremist activities among minors, solving the main problems of carrying out these activities.

Based on the set goal, the objectives of the study include an analysis of the current legislation on the prevention of illegal activities of extremist minors, scientifically based ways to solve the problems of applying this legislation.

The fundamental conclusion of the article is that, speaking about the prevention of extremism among minors, changes should affect, first of all, the units that are entrusted with the bulk of tasks in the prevention of juvenile delinquency in general, among which the UUP and PDN service should be highlighted, as well as PPSP. All police and internal service units that make up the structure of the internal affairs department must act in concert and in close operational cooperation.

Keywords: extremism, underage, involvement, preventive work.

Введение

На высшем государственном уровне установлено, что одними из приоритетных направлений государственной политики в области повышения уровня общественной безопасности, являются: «совершенствования единой государственной системы профилактики преступности и иных правонарушений в первую очередь среди несовершеннолетних», а также «совершенствование структуры и деятельности федеральных органов исполнительной власти по выявлению, предупреждению и пресечению различных форм экстремизма» [1, с. 24].

Методы исследования

Методология исследования подразумевает как использование общенаучных методов (анализ, синтез, обобщение, аналитика), так и применение специально-юридических методов (сравнительно-правовой и формально-юридический методы).

Результаты исследования

Предлагается внесение изменений в отдельные нормативные правовые акты: приказ МВД России «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации», Устав федерального казенного учреждения «Главный информационно–аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации», приказ МВД России «Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы территориальных органов МВД России». Представляется, что предложения по совершенствованию регламентирующих документов внесут больше структурированности в деятельность служб и подразделений ОВД в направлении предупреждения экстремизма среди несовершеннолетних.

Научная дискуссия

Указом Президента от 29 мая 2020 № 344¹ установлено, что одними из основных направлений совершенствования государственной политики (в законодательной и правоохранительной областях) по противодействию экстремизму являются:

- улучшение эффективности в выявлении и пресечении производства, хранения и распространения материалов, символики и атрибутики экстремистских группировок;
- организация профессиональной подготовки согласно утвержденным учебным программам для выявления, пресечения, раскрытия, расследования и профилактики экстремистских проявлений;
- улучшение процедуры проведения экспертизы материалов, предположительно содержащих информацию экстремистского характера;
- усовершенствование законодательства Российской Федерации в сфере борьбы с экстремизмом.

Исходя из этого, на законодательном уровне создана основа и заданы основные направления совершенствования рассматриваемого вида деятельности. Исследованием установлено, что органы внутренних дел являются одним из основных правоохранительных органов, которые выполняют основной объем работы в деятельности по предупреждению противоправной деятельности несовершеннолетних, в том числе экстремистской направленности. В связи с этим, вопросы совершенствования организационно-правовых и тактических основ их деятельности являются весьма актуальными [3, с. 37].

Говоря об организационно-правовых изменениях, стоит обратить внимание на нормативные акты МВД России, регулирующие деятельность различных подразделений. В частности, имеет эффективное профилактическое значение приказ МВД России от 4 марта 2020 № 119, которым закрепляется порядок применения особой превентивной меры в виде «официального предостережения» в целях недопущения «дальнейшего совершения действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо в целях недопустимости продолжения антиобщественного поведения»², когда в таких действиях отсутствуют признаки, позволяющие привлечь лицо к уголовной или административной ответственности [9, с. 176].

Данная мера крайне полезна, когда речь идет о случаях вовлечения несовершеннолетних лиц в совершение противоправной, в том числе экстремистской деятельности. В частности, исследователи выделяют три основные этапы вовлечения несовершеннолетнего в экстремистскую деятельность:

- вовлечение в среду, где формируется убежденность в социальной обделенности и несправедливости, по экономическому, идеологическому или психологическому признаку;
- формальное и неформальное членство в экстремистской организации;
- поведенческий, когда несовершеннолетний совершает конкретные действия и поступки экстремистского характера [2, с. 149].

Задача сотрудников ОВД остановить развитие противоправного поведения несовершеннолетнего на начальной стадии, то есть не допустить вовлечения в среду экстремистов или других лиц, занимающихся противоправной деятельностью [8, с. 207]. Этот этап, как правило, не связан с совершением противоправных действий и еще рано говорить о членстве в сообществе. Несовершеннолетний, в некотором роде, «знакомится» со средой и ее членами. Однако это знакомство может повлечь крайне неблагоприятные последствия. И здесь, крайне полезным было бы вынесение предостережения.

¹ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2020 № 344 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения (вместе с «Порядком объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения, включая порядок его направления (вручения)»: Приказ МВД России от 4.03.2020 № 119 (Зарегистрировано в Минюсте России 22.06.2020 № 58737) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.02.2024).

Таким правом обладают инспекторы по делам несовершеннолетних, что прямо исходит из п. 4.2 Приложения 3 приказа МВД России от 4 марта 2020 № 119. Данное право конкретизируется в п. 71.7 приказа МВД России от 15 октября 2013 № 845, где сказано, что сотрудники по делам несовершеннолетних (далее – ПДН) имеют право объявить несовершеннолетнему, указанному в п.п. 2.1.1 или 2.2, официальное предостережение о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения (что как раз подпадает под первый этап приобщения несовершеннолетнего к экстремизму) [7, с. 340].

Однако, если мы обратимся к п. 2.1.1 Инструкции, где перечислены категории несовершеннолетних, в отношении которых необходимо проводить индивидуальную профилактическую работу, то мы обнаружим, что нет прямого указания на несовершеннолетних, допускающих антиобщественное поведение или совершающих антиобщественные действия. В п. 2.2 Инструкции сказано, что профилактическая работа может вестись в отношении несовершеннолетних, не указанных в п. 2.1.1, если есть необходимость профилактики совершения ими правонарушений, без конкретизации того, о каких именно нарушениях идет речь, а также снова нет указания на антиобщественное поведение или действия [4, с. 23]. В тоже время, в п. 49.1.4 указывается на возможность заведения УПК на несовершеннолетнего, совершившего антиобщественные действия, хотя «действия» являются активной формой поведения, что нельзя сказать о несовершеннолетнем, который только знакомится с экстремистской средой. Одновременно с этим, нельзя назвать таких несовершеннолетних и принадлежащими к группам антиобщественной или иной направленности, в порядке п. 95.1 Инструкции.

Получается, что несовершеннолетние, которые еще не успели совершить антиобщественные действия, вступить в экстремистские сообщества, иным образом активно участвовать в действиях экстремистского характера, прямо не охватываются правом инспектора вынести такому подростку предостережение. А ведь поведение несовершеннолетнего, который еще не является участником экстремистского общества или группы антиобщественной направленности, но знакомится с экстремистской средой, имеет вполне конкретные формы, в числе которых, можно выделить:

- прослушивание аудиозаписей, выполняющие роль «гимнов» и других символических мелодий экстремистской организации;
- разовые появления в обществе лиц, занимающиеся деятельностью экстремистской направленности;
- употребление терминологии (не содержащие экстремистских материалов), например, условных обозначений, «кличек» и др. [5, с. 78]

По нашему мнению, постановка на учет таких лиц в составе группы антиобщественной направленности, противоречило бы принципам законности и справедливости и только наложило бы на несовершеннолетнего «ярлык» участника такой группы. То есть сотрудник ПДН самостоятельно, своим решением еще теснее приобщил бы такого несовершеннолетнего к экстремистской группе. В случае, если лицо самостоятельно демонстрирует такое поведение без соприкосновения с какими-либо группами, то механизм воздействия совсем отсутствует.

Тем самым, представляется необходимым устранить данное несоответствие различных пунктов организационного документа ПДН. В первую очередь, предлагаем, в подпункт 2.1.1 добавить подпункт «н» следующего содержания:

- н) совершивших антиобщественное действие, демонстрирующих антиобщественное поведение, в том числе экстремистской направленности (за исключением случаев, предусмотренных подпунктами «а», «б», «в» пункта 2.1.1 настоящей Инструкции).

Пункт 49.1.4 изложить в следующей редакции:

- 49.1.4. Совершившие антиобщественное действие, демонстрирующие антиобщественное поведение, в том числе экстремистской направленности (за исключением случаев, предусмотренных подпунктами 49.1.1 – 49.1.3 настоящей Инструкции).

По нашему мнению, это предоставит сотрудникам ПДН законные основания для начала индивидуальной профилактической работы в отношении несовершеннолетних, демонстрирующих антиобщественное поведение экстремистской направленности и реализовывать в их отношении превентивную меру в виде предостережения, чем будет также в полной мере реализован потенциал п. 2.2 Инструкции.

Стоит обратить внимание на еще одно направление организационно-правовых изменений. В частности, в настоящее время, кроме списка экстремистских материалов, созданного Министерством

юстиции, существует лишь один список физических и юридических лиц (как иностранных, так и российских), который отражает перечень лиц, причастных к экстремистской деятельности и терроризму, который создан на сайте Росфинмониторинга. Так, по данным на 12 февраля 2023 года, в нем содержится 12 73 имен физических лиц, только в России¹. Конечно же, такие списки не являются полноценными базами данных, которые возможно использовать в работе МВД России и своевременно получать наиболее оперативную и своевременную информацию.

Обнаружив проблему, Главное управление по противодействию экстремизму МВД (Центр «Э»), объявило о создании сервиса обеспечения деятельности², где планируется введение дополнительной категории подучетных лиц, склонных к совершению действий по признакам экстремизма. Считаю данную инициативу эффективным шагом в деятельности по противодействию экстремизма. В тоже время, в руководящих документах о деятельности МВД России по формированию соответствующих баз данных, следовало бы отразить отдельное направление деятельности, которое открывало бы широкие возможности по аккумулярованию широкого спектра категории информации, касающейся противодействию экстремизма.

В связи с этим, предлагаем дополнить Устав федерального казенного учреждения «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации», утвержденный приказом МВД России от 31 декабря 2010 г. № 910, пунктом 15.20 следующего содержания:

– 15.20. Участие в пределах компетенции совместно с заинтересованными подразделениями МВД России в мероприятиях по контролю за формированием информационных систем и банков данных в сфере противодействия экстремистской деятельности.

Кроме того, стоит затронуть и тактические действия отдельных подразделений. В частности, одним из наиболее приближенным к населению, подразделением ОВД, является патрульно-постовая служба (далее – ППС). Однако, в Наставлении об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы территориальных органов МВД России № 495 2021 года (далее – Наставление), в разделе, посвященном полномочиям нарядов ППС по проведению профилактической работы, отсутствуют указания на действия по противодействию экстремизма [6, с. 170]. В п. 176 Наставления закрепляется обязанность патрулей «участвовать в проведении мероприятий по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [10, с. 394]. Считаю, что такая формулировка не позволяет идентифицировать всего спектра действий и видов поведения экстремистского характера, которые наблюдаются у несовершеннолетних. Кроме того, в данной части Наставления нет также указаний и на необходимость выявления отдельных несовершеннолетних, совершающих антиобщественные действия, что можно было бы использовать применительно к противодействию экстремистскому поведению.

В связи с этим, предлагаем дополнить Наставление:

– П. 176.1. Принимать меры к выявлению несовершеннолетних, совершивших антиобщественное действие, предупреждению и пресечению антиобщественного поведения, в том числе экстремистской направленности, а также информировать о них участкового уполномоченного полиции и инспектора по делам несовершеннолетних, обслуживающих данный участок.

Кроме того, предлагаем добавить еще один пункт Наставления, касающийся несовершеннолетних, изложив его в следующей редакции:

– П. 176.2. Выявлять взрослых, которые замешаны в вовлечении несовершеннолетних в азартные игры, потребление спиртных напитков, употребление наркотиков и психотропных веществ, совершение правонарушений и других действий, несущих вред обществу, а также действия экстремистской направленности и информировать об этом оперативного дежурного, сотрудника уголовного розыска, участкового уполномоченного полиции (далее – УУП) и инспектора ПДН.

Соответствующие изменения необходимо внести и в Инструкцию по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке, в

¹ Перечень террористов и экстремистов (действующие) [сайт]. Росфинмониторинг; 2024 [обновлено 25 января 2024; процитировано 02 февраля 2024]. Доступно: <http://www.fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act>.

² Открытый конкурс в электронной форме № 0373100088720000030 [сайт]. Единая информационная система в сфере закупок; 2024 [обновлено 27 января 2024; процитировано 02 февраля 2024]. Доступно: <https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ok504/view/documents.html?regNumber=0373100088720000030>.

части необходимости обращения внимания на информацию, полученной во время профилактического обхода. Следует дополнить ее пунктом 25.8 следующего содержания:

– 25.8. О лицах, совершающих антиобщественные действия и демонстрирующих антиобщественное поведение экстремистской направленности.

Таким образом, говоря проблемы деятельности ОВД в предупреждении противоправной деятельности несовершеннолетних, в том числе экстремистской направленности, нельзя ограничиваться частными изменениями:

1. Все подразделения полиции и внутренней службы, составляющие структуру ОВД, должны действовать согласованно и в тесном оперативном взаимодействии.

2. Если необходимо изменить основы деятельности в определенной сфере, то следует задумываться о комплексных изменениях, затрагивающие деятельность основных служб и подразделений, осуществляющих свою деятельность в рассматриваемой сфере. Говоря об предупреждении экстремизма среди несовершеннолетних, то изменения должны коснуться, в первую очередь, подразделений, на которые возложено основной объем задач в профилактике правонарушений несовершеннолетних в целом, среди которых следует выделить службу УУП и ПДН, а также ППСП.

3. Предложенные изменения в нормативные документы не являются единственно возможными, однако для дальнейшего совершенствования деятельности ОВД в данном направлении необходимы дальнейшие научные исследования. Представляется, что предложения по совершенствованию регламентирующих документов внесут больше структурированности в деятельность служб и подразделений ОВД в направлении предупреждения экстремизма среди несовершеннолетних.

Список использованной литературы:

1. Довгяло В.К. Профилактика экстремизма в молодежной среде. *Вестник ПГГПУ. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки.* 2018;(1):21–30.
2. Богомолова К.И., Абрамова М.В. Проблемы реализации прав несовершеннолетнего потерпевшего. *Эпомен.* 2021;(58):144–153.
3. Канунникова Н.Г. К вопросу о реализации механизма административно-правового регулирования противодействия экстремизму и терроризму в Российской Федерации. *Административное право и процесс.* 2022;(7):36–38.
4. Катаева О.В., Ряпухина И.А., Карпушин О.Е. Деятельность органов внутренних дел как субъекта профилактики правонарушений: современные проблемы и перспективы. *Проблемы правоохранительной деятельности. Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина.* 2020;(1):20–24.
5. Мотрович И.Д. Профилактический учет и надзор (контроль) за лицами, склонными к совершению правонарушений, в Российской Федерации и в Республике Казахстан. *Вестник Сибирского юридического института МВД России.* 2021;(1(42)):72–81.
6. Соловейчик М.В. Деятельность правоохранительных органов по работе с несовершеннолетними, находящимися в трудной жизненной ситуации. *Специфика педагогического образования в регионах России.* 2012;(1):169–171.
7. Строева О.А. Официальное предостережение как мера административного предупреждения. *Актуальные вопросы применения норм административного права («Корневские чтения»): сборник научных трудов IV Международной научно-*

References:

1. Dovgyalo V.K. [Prevention of extremism among young people]. *Bulletin of the PGGPU. Series № 3. Humanities and Social Sciences.* 2018;(1):21–30. (In Russ.)
2. Bogomolova K.I., Abramova M.V. [Problems of realization of the rights of a minor victim]. *Epomen.* 2021;(58):144–153. (In Russ.)
3. Kanunnikova N.G. [On the implementation of the mechanism of administrative and legal regulation of countering extremism and terrorism in the Russian Federation]. *Administrative Law and Process.* 2022;(7):36–38. (In Russ.)
4. Kataeva O.V., Ryapukhina I.A., Karpushin O.E. [The activity of internal affairs bodies as a subject of crime prevention: modern problems and prospects]. *Problems of law enforcement. Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.D. Putilin.* 2020;(1):20–24. (In Russ.)
5. Motrovich I.D. [Preventive accounting and supervision (control) of persons prone to committing offenses in the Russian Federation and in the Republic of Kazakhstan]. *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2021;(1(42)):72–81. (In Russ.)
6. Soloveitchik M.V. [Activities of law enforcement agencies to work with minors in difficult life situations]. *The specifics of pedagogical education in the regions of Russia.* 2012;(1):169–171. (In Russ.)
7. Stroeveva O.A. [Official warning as a measure of administrative warning]. *Topical issues of the application of the norms of administrative law ("Korenev readings"): collection of scientific papers of the IV International Scientific and Practical Conference*

практической конференции (Москва, 21 декабря 2020 г.). М.; 2020.

8. Шаклеин С.Н. Теоретико-правовые аспекты административной педологии. *Правоприменение*. 2021;5(1):202–211.

9. Шкилева Н.Л. Проблемы защиты конституционного права детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на жилище. *Вестник экономической безопасности. Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя*. 2023;(5):175–179.

10. Шихалов А.О. Официальное предостережение о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, как мера профилактики в деятельности участкового уполномоченного полиции. *Административно-правовое регулирование охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: проблемы и пути их решения: материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции. Под общей редакцией Р.Ю. Аврутина. Сост. Р.Ю. Аврутин, Т.Ф. Фомина, О.С. Поликарпова (Санкт-Петербург, 23 сентября 2022 г.)*. Санкт-Петербург; 2023.

(Moscow, December 21, 2020). Moscow; 2020. (In Russ.)]

8. Shaklein S.N. [Theoretical and legal aspects of administrative penology]. *Law enforcement*. 2021;5(1):202–211. (In Russ.)]

9. Shkileva N.L. [Problems of protecting the constitutional right of orphans and children left without parental care to housing]. *Bulletin of Economic Security. V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(5):175–179. (In Russ.)]

10. Shikhalov A.O. [Official warning about the inadmissibility of actions that create conditions for the commission of crimes, administrative offenses, as a preventive measure in the activities of the district police commissioner]. *Administrative and legal regulation of public order protection and public safety: problems and ways to solve them: materials of the annual interuniversity scientific and practical conference. Under the general editorship of R.Y. Avrutin. Comp. R.Y. Avrutin, T.F. Fomina, O.S. Polikarpova (St. Petersburg, September 23, 2022)*. St. Petersburg; 2023. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Занина Татьяна Митрофановна

кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana M. Zanina

Cand. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the Voronezh Institute of the FGKOU VO «Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-52-57>

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЦ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ

Лупарев Е.Б.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Лупарев Е.Б. Административно-правовой статус лиц с психическими расстройствами. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(1):52–57. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-52-57>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Лупарев Евгений Борисович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040
Тел.: +7 (861) 262-35-09
E-mail: jeklouparev@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 01.03.2024

Статья принята к печати: 21.03.2024

Дата публикации: 30.03.2024

Аннотация: Целью работы выступает освещение проблемных вопросов административно-правового и административно-процессуального статуса лиц с психическими расстройствами. Практика применения норм административного и административно-процессуального права в отношении психически больных лиц заставляет внести уточнения в теоретическую и практическую оценку их статуса.

Задачи работы включают в себя иллюстрацию правоприменительной практики и выявление теоретических лагун в вопросах административно-правового и административно-процессуального статуса лиц с психическими расстройствами.

Различные типы прав и обязанностей, свойственные субъектам административных и административно-процессуальных правоотношений заставляют говорить о том, что не всегда материально-правовые ограничения влекут за собой административно-процессуальные ограничения для лиц с психическими расстройствами.

Доказывается, что медицинское законодательство в части определения оснований наличия у лица психического расстройства требует корректив.

Ключевые слова: психические расстройства, административно-правовой статус, административно-процессуальный статус.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF PERSONS WITH MENTAL DISORDERS

Evgeniy B. Luparev

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Luparev E.B. Administrative and legal status of persons with mental disorders. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(1):52–57. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-52-57>

CONTACT INFORMATION:

Evgeniy B. Luparev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: jeklouparev@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 01.03.2024

The article has been accepted for publication: 21.03.2024

Date of publication: 30.03.2024

Annotation: The purpose of the work is to highlight problematic issues of the administrative-legal and administrative-procedural status of persons with mental disorders. The practice of applying the norms of administrative and administrative procedural law in relation to mentally ill persons forces us to clarify the theoretical and practical assessment of their status.

The objectives of the work include illustrating law enforcement practice and identifying theoretical gaps in matters of administrative-legal and administrative-procedural status of persons with mental disorders.

Various types of rights and obligations inherent in subjects of administrative and administrative-procedural legal relations suggest that substantive and legal restrictions do not always entail administrative-procedural restrictions for persons with mental disorders.

It is proven that medical legislation in terms of determining the grounds for a person to have a mental disorder requires adjustment.

Key words: mental disorders, administrative-legal status, administrative-procedural status.

Введение

Проблематика административно-правового и административно-процессуального статуса лиц с психическими расстройствами предполагает исследование блока вопросов, связанных как с самой характеристикой психических расстройств, так и с юридическими последствиями наличия у лица таковых. Целью исследования выступает выявление пробелов в нормативном регулировании положения лиц с психическими расстройствами в государственно-управленческих отношениях, проблем административной правоприменительной практики. К задачам исследования отнесено внесение предложений по устранению пробелов законодательства, регулирующего статус психически больных лиц и совершенствованию практики применения административного законодательства в отношении лиц с психическими расстройствами.

Методы исследования

Исследование базируется на фундаментальном теоретическом тезисе о влиянии достижений различных наук на право. В данном случае достижения медицинской науки оказывают влияние на формирование норм права и правоприменительной практики в отношении лиц с психическими расстройствами. Данный посыл предопределяет использование эвристических и аксиологических методов исследования, наряду с методом системного анализа правовых и управленческих явлений в контексте избранной темы.

Результаты исследования

Важнейшим результатом исследования выступает тезис о том, что на нормативном уровне необходимо закрепление перечня психических расстройств для возможностей оценки правоприменителем законности оснований ограничения публичных прав и законных интересов в сфере государственного управления. Классификаторы болезней различных пересмотров выступают доктринальным источником в силу отсутствия единства трактовок в оценке тех или иных психических расстройств. Законодатель выделяет одну из разновидностей психических расстройств, а именно, пристрастие к азартным играм как медицинский критерий не полного, а частичного ограничения дееспособности, что требует правильного понимания последствий такого ограничения для административных правоотношений. В данном случае ограничивающим фактором выступает не само заболевание, а факт ограничения дееспособности.

Подтверждено, что не любое психическое расстройство предполагает инвалидность. В связи с этим, обучение лиц, наделенных правом применения оружия и специальных средств, а также сотрудников, наделенных контрольно-надзорными полномочиями в данной сфере должно предполагать знание явных признаков, сопутствующих психической инвалидности.

Ставится вопрос о том, что любое психическое расстройство без исключений должно служить ограничением как по допуску к управлению транспортными средствами, так и по владению оружием.

Научная дискуссия

Психические расстройства, казалось бы, довольно подробно описанный факт, влияющий на административные права и обязанности лиц. Но, начиная от самого понятия, заканчивая административно-правовыми и процессуальными последствиями самого факта наличия у лица такого заболевания существует масса малоизученных в теории и неоднозначно реализуемых на практике вопросов.

Базовым вопросом является само легальное понятие психического расстройства. Причем, в действующем законодательстве оно употребляется с применением понятий, обозначающих степень такого расстройства. В частности, речь может идти о тяжелом психическом расстройстве, применительно, например, к положениям статьи 278 КАС РФ. Между тем, легально закрепленный перечень расстройств, относящихся к психическим отсутствует. Вся теория и правоприменительная практика оперирует теоретическими понятиями, изложенными в международных классификаторах болезней типа МКБ-10 или планировавшийся к введению с 2024 года в России МКБ-11. Впрочем, 31 января 2024 года распоряжением Правительства РФ № 200-р¹ действие Плана мероприятий по введению МКБ-11 приостановлено. Одной из причин этого стала трактовка в МКБ-11 наличия транссексуальных психических расстройств исключительно тогда, когда у лиц существует стойкая психическая неудовлетворенность по поводу зарегистрированного пола и настойчивое желание принадлежать к противоположному полу². В то же время МКБ-10 трактует это психическое расстройство как «желание жить и быть принятым в качестве представителя противоположного пола, обычно сопровождающееся желанием хирургического вмешательства и гормональной терапии»³. Кстати, в медицинской литературе проблем с идентификацией таких клинических случаев как психических расстройств до разработки МКБ-11 как правило не было [1, с. 69–78], хотя представителей так называемого «неэгоистического гендера» хватает [3; 4].

Зададимся в связи с этим вопросом – является ли МКБ нормативным актом? Судя по тому, что на отдельные аспекты МКБ-10 и МКБ-11 обращено внимание Государственной Думой РФ в Постановлении «О Федеральном законе «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (проект № 369814-8)⁴ отрицать данный источник как юридический факт вряд ли продуктивно. На ресурсах Министерства здравоохранения РФ, в частности в Рубрикаторе клинических рекомендаций речь идет о «нормативном документе»⁵. Кроме того, данный классификатор носит статистический характер, что следует из его полного наименования – International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems.

Но строго говоря, речь идет о неопубликованном документе, который издается в сокращенных, адаптированных⁶ (!) и периодически изменяющихся трактовках. Более того, указанные классификаторы имеют различную трактовку в зависимости от страны и степень тяжести психических расстройств в разных трактовках различается.

¹ Официальный портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402020027> (дата обращения: 05.02.2024).

² Клинические рекомендации: Расстройства половой идентификации // Психологическая газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psy.su/content/files/%D0%9A%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D1%80%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20F64.pdf?ysclid=ls8oez061m712840911> (дата обращения: 05.02.2024).

³ Официальный сайт ФГБНУ Научный центр психического здоровья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ncpz.ru/lib/1/book/14/chapter/8?ysclid=ls8oonkxje411433006> (дата обращения: 05.02.2024).

⁴ Официальный сайт системы обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/369814-8?ysclid=ls8pudsyfd146308733> (дата обращения: 05.02.2024).

⁵ Международная классификация болезней 10-го пересмотра (МКБ-10) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cr.minzdrav.gov.ru/interМКБ> (дата обращения: 05.02.2024).

⁶ Профессиональная справочная система «Кодекс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/420317970?marker=64U0IK> (дата обращения: 27.12.2023).

Для целей административного правоприменения степень тяжести психического расстройства имеет принципиальное значение в связи с тем, что только тяжелые психические расстройства есть медицинские основания недобровольной госпитализации.

Для иных случаев, например, связанных с прохождением лицом государственной гражданской службы, степень тяжести психического расстройства варьируется от средней степени к тяжким расстройствам¹. Для военной службы ограничения для ее прохождения связываются с любой степенью психического расстройства. Заметим, что в этой части существует нормативно закреплённый перечень психических расстройств, выступающих ограничением для прохождения военной службы².

Требуется своей оценки и соотношение законодательных положений ГК РФ в части признания ограниченно дееспособными лиц вследствие пристрастия к азартным играм и положений МКБ-10 об игромании. В соответствии с МКБ-10 патологическое влечение к азартным играм (код классификации МКБ-10 F.63.0) представляет собой вид психического расстройства. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»³ подчеркивает, что пристрастие к азартным играм характеризуется расстройством психического здоровья. Таким образом, представляется, что законодатель выделяет одну из разновидностей психических расстройств как медицинский критерий не полного, а частичного ограничения дееспособности. В отличие от гражданских правоотношений степень ограничения дееспособности для административных правоотношений не принципиальна с точки зрения ограничений для государственной гражданской службы. В данном случае ограничивающим фактором выступает не обстоятельство п. 4) статьи 16 ФЗ от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О государственной гражданской службе», а положения п. 1) этой же статьи.

Не любое психическое расстройство предполагает административные ограничения для лица. Например, ряд психических расстройств, вызванных потреблением табака, анорексия (или наоборот, переедание), ночные ужасы, кошмары, снохождение не являются медицинским ограничением по допуску к управлению транспортным средством исходя из содержания Постановления Правительства РФ от 29.12.2014 № 1604 (ред. от 03.08.2019) «О перечнях медицинских противопоказаний, медицинских показаний и медицинских ограничений к управлению транспортным средством»⁴. Практически аналогичная ситуация связана с ограничениями владения оружием. В условиях участившихся случаев массовых убийств в учебных организациях странным выглядит позиция некоторых авторов, призывающих смягчить условия допуска к владению оружием по психиатрическим заболеваниям [8]. Полагаем, что любое психическое расстройство должно служить ограничением как по допуску к управлению транспортными средствами, так и по владению оружием.

Наличие психического расстройства может вести к признанию лица инвалидом. Список психических расстройств, влекущих инвалидность определяется Приказом Минтруда России от 27.08.2019 № 585н (ред. от 06.10.2021) «О классификациях и критериях, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы»⁵. В этой связи хочется обратить внимание на явную пробельность правового регулирования порядка применения мер административного принуждения сотрудниками правоохранительных органов в отношении лиц с явными признаками инвалидности по психиатрическому заболеванию. Надо понимать сами признаки, которые явно свидетельствуют о наличии у лица психического расстройства. Не любое психическое расстройство предполагает

¹ См.: Об утверждении Порядка прохождения диспансеризации государственными гражданскими служащими Российской Федерации и муниципальными служащими, перечня заболеваний, препятствующих поступлению на государственную гражданскую службу Российской Федерации и муниципальную службу или ее прохождению, а также формы заключения медицинского учреждения: Приказ Минздравсоцразвития РФ от 14.12.2009 № 984н // Российская газета. 2010. 22 января.

² См.: Об утверждении Положения о военно-врачебной экспертизе: Постановление Правительства РФ от 04.07.2013 № 565 (ред. от 26.01.2024) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 28. Ст. 3831.

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

⁴ Собрание законодательства РФ. 2015. № 2. Ст. 506.

⁵ Официальный сайт Федерального медико-биологического агентства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gbmfmba.ru/upload/iblock/8ab/prikaz-mintruda-rossii-ot-27.08.2019-_585n-ob-utverzhenii-klassifikatsiy-i-kriteriev-ustanovleniya-invalidnosti.pdf?ysclid=lsa4syxlix981706377 (дата обращения: 06.02.2024).

инвалидность [7]. Судя по большому количеству работ медико-психиатрической направленности по этим проблемам [5, с. 117–121; 9], нет однозначного ответа на вопрос о том, является ли лицо с психическим расстройством инвалидом и каковы конкретные признаки такой инвалидности [6]. В этой ситуации неудачной представляется формулировка статьи 22 ФЗ «О полиции», а также иных законодательных актов, определяющих порядок применения специальных средств. Полагаем, что в условиях неопределенности трактовки содержания применяемой терминологии усилия должны быть сосредоточены в этой части на том, чтобы лица, наделенные правом применения оружия и специальных средств знали явные признаки психических расстройств, влекущих признание лица инвалидом по психиатрическому заболеванию.

Список использованной литературы:

1. Дьяченко А.В., Солдаткин В.А., Бухановская О.А., Перехов А.Я. Расстройства половой идентификации у детей и подростков в психиатрической практике. *Социальная и клиническая психиатрия*. 2021;31(2):69–78.
2. Кулиш С.Б. Синдром половой дисфории у мужчин с заболеваниями шизофренического спектра. *Российский психиатрический журнал*. 2009;(4):52–58.
3. Матевосян С.Н., Введенский Г.Е. Расстройства половой идентификации и аффективные расстройства. *Социальная и клиническая психиатрия*. 2020;30(1):77–80.
4. Менделевич В.Д. Небинарная гендерная идентичность и трансгендерность вне психиатрического дискурса. *Неврологический вестник*. 2020;52(2):5–11. DOI 10.17816/nb26268.
5. Сучков Ю.А. Психическая инвалидность в системе психиатрического обслуживания (на примере КПБ № 1 Г. Н. Новгорода). *Инвалиды – инвалидность – инвалидизация: материалы международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 27–28 сентября 2018 г.)*. Нижний Новгород: ООО "Научно-исследовательский социологический центр"; 2018.
6. Трущелев С.А., Кекелидзе З.И., Демчева Н.К. Инвалидность вследствие психических расстройств в Российской Федерации. *Российский психиатрический журнал*. 2019;(3):4–10. DOI 10.24411/1560-957X-2019-11922.
7. Шмакова О.П. Амбулаторное ведение детей с тяжёлой психической патологией без инвалидности. Актуальные проблемы оказания психиатрической помощи в Северо-Западном регионе Российской Федерации: *научно-практическая конференция с международным участием (Санкт-Петербург, 13–14 ноября 2008 г.)*. Санкт-Петербург: Межрегиональная общественная организация "Человек и его здоровье"; 2008.
8. Шмидт А.А. Ограничение права на приобретение и владение гражданским оружием по медицинским показаниям: приглашение к дискуссии. *Актуальные проблемы российского права*. 2021;(9):30–42.
9. Urunboeva B.S., Misheelt-Od M., Kolotnina E.V. Young people awareness of health problems related to excess weight. *Current issues of modern medicine and healthcare*. 2021;(3):421–425.

References:

1. Dyachenko A.V., Soldatkin V.A., Bukhanovskaya O.A., Perekhov A.Ya. [Disorders of sexual identification in children and adolescents in psychiatric practice]. *Social and clinical psychiatry*. 2021;31(2):69–78. (In Russ.)]
2. Kulish S.B. [Syndrome of sexual dysphoria in men with diseases of the schizophrenic spectrum]. *Russian Psychiatric Journal*. 2009;(4):52–58. (In Russ.)]
3. Matevosyan S.N., Vvedensky G.E. [Disorders of sexual identification and affective disorders]. *Social and clinical psychiatry*. 2020;30(1):77–80. (In Russ.)]
4. Mendelevich V.D. [Non-binary gender identity and transgenderism outside psychiatric discourse]. *Neurological Bulletin*. 2020;52(2):5–11. DOI 10.17816/nb26268 (In Russ.)]
5. Suchkov Yu.A. [Mental disability in the psychiatric care system (using the example of the KPB № 1 in Nizhny Novgorod)]. *Disabled people – disability – disability: materials of the international scientific and practical conference (Nizhny Novgorod, September 27–28, 2018)*. Nizhny Novgorod: LLC Scientific Research Sociological Center; 2018. (In Russ.)]
6. Truschelev S.A., Kekelidze Z.I., Demcheva N.K. [Disability due to mental disorders in the Russian Federation]. *Russian Psychiatric Journal*. 2019;(3):4–10. DOI 10.24411/1560-957X-2019-11922 (In Russ.)]
7. Shmakova O.P. [Outpatient management of children with severe mental pathology without disability. Actual problems of psychiatric care in the Northwestern region of the Russian Federation]: *scientific and practical conference with international participation (St. Petersburg, November 13–14, 2008)*. St. Petersburg: Interregional Public Organization "Man and his Health"; 2008. (In Russ.)]
8. Schmidt A.A. [Restriction of the right to purchase and possess civilian weapons for medical reasons: an invitation to discussion]. *Current problems of Russian law*. 2021;(9):30–42. (In Russ.)]
9. Urunboeva B.S., Misheelt-Od M., Kolotnina E.V. [Young people awareness of health problems related to excess weight]. *Current issues of modern medicine and healthcare*. 2021;(3):421–425.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лупарев Евгений Борисович

доктор юридических наук, профессор, академик Евразийской академии административных наук, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по научной работе, заведующий кафедрой конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0002-4336-9495

Author ID: 57200337167

ResearcherID: AAY-9983-2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniy B. Luparev

Dr. of Sci. (Law), Professor, Academician of the Eurasian Academy of Administrative Sciences, Deputy Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law for Research, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0002-4336-9495

Author ID: 57200337167

ResearcherID: AAY-9983-2021

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-58-65>

К ВОПРОСУ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННЫХ ДЕЙСТВИЙ С НАРКОТИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ И ПСИХОТРОПНЫМИ ВЕЩЕСТВАМИ

Орехова Н.А.

ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации»
(Проспект Патриотов, д. 53, г. Воронеж, Россия, 394065)

Ссылка для цитирования: Орехова Н.А. К вопросу о предупреждении преступности и правонарушений в сфере незаконных действий с наркотическими средствами и психотропными веществами. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(1):58–65. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-58-65>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Орехова Наталья Александровна, преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Адрес: Проспект Патриотов, д. 53, г. Воронеж, Россия, 394065

Тел.: +7 (473) 264-87-96

E-mail: natasha042@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 01.02.2024

Статья принята к печати: 01.03.2024

Дата публикации: 30.03.2024

Аннотация: *Целью* работы выступает освещение некоторых теоретических вопросов, связанных с применением к лицам, совершившим преступления и правонарушения в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ мер административного предупреждения, анализируются вопросы проведения профилактической работы с лицами, совершившими правонарушения в сфере незаконного оборота наркотиков.

Исходя из поставленной цели, в *задачи* исследования входит анализ классификации административно-предупредительных мер в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

В настоящее время наблюдается возрастание значения административно-предупредительных мер в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, что обуславливает особое внимание к способам их применения, в особенности для такой категории граждан, как несовершеннолетние.

Принципиальный *вывод* статьи состоит в том, что административно-предупредительные лишены характера административного наказания и могут применяться и к лицам, не совершившим правонарушений, хотя и будут ограничивать их права и свободы. Помимо этого, через осуществление специальных административно-предупредительных мер активно реализуется индивидуальная профилактика правонарушений, направленная на воспитание и воздействие на тех, кто нарушил закон или находится под риском такого поведения. Эти меры, благодаря своей целенаправленности и точности, обладают высокой эффективностью.

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, административно-предупредительные меры, профилактика.

ON THE ISSUE OF PREVENTING CRIME AND OFFENSES IN THE FIELD OF ILLEGAL ACTIONS WITH NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

Natalya A. Orekhova

FGKOU VO "Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation"
(53 Patriotov Avenue, Voronezh, Russia, 394065)

Link for citation: Orekhova N.A. On the issue of preventing crime and offenses in the field of illegal actions with narcotic drugs and psychotropic substances. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(1):58–65. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-58-65>

CONTACT INFORMATION:

Natalia A. Orekhova, Lecturer at the Department of Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies of the FGKOU VO "Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation"

Address: 53 Patriotov Avenue, Voronezh, Russia, 394065

Tel.: +7 (473) 264-87-96

E-mail: natasha042@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 01.02.2024

The article has been accepted for publication: 01.03.2024

Date of publication: 30.03.2024

Annotation: The purpose of the work is to highlight some theoretical issues related to the application of administrative warning measures to persons who have committed crimes and offenses in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances, the issues of preventive work with persons who have committed offenses in the field of drug trafficking are analyzed.

Based on this goal, the objectives of the study include the analysis of the classification of administrative and preventive measures in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances.

Currently, there is an increasing importance of administrative and preventive measures in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances, which causes special attention to the methods of their application, especially for such a category of citizens as minors.

The fundamental conclusion of the article is that administrative preventive measures are deprived of the nature of administrative punishment and can be applied to persons who have not committed offenses, although they will restrict their rights and freedoms. In addition, through the implementation of special administrative and preventive measures, individual crime prevention is actively implemented, aimed at educating and influencing those who have violated the law or are at risk of such behavior. These measures, due to their focus and accuracy, are highly effective.

Keywords: narcotic drugs, psychotropic substances, administrative and preventive measures, prevention.

Введение

Преступления и административные правонарушения в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ имеют один из самых больших процентов латентности. По статистике она составляет 1:144. Проблемой является то, что на данный момент почти все преступления и правонарушения данной группы осуществляются через сеть «Интернет». Даже при выявлении преступления и административного правонарушения, зачастую лицо, совершившее их, остаётся не избалованным. Во многих субъектах Российской Федерации, в территориальных органах МВД России, присутствует практика, что при совершении лицом административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.8 и 6.9 КоАП РФ, автоматические

возбуждается уголовное дело по ст. 228.1 УК РФ, потому что где присутствует хранение и употребление наркотических средств и психотропных веществ, присутствует и распространение. Но дело в том, что дела, возбужденные таким образом, зачастую не доходят до обвинительного заключения и так и остаются нераскрытыми.

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод о том, что деятельность сотрудников полиции по выявлению и раскрытию преступлений и правонарушений в рассматриваемой сфере не всегда является эффективной и имеет не такой большой удельный вес в борьбе с наркопреступностью, как того хотелось бы. Наиболее эффективными же приемами борьбы с преступлениями и правонарушениями в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ являются предупреждение и профилактика.

Методы исследования

Методология исследования подразумевает как использование общенаучных методов (анализ, синтез, обобщение, аналитика), так и применение специально-юридических методов (сравнительно-правовой и формально-юридический методы).

Результаты исследования

Ряд статей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, предусматривающих ответственность за правонарушения в сфере незаконного оборота наркотиков, предусматривает только один вид наказания для несовершеннолетних – административный штраф, что не имеет должного воздействия на правонарушителя. На наш взгляд необходимо внести изменения в соответствующие статьи Кодекса, которые бы предусматривали для несовершеннолетних такой вид административного наказания как обязательные работы.

Научная дискуссия

Правонарушениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, административно-предупредительные меры занимают особое место. Это связано с тем, что такие меры применяются и к лицам, не совершавшим правонарушений, хотя и ограничивают права и свободы этих лиц. Данные меры осуществляет широкий круг субъектов, которые уполномочены их применять, кроме того, они характеризуются относительной неопределенностью оснований для их применения в отличии от других мер. В частности, в соответствии с Федеральным законом «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» субъекты профилактики правонарушений представлены: федеральными органами исполнительной власти; органами прокуратуры Российской Федерации; следственными органами Следственного комитета Российской Федерации; органами государственной власти субъектов Российской Федерации; органами местного самоуправления. Данные субъекты работают в сфере профилактики правонарушений в пределах компетенции, установленной не только данным законом, но и другими нормативными правовыми актами. В связи с этим при их реализации возникают определенные трудности с обеспечением защиты прав и свобод человека от произвольного их ограничения в процессе реализации мер административного предупреждения. Для того чтобы применить те или иные административно-предупредительные меры необходимы определенные социальные, экономические, правовые и иные причины и условия, способствующие совершению правонарушений.

Административно-предупредительные меры, осуществляющиеся в отношении правонарушителей, делятся на общие и специальные.

К общим мерам относятся меры, применяемые к разным категориям субъектов, в том числе и к несовершеннолетним. Они направлены на общую профилактику и предупреждение правонарушений и нацелены на определение и ликвидацию причин, которые порождают правонарушения. Кроме того, данные меры способствуют устранению условий, способствующих совершению правонарушений, а также позволяют повысить уровень правовой культуры и грамотности, что в целом способствует развитию гражданского правосознания.

К общим мерам можно отнести предусмотренные Федеральным законом «О полиции»: оцепление (блокирование) участков территории; проверка документов, удостоверяющих личность; личный досмотр для изъятия запрещенных предметов; личный досмотр при проходе в места, где проводятся культурно-массовые мероприятия [2, с. 228], а также на территории, участки местности или в общественные места, являющиеся культурными памятниками.

Общие меры имеют такие отличия от специальных мер:

– для применения этих мер требуются специфические обстоятельства, определенные законом, и могут быть связаны как с действиями конкретного лица, так и с внешними условиями, не зависящими от его действий.

– они являются либо конкретными правоохранительными актами, которые предусмотрены диспозициями правовых норм, либо юрисдикционными правоприменительными актами, которые обеспечивают процессы применения санкций правовых норм.

Специальными административно-предупредительными мерами, применяющимися лишь в отношении, например, несовершеннолетних граждан. Например, центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей применяются для защиты их жизни и здоровья, а также для предотвращения повторных правонарушений. В рамках системы профилактики также предусмотрено распределение подростков в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа. В этих центрах и учреждениях проводится индивидуальная профилактическая работа с несовершеннолетними правонарушителями. В ходе этой работы выявляются лица, склонные к совершению преступлений, а также к другим общественно опасным деяниям. Определяются обстоятельства, условия и факторы, способствующие совершению таких деяний, и информация об этом передается соответствующим органам, таким как школы, где обучается несовершеннолетний. Кроме того, в процессе осуществления специальных мер административного предупреждения могут быть выявлены лица, поведение которых характеризуется противоправным либо антиобщественным характером, а также лица, которые имеют намерение совершить правонарушение.

Кроме того, одной из специальных мер административного предупреждения является доставление. Данная мера, помимо предупредительного значения, необходима также для обеспечения процесса по делам об административных правонарушениях несовершеннолетних. По своей юридической природе доставление правонарушителя является элементом такой процессуальной меры, как административное задержание.

Таким образом, через осуществление специальных административно-предупредительных мер активно реализуется индивидуальная профилактика правонарушений, направленная на воспитание и воздействие на тех, кто нарушил закон или находится под риском такого поведения. Эти меры, благодаря своей целенаправленности и точности, обладают высокой эффективностью.

Специальные административно-предупредительные меры в отношении правонарушителей реализуются должностными лицами органов прокуратуры РФ, следственных органов Следственного комитета РФ, органов внутренних дел¹, в частности, в отношении несовершеннолетних – подразделениями по делам несовершеннолетних (ПДН) и иных государственных органов, имеющих полномочия на их осуществление. Основание для использования специальных административно-предупредительных мер обусловлено решением суда либо одного из субъектов, занимающихся профилактикой правонарушений, упомянутых ранее. Например, решение о направлении несовершеннолетнего в ЦВСНП является следствием судебного решения, принятого по результатам изучения материалов, представленных в суд правоохранительными органами.

Перед сотрудником полиции всегда должен стоять вопрос о разумном выборе административно-правового средства предупредительного воздействия в отношении правонарушителя в конкретных случаях, его объеме, условиях и порядке применения. Основанием их применения является наличие достаточных и объективных проверенных данных, указывающих на совершении лицом антиобщественных деяний, либо при наличии обстоятельств, исключающих производство по делу об административном правонарушении, либо для исключения повторности административных правонарушений.

Таким образом, меры административно-предупредительные лишены характера административного наказания и могут применяться и к лицам, не совершавшим правонарушений, хотя и будут ограничивать их права и свободы. Кроме того, данные меры осуществляет широкий круг субъектов, которые уполномочены их применять, они характеризуются относительной неопределенностью оснований для их применения в отличие от других мер принуждения.

В последние несколько лет, в деятельность ОВД, роль профилактики и предупреждения очень сильно возросла. Начальники большинства подразделений МВД России делают больший акцент на недопущении преступлений и административных правонарушений. На данный момент основную законодательную базу данного направления составляет Федеральный закон «Об основах системы

¹ Бойко Н.В. Особенности повторной преступности несовершеннолетних: учебное пособие. Хабаровский государственный университет экономики и права. Хабаровск, 2020. С. 32.

профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 № 182-ФЗ. Данный нормативно-правовой акт, в качестве одного из основных объектов направления профилактической деятельности, в п. 9 ч. 1 ст. 6, выделяет противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров¹. Также, Органы внутренних дел выделены как субъект профилактической работы. Данная задача, по предупреждению и профилактики преступлений и правонарушений, поставлена перед сотрудниками полиции в ФЗ «Полиции» в п. 2 ч. 1 ст. 2. Поэтому, профилактическая работа должна быть ничуть не меньше, чем работа по раскрытию и расследованию преступлений.

Положительным примером в профилактической деятельности ОВД может послужить профилактика преступлений и административных правонарушений в сфере мошенничества с использованием IT-технологий. В связи со сложностью выявления и раскрытия преступлений и административных правонарушений в данной сфере, основной акцент был сделан на их предупреждении. Сотрудники полиции проводят точечную профилактическую работу по данному направлению, проводят с гражданами беседы, выдают памятки по недопущению мошенничества, проводят индивидуальную профилактическую работу с лицами, обладающими наибольшей виктимностью, то есть лицами пожилого возраста и т.д. Данная работа должна быть примером для профилактической работы по всем направлениям предупреждения преступлений и административных правонарушений, в том числе административных правонарушений и преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

Одним из направлений профилактической деятельности, в сфере предупреждения преступлений и административных правонарушений в сфере незаконного оборота наркотиков, является надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, которые были осуждены за преступления данной группы. Административный надзор регулируется ФЗ № 64 от 06.04.2011 года. Так, в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 3 данного закона, одним из оснований постановки лица на административный надзор, является совершение данным лицом двух и более преступлений, предусмотренных частью первой ст. 228, ст. 228.3, частью первой ст. 231, частью первой ст. 234.1 Уголовного кодекса Российской Федерации².

Тут, снова необходимо обратиться к приказу МВД России № 205, так как УУП является одним из главных субъектов административного надзора. Пункт 33.1 данного приказа предписывает то, что лица, стоящие на административном надзоре, являются субъектами индивидуальной профилактической работы участкового уполномоченного полиции. Решение об административном надзоре, его сроках и ограничениях устанавливаются судом. Лицо, которому суд не назначил административный надзор, но которое формально подпадает под данную меру, также подлежит индивидуальной профилактической работе в соответствии с пунктом 33.2 Приказа МВД России № 205. Данные лица, должны посещаться УУП не реже одного раза в месяц для проведения индивидуальной профилактической работы. Также УУП должны следить за выполнением лицом, стоящим на административном надзоре, ограничений, которые были наложены им судом.

Данный вид профилактической деятельности направлен на недопущение рецидивных преступлений данной группы. Обусловлено это тем, что зачастую лица, причастные к незаконному обороту наркотиков, сами же их употребляют и становятся большими наркоманомией. Люди, подверженные этому состоянию, часто сталкиваются с риском повторного совершения преступлений. Эта зависимость от наркотических средств и психотропных веществ создает сильную привычку, и они готовы на все ради так называемой «дозы», включая совершение преступлений или административных правонарушений.

Также, почти все административные правонарушения, в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, предусмотренные КоАП РФ, является по сути таким видом предупреждения преступлений, как административная превенция. Данный вывод можно сделать из того, что практически каждая статья КоАП РФ, предусматривающая правонарушение в рассматриваемой сфере, имеет свой аналог в Уголовном кодексе. Так, например, административное правонарушение, предусмотренное ст. 6.8 КоАП РФ предупреждает преступление, предусмотренное статьей 228 УК РФ. Также у нас существует принудительное лечение лиц больных наркоманией, и

¹ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ (в послед. ред.) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 3. Ст. 2026.

² Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2037.

отдельной статьей КоАП РФ (ст. 6.9.1), предусматривается ответственность за уклонение от данного лечения. Таким образом, Кодекс об административных правонарушениях, предупреждает всю наркопреступность в целом на ее самом раннем этапе [4, с. 263].

Любые общественные отношения не являются статичными и находятся в постоянной динамике. В век информационных технологий, данные отношения начали развиваться по экстенсивной прогрессии. В правовом государстве, таком как Российская Федерация, практически все общественные отношения урегулированы нормами права. Это весьма усложняет задачу законодательных органов и органов исполнительной и судебной власти, так как постоянная динамика общественных отношений, требует постоянной корректировки законодательства и правоприменительной деятельности. К сожалению, не всегда данная деятельность успевает подстраиваться под современные реалии, из-за чего возникают коллизии в праве и проблемы в правоприменение. Решение одних законодательных проблем, может порождать другие.

Не стали исключением и общественные отношения в сфере незаконного оборота наркотиков. Законодатель очень трепетно относится к данной теме, так как проблема наркомании очень остро стоит в современном мире и в нашем государстве, в частности. Каждый год сотни людей гибнут от наркомании и передозировки наркотических средств и психотропных веществ. Но это не единственная проблема. Человек, в состоянии наркотического опьянения более склонен к совершению тяжких и особо тяжких преступлений против жизни и здоровья, таких как убийство, причинение тяжкого вреда здоровью и т.д. Поэтому регулярно законодателем вносятся поправки в нормативно-правовые акты, регулирующие данную деятельность¹. Связаны эти поправки с ужесточением наказаний за различные правонарушения в сфере незаконного оборота наркотиков, внесение в перечень новых видов наркотических средств и психотропных веществ, а также решением определенных проблем, возникающих в правоприменение.

В данном вопросе нас интересуют проблемы, возникающие в административной деятельности полиции в сфере незаконного оборота наркотиков и способами их регулирования. Хорошим примером в данном вопросе может служить Федеральный закон от 13.07.2015 № 230-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который внёс поправки в ст. 6.9 и ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ. Данные статьи предусматривают административную ответственность за употребление наркотических средств или психотропных веществ. Проблемы возникали в процессе доказывания факта употребления лицом того или иного вещества. Основным доказательством в данном случае будет являться медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения. До 2015 года, лицо, которое предположительно находится в состоянии наркотического опьянения, могло без каких-либо для себя последствий отказаться от прохождения медицинского освидетельствования и, как следствие, избежать наказания. Данные поправки, принятые в 2015 году, внесли в диспозицию данных статей ответственность не только за факт употребления наркотического средства и психотропного вещества, но и за отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения. Это значительно облегчили деятельность сотрудников полиции в данном направлении, а также сократило латентность данных правонарушений, не позволив лицам, совершившим данное административное правонарушение, сокрыть данный факт. К сожалению, не смотря на все действия, принимаемые законодателем, все ещё остаётся ряд нерешенных проблем в данном направлении деятельности.

К сожалению, еще не все проблемы в практике применения мер административной ответственности за правонарушения в сфере незаконного оборота наркотиков нашли свои решения. Возьмем два самых распространенных состава административных правонарушений в сфере незаконного оборота наркотиков, ст. 6.9 и ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ. Первый состав связан с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ [5, с. 209].

Второй состав фактически повторяет первый, за исключением наличия дополнительного критерия в объективной стороне, а именно, «употребление в общественном месте». Согласно правовой теории, введение квалифицирующего признака в правонарушение должно повлиять на строгость наказания. Однако, в обоих случаях предусмотрено одинаковое наказание – наложение административного штрафа от четырех до пяти тысяч рублей или административный арест на период до пятнадцати суток [1, с. 219]. Помимо всего прочего, из-за отсутствия четкого законодательного

¹ Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право: учебник. 6-е изд., пересмотр. М.: Норма; Инфра-М, 2020. С. 414.

определения «общественного места» возникают затруднения при квалификации и разграничении данных составов, и в практике правоприменения обычно отдается предпочтение составу, установленному в статье 6.9 Кодекса об административных правонарушениях РФ. Поэтому мы считаем нецелесообразным наличие двух существенно идентичных составов с абсолютно одинаковыми наказаниями в Кодексе об административных правонарушениях РФ и предлагаем исключить часть 2 из статьи 20.20 данного Кодекса. Вместо этого предлагаем судам учитывать обстоятельства употребления наркотических средств и психотропных веществ в общественных местах при рассмотрении назначения наказания за административное правонарушение, предусмотренное в статье 6.9 КоАП РФ.

Еще одной важной проблемой влияющей на всю наркопреступность в России в целом, является огромный рост пропаганды наркотических средств и психотропных веществ в массовой культуре. Кино, песни, произведения современных деятелей культуры не только пропагандируют потребление наркотических средств и психотропных веществ, но и романтизируют это. Зачастую данная пропаганда наносит не меньший вред обществу, чем непосредственно распространение наркотиков [3, с. 184]. Практика применения статьи 6.13 Кодекса об административных правонарушениях РФ, за пропаганду наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также растений, содержащих данные вещества или их прекурсоры, не приносит должных результатов. Это связано с тем, что наложение административного штрафа на лиц, распространяющих такую пропаганду в обществе, недостаточно эффективно. Поэтому мы предлагаем в рамках административной превенции, аналогично статьям 7.27 и 6.1.1 КоАП РФ, ввести уголовную ответственность за повторное совершение административного правонарушения, установленного в статье 6.13 КоАП РФ. По нашему мнению, уголовная ответственность за повторное совершение данного правонарушения, со всеми вытекающими из нее последствиями, в том числе и судимостью, окажет, куда большее влияние на лиц, допускающих нарушение законодательства в данной сфере.

Проблемой сегодня является и широкое вовлечение молодежи в процесс участия в незаконном обороте НС и ПВ.

Значительные возможности для совершенствования нашего законодательства и правоприменительной практики в указанной области дает изучение опыта бывших советских республик.

Предлагаем законодателю установить ответственность за административные правонарушения асоциальной направленности с 14 лет, что не сделано и в Проекте нового КоАП РФ. В этом случае может быть полезен опыт Республики Беларусь, где административная ответственность за отдельные правонарушения (ч.2 ст.4.3 КоАП РБ) наступает уже по достижении 14-ти летнего возраста, что можно считать разумным, поскольку в этом возрасте подростки уже вполне способны осознавать противоправность и наказуемость подобных действий; в качестве наказания за мелкое хищение по КоАП РБ помимо штрафа предусмотрен административный арест, который может быть применен к несовершеннолетним без ограничений. В законе присутствует понятие покушения на совершение административного правонарушения (часть 1 статьи 2.3, часть 1 статьи 10.5 КоАП РБ).

Лица в 14-летнем возрасте уже прекрасно осознают, что наркотики – это плохо и опасно для жизни.

Чаще всего несовершеннолетнему правонарушителю назначают административный штраф. Но, известно, что несовершеннолетний может выплатить административный штраф только тогда, когда у него имеется свой собственный заработок (не стипендия). Однако лишь немногие подростки в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет имеют свой собственный доход, в результате чего административный штраф за правонарушения оплачивают их законные представители (согласно части 2 статьи 32.2 Кодекса об административных правонарушениях РФ). Таким образом, сам подросток практически не несет никаких непосредственных финансовых последствий, что может привести к отсутствию понимания им серьезности своих поступков. В такой ситуации отсутствует как воспитательный, так и превентивный эффект.

Хотя законодательство не запрещает применение различных видов наказаний к несовершеннолетним за административные проступки, кроме административного ареста (согласно части 2 статьи 3.9 КоАП РФ). Но, подавляющее большинство из них не может быть использовано органами исполнительной власти, так как это прерогатива судебных органов (Глава 3 КоАП РФ).

Санкции ст. 6.8, 6.9, 7.17, 7.27.1 КоАП РФ предусматривают только один вид наказания – административный штраф, который не оказывает, как мы уже ранее указывали, должного воздействия на несовершеннолетнего, не имеющего собственного заработка. Поэтому в целях профилактики административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними законодателю стоит пересмотреть санкцию данных статей и включить в нее такой вид административного наказания как обязательные работы, так как данный вид наказания, будучи исполненным непосредственно несовершеннолетним, позволит ему претерпеть лишения государственно-властного характера и осознать неотвратимость наказания, что даст ему повод не нарушать общеобязательные правила поведения в будущем, а также даст осознание наказуемости за противоправное поведение среди сверстников, находящихся в его ближайшем окружении.

Список использованной литературы:

1. Абрамян С.К. Countering illegal drug trafficking by the internal affairs bodies. *Проблемы современной уголовной политики: материалы международной научно-практической конференции (посвященной 305-летию российской полиции). Гл. редактор О.В. Ивушкина, зам. гл. ред. Т.В. Удилов (Иркутск, 21 апреля 2023 г.)*. Иркутск; 2023.
2. Антонова Л.Б. Профилактика правонарушений несовершеннолетних в деятельности органов внутренних дел. *Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. Воронежский институт МВД России*. 2022;(8–1):225–231.
3. Омельченко Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры: монография. М.: Издательство Института социологии РАН; 2016.
4. Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР: монография. М.: Госюриздат; 1961.
5. Чачхияни М.Н. Проблемы разграничения составов административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.9 и ч. 2 ст. 20.20 КОАП РФ. *Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. Барнаулский юридический институт МВД России*. 2023;(23–1):208–210.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Орехова Наталья Александровна
преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

References:

1. Abrahamyan S.K. [Countering illegal drug trafficking by the internal affairs bodies]. *Problems of modern criminal policy: materials of the international scientific and practical conference (dedicated to the 305th anniversary of the Russian police)*. Editor-in-chief O.V. Ivushkina, Deputy Editor-in-Chief T.V. Udilov (Irkutsk, April 21, 2023). Irkutsk; 2023. (In Russ.)]
2. Antonova L.B. [Prevention of juvenile delinquency in the activities of internal affairs bodies]. *Public safety, law and order in the third millennium. Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;(8–1):225–231. (In Russ.)]
3. Omelchenko E.L. [Youth cultures and subcultures]. М.: Publishing House of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2016. (In Russ.)]
4. Sakharov A.B. [On the personality of a criminal and the causes of crime in the USSR]. М.: Gosyurizdat; 1961. (In Russ.)]
5. Chachkhiani M.N. [Problems of differentiation of the composition of administrative offenses provided for Articles 6.9 and Part 2 of Article 20.20 of the Administrative Code of the Russian Federation]. *Actual problems of combating crimes and other offenses. Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(23–1):208–210. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia A. Orekhova
Lecturer at the Department of Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies of the FGKOU VO "Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation"

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-66-71>

ПРАВОВОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОГО РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Блинников Л.А.
Краснодарский краевой суд
(Красная ул., д. 10, г. Краснодар, Россия, 350063)

Ссылка для цитирования: Блинников Л.А. Правовое прогнозирование как условие успешного развития отечественного судопроизводства. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(1):66–71. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-66-71>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Блинников Леонид Алексеевич, кандидат юридических наук, судья Краснодарского краевого суда

Адрес: Красная ул., д. 10, г. Краснодар, Россия, 350063

Тел.: +7 (988) 144-21-44

E-mail: blinnikovl@rambler.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 07.02.2024

Статья принята к печати: 06.03.2024

Дата публикации: 30.03.2024

Аннотация: Целью статьи является исследование роли правового прогнозирования как метода научного познания для совершенствования действующего процессуального законодательства и своевременности принимаемых мер судебной защиты участников судопроизводства в условиях динамичного развития социально-экономической сферы деятельности государства.

В статье ставятся следующие задачи: 1) выделить особенности прогнозирования в процессуальной области, отметив его специфическую актуальность; 2) рассмотреть теоретические аспекты проблемы, включая уточнение терминологии, определение цели и уровней правового прогнозирования;

Методы: В работе использованы общенаучные и специальные методы исследования, такие как анализ, синтез, обобщение, сравнительно-правовой метод.

Результаты: Автор приходит к выводу о важности правового прогнозирования для совершенствования процессуального законодательства и повышения эффективности судебной защиты в условиях динамичного развития общества. Обоснована необходимость создания специальных аналитических структур в судебной системе. Предложен ситуационный подход к разделению видов правового прогнозирования, основанный на условиях осуществления прогнозирования и наличии исследуемого правового материала. Отмечена возрастающая роль правовых экспериментов.

Выводы: Правовое прогнозирование является необходимым условием успешного развития отечественного судопроизводства в современных условиях. Оно позволяет своевременно выявлять проблемы в процессуальном законодательстве, предотвращать отставание мер судебного реагирования от потребностей общества и находить оптимальные пути совершенствования правового регулирования. Внедрение правового прогнозирования и создание специальных аналитических структур в судебной системе будет способствовать повышению качества правосудия, обеспечению

эффективной защиты прав участников судопроизводства и укреплению экономической безопасности государства.

Ключевые слова: правовое прогнозирование, юридическое прогнозирование, практическая значимость прогнозирования, совершенствование законодательства.

LEGAL FORECASTING AS A CONDITION FOR THE SUCCESSFUL DEVELOPMENT OF DOMESTIC LEGAL PROCEEDINGS

Leonid A. Blinnikov

Krasnodar Regional Court
(Krasnaya str., 10, Krasnodar, Russia, 350063)

Link for citation: Blinnikov L.A. Legal forecasting as a condition for the successful development of domestic legal proceedings. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(1):66–71. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-66-71>

CONTACT INFORMATION:

Leonid A. Blinnikov, Cand. of Sci. (Law), judge of the Krasnodar Regional Court

Address: Krasnaya str., 10, Krasnodar, Russia, 350063

Phone: +7 (988) 144-21-44

E-mail: blinnikovl@rambler.ru

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 07.02.2024

The article has been accepted for publication: 06.03.2024

Date of publication: 30.03.2024

Annotation: The purpose of the article is to study the role of legal forecasting as a method of scientific knowledge for improving the current procedural legislation and the timeliness of measures taken to protect participants in legal proceedings in the context of the dynamic development of the socio-economic sphere of state activity.

The article sets the following tasks: 1) to highlight the features of forecasting in the procedural field, noting its specific relevance; 2) to consider the theoretical aspects of the problem, including clarifying terminology, defining the purpose and levels of legal forecasting;

Methods: The work uses general scientific and special research methods, such as analysis, synthesis, generalization, comparative legal method.

Results: The author comes to the conclusion about the importance of legal forecasting for improving procedural legislation and increasing the effectiveness of judicial protection in the conditions of dynamic development of society. The necessity of creating special analytical structures in the judicial system is substantiated. A situational approach to the separation of types of legal forecasting is proposed, based on the conditions of forecasting and the availability of the legal material under study. The increasing role of legal experiments is noted.

Conclusions: Legal forecasting is a necessary condition for the successful development of domestic legal proceedings in modern conditions. It makes it possible to identify problems in procedural legislation in a timely manner, prevent judicial response measures from lagging behind the needs of society and find optimal ways to improve legal regulation. The introduction of legal forecasting and the creation of special analytical structures in the judicial system will contribute to improving the quality of justice, ensuring effective protection of the rights of participants in legal proceedings and strengthening the economic security of the state.

Keywords: legal forecasting, legal forecasting, practical significance of forecasting, improvement of legislation.

Введение

Обеспечение надлежащего уровня и повышение эффективности судопроизводства являются важнейшими и постоянными задачами отечественного законодателя, поскольку их наличие и характер определяются объективным ходом развития социально-экономической сферы деятельности государства, которая влечет возникновение новых и изменение существующих видов правоотношений и необходимость их судебной защиты.

Методы исследования

В статье применяются общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения. Автор опирается на законодательную базу, научные публикации по теме правового прогнозирования, а также на собственный опыт практической деятельности в сфере правосудия. География исследования охватывает Российскую Федерацию.

Результаты исследования

1) Уточнено соотношение понятий "правовое прогнозирование", "юридическое прогнозирование" и "правовой мониторинг". Правовой мониторинг рассматривается как предпосылка для прогностических выводов.

2) Определена основная цель правового прогнозирования – достижение максимальной эффективности правового регулирования. Эта цель конкретизируется в зависимости от особенностей этапа развития государства.

3) Выделены уровни правового прогнозирования: законодательство в целом, отрасль права, правовой институт, отдельная норма. Подчеркнута необходимость выявления на всех уровнях общих тенденций развития законодательства в русле правовой политики государства.

4) Обоснована потребность в создании специальных аналитических структур при судах субъектов РФ для обобщения судебной практики в целях формирования эмпирической базы правового прогнозирования.

5) Предложена классификация видов правового прогнозирования на основе ситуационного подхода: 1) анализ действующего законодательства для выявления недостатков и пробелов; 2) прогнозирование в процессе создания нового законодательства в условиях отсутствия правового материала для анализа.

Научная дискуссия

Среди множества факторов, определяющих качественный уровень судопроизводства, особое место занимает правовое прогнозирование тех мер, принятие которых необходимо в современных условиях или потребуется в недалеком будущем. Главная цель такой деятельности состоит в предотвращении отставания мер судебного реагирования на возникающие запросы общества, особенно его гражданских институтов и предпринимательского сообщества. Фактически она является одним из компонентов экономической безопасности государства¹.

Сразу отметим, что необходимость своевременного реагирования на новации во всех сферах жизнедеятельности на уровне отраслей материального права признается практически всем юридическим сообществом, поскольку их реализация без должного правового урегулирования и защиты невозможна в принципе. Область гражданского и административного судопроизводства в этом плане значительно более стабильна и отмечается, условно говоря, разумно – консервативным характером. Объясняется это, во многом, тем обстоятельством, что споры, возникающие при реализации новых правоотношений, *до определенного времени* (здесь и далее выделено авт.) могут быть разрешены в рамках ранее сформировавшихся и существующих в данный момент времени судебных процедур. Эта отличительная особенность имеет как свою положительную сторону, которую мы уже отметили, так и отрицательную. Она состоит в том, что опасность опоздания в правовом регулировании различных процессуальных пробелов не столь очевидна, а при их обнаружении соответствующие недостатки носят уже массовый, порой критический характер. Поэтому для их устранения принимаются правовые меры в ускоренном, зачастую спешном порядке, которые по этой причине далеко не всегда носят продуманный характер. Это часто влечет необходимость доработки, переделки соответствующих процессуальных норм. Это в лишний раз подчеркивает особую, специфическую актуальность выявления недостатков процессуальных институтов, причем различной степени очевидности и времени возникновения (современное состояние процесса, а также его ближайшие и отдаленные перспективы). Поэтому мы не можем

¹ См.: О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

разделить мнение отдельных авторов, полагающих что актуальность прогнозирования, относящегося процессуальной стороне права, нельзя переоценивать, поскольку оно относится к области урегулирования конфликтов, а не к их сущности. Содержание спора и процедура его разрешения настолько тесно взаимосвязаны, что отдавать предпочтение той или иной его стороне просто бессмысленно.

С учетом сказанного, мы считаем целесообразным рассмотреть отдельные вопросы правового прогнозирования в их логической последовательности, от имеющих теоретическую основу до носящих практический характер.

Прежде всего нуждается в уточнении сам термин «правовое прогнозирование», имея ввиду наличие схожего с ним понятия – «юридическое прогнозирование». Употребляя первый термин, мы имеем ввиду *сферу* социальной деятельности, в рамках которой осуществляется прогнозирование, второй термин наиболее подходит для описания метода, *приема*, используемого для прогностической деятельности в той или иной сфере. Но поскольку область применения приема и его содержание всегда взаимосвязаны, то мы полагаем, что никаких различий принципиального характера между ними не существует¹.

Кроме вышеназванных, в научных исследованиях используется также понятие правового мониторинга [4]. Мы согласны с возможностью использования этого термина, однако в несколько ином направлении, нежели прогнозирование, поскольку мониторинг, по своей сути, является активным наблюдением за процессами правоприменения, выявлением существующих и отслеживанием намечающихся здесь тенденций. Поэтому оно, как правило, предшествует прогностическим выводам по совершенствованию законодательства.

Для успешного осуществления правового прогнозирования необходимо правильно воспринимать его в методическом плане, а именно в качестве составной части прогнозирования более высокого уровня, а именно – социального. Мы полностью согласны с мнением о том, что назначение правового (юридического) прогнозирования заключается «в исследовании правовых процессов и явлений, происходящих в них под влиянием экономических, политических, демографических, идеологических, международных факторов изменений, и в выработке предложений по оптимальному развитию законодательства для их последующего включения в планы законотворческих работ» [2]. От себя добавим, что для успешного правового прогнозирования, весь спектр социальных явлений следует рассматривать также в их наиболее вероятной *перспективе развития*. Это позволит вовремя определить предстоящие потребности в самом правовом регулировании.

Исходя из сказанного, следует указать также на основную *цель* правового прогнозирования. Она заключается в достижении наибольшей эффективности правового регулирования всех сфер жизнедеятельности государства и общества (конечно, находящегося в его рамках). При этом указанная цель конкретизируется в зависимости от особенностей переживаемого этапа развития государства. Так, на переломном этапе развития, в 1990 годы, важно было просто «удержать ситуацию» в нормативно – правовом поле, которое одновременно надо было хоть в какой-то степени адаптировать к новым социально-экономическим реалиям. Не случайно, что многие представители органов власти главным положительным результатом правоохранительной деятельности сочли предотвращение социальных «взрывов» в обществе. Современная ситуация иная, ее особенность определяется «возрастающей неопределенностью и многовариантностью становления всех сфер социальной жизни как в границах государств, так и в глобальном масштабе ...» [1]. Соглашаясь, мы бы определили ее несколько проще – это обстановка поступательного, активного развития всех социально-экономических сфер общества в условиях высокой его консолидации.

Следующим важным вопросом теоретического свойства является представление о существующих *уровнях* осуществления правового прогнозирования. Подавляющее большинство точек зрения (во многом схожих между собой), сходятся на трех или четырехзвенной структуре. Практически во всех случаях они включают в себя следующие элементы: уровень всего законодательства; отрасли права; правового института и отдельной нормы. Такая уровневая структура является оптимальной, вне зависимости от количества выделяемых в ней звеньев в силу их изначальной взаимосвязи. Например, отраслевое прогнозирование может осуществляться только через совершенствование отдельных институтов, которые, в свою очередь, должны находиться в

¹ Об иных позициях по этому вопросу – см.: Егорова Н.Е., Иванюк О.А. Правовая реальность и юридическое прогнозирование // Журнал российского права. 2009. № 12 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

рамках проводимых прогностических исследований более высокого уровня. Но здесь важно другое – на всех уровнях необходимо выявлять общие тенденции развития законодательства в рамках проводимой государством *правовой политики*. В сфере процессуального законодательства это находит свое отражение в постепенном сближении отдельных отраслей процесса, например гражданского и арбитражного, а также унификации отдельных правовых институтов (например, в сфере доказательств, предъявляемых сторонами, процедур обжалования и др.). В современных условиях важнейшим и универсальным элементом правовой политики является повышение доступности правосудия для граждан, что определяет один из основных векторов развития процессуального законодательства, прежде всего – административного. Поэтому все меры по совершенствованию действующего законодательства, предлагаемые в рамках правового прогнозирования, должны *изначально* соответствовать современной российской правовой политике, несмотря на периодически возникающие различного рода «новомодные веяния» в реформировании отечественного законодательства (данная проблема заслуживает отдельного тщательного рассмотрения).

Отдельный аспект, традиционно рассматриваемый в рамках правового прогнозирования, заключается в установлении всего *комплекса обстоятельств и факторов*, необходимых для успешного осуществления правового прогнозирования. Эта тематика достаточно хорошо освещена в специальной юридической литературе [3; 7; 8]. Поэтому мы обратим внимание на один, наиболее специфический, из множества выделяемых элементов. Речь идет о необходимости *организационного обеспечения* процесса правового прогнозирования. Повседневная правоприменительная деятельность свидетельствует о насущной потребности в наличии специальных структур на уровне судов субъектов Российской Федерации, занимающихся анализом и обобщением судебной практики, положительного и отрицательного опыта рассмотрения различных категорий дел, в т.ч. допускаемых при этом ошибок. Безусловно, такая работа ведется и в настоящее время, однако во многом она строится на профессиональном энтузиазме судей и обобщается в рамках различных научно – практических конференций, а также мероприятий, проводимых судебским сообществом. Однако значимость разрешаемых при этом проблем столь значительна, что требует перехода указанной деятельности на принципиально новый уровень. Мы полагаем, что в судах субъектов могут быть созданы отделы (управления, аналитические центры), занимающиеся соответствующей аналитической работой. В качестве специалистов в них могли бы быть задействованы консультанты судов, а также судьи, находящиеся в отставке. Главной целью и результатом работы таких структур должно явиться формирование максимально выверенной, качественной, надлежаще структурированной эмпирической правовой базы для законодателя и правоприменителя.

Теперь рассмотрим виды правового прогнозирования, которые незаслуженно обделены вниманием со стороны специалистов несмотря на то, что они в значительной степени носят уже практически значимый характер. В качестве основы такого разделения мы предлагаем использовать условия, в которых осуществляется прогнозирование, а также *наличие и характер исследуемого правового материала*. В первом случае речь идет об анализе действующего законодательства с целью выявления его отдельных недостатков и существенных пробелов, причем как существующих на момент проводимых исследований, так и в перспективе. Как результат, должны быть даны рекомендации по качественному содержанию и структуре нового законодательства, приходящего на смену устаревшему (и/или некачественному).

Во втором случае мы имеем дело с правовым прогнозированием, относящимся к процессу формирования *нового* законодательства. В определенной степени это «путь проб и ошибок», поскольку изначально не существует правового материала, который можно было бы подвергнуть качественному анализу (в отличие от первого случая). В итоге в течении небольших промежутков времени такое ранее принятое законодательство часто претерпевало многочисленные изменения и существенные переделки. В новейшей российской истории такими примерами являются, например, формирование принципиально нового арбитражного процессуального законодательства, распределение подведомственности дел между общими и арбитражными судами, законодательство о банкротстве и др.

С учетом сказанного, мы полагаем, что вправе говорить о *ситуационном подходе (критерии)*, который лежит в основе описанного разделения случаев правового прогнозирования.

Отметим также, что в обоих ситуациях (или их сочетаниях) в различной степени, но практически всегда проявляется проблема общеправовых, а также процессуальных рисков [5, с. 117–

122; 6; 9]. Все такие риски отражают вероятность (предполагаемую вероятность) достижения прогнозируемого результата. Поэтому очевидно, что в ближайшем будущем значительно возрастет роль различного рода правовых экспериментов, в реальной пользе от которых юридическое сообщество уже успело убедиться.

В заключение отметим, что правовое прогнозирование, как метод научного познания, в ближайшей исторической перспективе несомненно будет в числе наиболее востребованных законодателем как незаменимый инструмент правотворческой деятельности.

Список использованной литературы:

1. Агамиров К.В. Онтологические, гносеологические и аксиологические основания юридического прогнозирования: философско-правовая парадигма. *Журнал российского права*. 2021;25(8):20–35.
2. Агамиров К.В. Социальная сфера как объект правового регулирования и юридического прогнозирования. *Lex Russica (Русский закон)*. 2020;73(2(159)):106–124.
3. Гаврилов О.А. Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование: монография. М.; 1993.
4. Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики: монография / под ред. Н.Н. Черногор. М.: Международный юридический институт; 2010.
5. Решетникова И.В. Теория процессуального риска. *Закон*. 2012;(6):117–122.
6. Тихомиров А.А. Право: прогнозы и риски: монография. М.: Инфра-М; 2015.
7. Туманов Д.А. Пробелы в гражданском процессуальном праве: монография. М.: НОРМА; 2008.
8. Черных И.И. Правовое прогнозирование в сфере гражданского судопроизводства в условиях развития информационных технологий. *Актуальные проблемы российского права*. 2019;(6(103)):58–72.
9. Юдин А.В. Категория «риск» в гражданском судопроизводстве. *Вестник гражданского процесса*. 2014;(5):11–53.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Блинников Леонид Алексеевич

кандидат юридических наук, судья Краснодарского краевого суда

References:

1. Agamirov K.V. [Ontological, epistemological and axiological foundations of legal forecasting: philosophical and legal paradigm]. *Journal of Russian Law*. 2021;25(8):20–35. (In Russ.)]
2. Agamirov K.V. [The social sphere as an object of legal regulation and legal forecasting]. *Lex Russica (Russian Law)*. 2020;73(2(159)):106–124. (In Russ.)]
3. Gavrilov O.A. [Strategy of law-making and social forecasting]. M.; 1993. (In Russ.)]
4. Legal monitoring: actual problems of theory and practice] / edited by N.N. Chernogor. M.: International Law Institute; 2010. (In Russ.)]
5. Reshetnikova I.V. [Theory of procedural risk]. *The law*. 2012;(6):117–122. (In Russ.)]
6. Tikhomirov A.A. [Law: forecasts and risks]. M.: Infra-M; 2015. (In Russ.)]
7. Tumanov D.A. [Gaps in civil procedural law]. M.: NORM; 2008. (In Russ.)]
8. Chernykh I.I. [Legal forecasting in the field of civil law legal proceedings in the context of the development of information technology]. *Current problems of Russian law*. 2019;(6(103)):58–72. (In Russ.)]
9. Yudin A.V. [The category of "risk" in civil proceedings]. *Bulletin of the civil procedure*. 2014;(5):11–53. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Leonid A. Blinnikov

Cand. of Sci. (Law), judge of the Krasnodar Regional Court

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-72-80>

ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК И ЧАСТЬ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА КАК ОБЪЕКТЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ И ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Елисеева И.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Елисеева И.А. Земельный участок и часть земельного участка как объекты земельных и имущественных отношений. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(1):72–80. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-72-80>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Елисеева Инга Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Гаврилова ул., д. 62, кв. 20, г. Краснодар, Россия, 350020.

Тел.: +7 (918) 320-44-16

E-mail: inucia@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 26.01.2024

Статья принята к печати: 23.02.2024

Дата публикации: 30.03.2024

Аннотация: Целью настоящей статьи является исследование понятия и признаков земельного участка и части земельного участка как объектов земельных и имущественных отношений в законодательстве и юридической доктрине. Для достижения указанной цели в качестве *задач* представляется необходимым провести анализ легального определения земельного участка, а также доктринальных определений земельного участка и его части, выявить их достоинства и недостатки, предложить собственное авторское определение указанных понятий.

Цель и задачи работы определили *методологию* настоящего исследования, в основу которой положен ряд методов, в частности: анализа и синтеза, сравнительно-правовой, формально-логический, диалектический метод познания общественных явлений и процессов.

В *результате* проведенного исследования автором сформулированы собственные определения, а также некоторые рекомендации относительно совершенствования российского земельного законодательства. В частности, предлагается внести следующее легальное определение земельного участка в п. 3 ст. 6 ЗК РФ: земельный участок как объект земельных отношений – это часть земной поверхности, границы которой определены в соответствии с федеральными законами. Вертикальные нижние границы земельного участка устанавливаются в соответствии с законодательством о недропользовании, а вертикальные верхние границы использования воздушного пространства над земельным участком должны быть определены универсальной формулой «до тех пределов, которые необходимы для надлежащего использования земельного участка».

Рекомендуем также включить в п. 3 ст. 6 ЗК РФ легальную дефиницию части земельного участка как сформированной и индивидуализированной технически и юридически в соответствии с требованиями законодательства составляющей целого земельного участка.

Ключевые слова: земельный участок, часть земельного участка, земельные отношения, имущественные отношения, земельное законодательство, гражданское законодательство.

A LAND PLOT AND A PART OF A LAND PLOT AS OBJECTS OF LAND AND PROPERTY RELATIONS

Inga A. Eliseeva

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Eliseeva I.A. A land plot and a part of a land plot as objects of land and property relations. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(1):72–80. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-72-80>

CONTACT INFORMATION:

Inga A. Eliseeva, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Gavrilova str., 62, sq. 20, Krasnodar, Russia, 350020

Tel.: +7 (918) 320-44-16

E-mail: inucia@mail.ru

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 26.01.2024

The article has been accepted for publication: 23.02.2024

Date of publication: 30.03.2024

Annotation: The purpose of this article is to study the concept and features of a land plot and part of a land plot as objects of land and property relations in legislation and legal doctrine. To achieve this goal, it seems necessary to analyze the legal definition of a land plot, as well as the doctrinal definitions of a land plot and its part, identify their advantages and disadvantages, and propose an author's own definition of these concepts.

The purpose and objectives of the work determined the methodology of this study, which is based on a number of methods, in particular: analysis and synthesis, comparative legal, formal logical, dialectical method of cognition of social phenomena and processes.

As a result of the research, the author formulated his own definitions, as well as some recommendations regarding the improvement of Russian land legislation. In particular, it is proposed to formulate the following definition of a land plot in paragraph 3 of Article 6 of the Land Code of the Russian Federation: a land plot as an object of land relations – This is a part of the earth's surface, the boundaries of which are defined in accordance with federal laws. The vertical lower boundaries of the land plot are established in accordance with the legislation on subsoil use, and the vertical upper boundaries of the use of airspace above the land plot should be determined by a universal formula "to the limits necessary for the proper use of the land plot".

We also recommend including in clause 3 of Article 6 of the RF CC a legal definition of a part of a land plot as a technically and legally formed and individualized component of an entire land plot in accordance with the requirements of the legislation.

Keywords: land plot, part of a land plot, land relations, property relations, land legislation, civil legislation.

Введение

Понятия земельного участка, его части, выделение основных признаков земельного участка многократно выступали объектами исследования в юридической литературе, но вопрос этот по-прежнему относится к дискуссионным и вызывает оживленные споры. Кроме того, легальное определение земельного участка, сформулированное в Земельном кодексе РФ (п. 3 ст. 6), неоднократно подвергалось изменениям, и не всегда удачно. Недавно Гражданский кодекс РФ был дополнен ст. 141.2, устанавливающей определение земельного участка как недвижимой вещи, отличное от содержащегося в п. 3 ст. 6 Земельного кодекса определения земельного участка, что создает дальнейшие причины для продолжения споров по данной тематике. Кроме того,

дискуссионным является вопрос о включении в состав определения земельного участка природных объектов, природных ресурсов, а также зданий, строений, сооружений, расположенных в его границах. В законодательстве также отсутствует определение части земельного участка, а ведь части земельных участков, как свидетельствуют законодательство и судебная практика, тоже участвуют в гражданском обороте и выступают объектами ряда имущественных отношений. Итак, все изложенное предопределяет актуальность темы настоящего исследования.

Методы исследования

Поставленные в настоящей научной статье задачи предполагают использование следующих методов научного познания: анализа и синтеза, сравнительно-правовой, формально-логической, диалектический метод познания общественных явлений и процессов.

Результаты исследования

В результате проведенного исследования нами сформулированы следующие определения, а также некоторые рекомендации относительно совершенствования российского земельного законодательства:

1. Внести следующее легальное определение земельного участка в п. 3 ст. 6 ЗК РФ: земельный участок как объект земельных отношений – это часть земной поверхности, границы которой определены в соответствии с федеральными законами. Вертикальные нижние границы земельного участка устанавливаются в соответствии с законодательством о недропользовании, а вертикальные верхние границы использования воздушного пространства над земельным участком должны быть определены универсальной формулой «до тех пределов, которые необходимы для надлежащего использования земельного участка».

2. Включить в п. 3 ст. 6 ЗК РФ легальную дефиницию части земельного участка как сформированной и индивидуализированной технически и юридически в соответствии с требованиями законодательства составляющей целого земельного участка.

Научная дискуссия

Понятия земельного участка и его части многократно выступали объектами исследования в юридической литературе, но вопрос этот по-прежнему относится к дискуссионным и вызывает оживленные споры. Так, Д.А. Тоточенко отмечает, что определение указанных понятий имеет важное практическое значение, ведь налогообложение, совершение различных сделок, а также возможность пользоваться судебной защитой при нарушении прав землепользователей в полной мере могут быть реализованы лишь в отношении земельного участка, отвечающего законодательным требованиям [17, с. 7].

Легальное определение земельного участка давно существует в нашем законодательстве, и оно подвергалось неоднократному изменению. В частности, в соответствии с ранее действовавшей редакцией ст. 6 Земельного кодекса РФ (далее – ЗК РФ)¹ (до 2015 года) под земельным участком в качестве объекта земельных отношений понималась часть поверхности земли (в том числе почвенный слой), границы которой описаны и удостоверены в установленном порядке. Позднее редакция ст. 6 ЗК РФ была изменена, и сейчас она устанавливает, что земельный участок как объект права собственности и иных предусмотренных Кодексом прав на землю является недвижимой вещью, которая представляет собой часть земной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи. Полагаем, что это определение земельного участка не лучшее, неточное, и в нем наблюдается тавтология.

Кроме того, в 2021 году в Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ)² введена ст. 141.2, которая признает земельный участок в качестве недвижимой вещи и подразумевает под ним часть поверхности земли, границы которой определены в порядке, установленном законом.

Таким образом, сейчас налицо два определения земельного участка, сформулированные в земельном и гражданском законодательстве, не особо согласующиеся друг с другом. Также надо отметить, что законодатель в новой правовой норме ГК РФ опять выделяет, прежде всего, границы в качестве основных характеристик земельного участка, как это и было в старой редакции п. 3 ст. 6 ЗК РФ. Именно так в настоящее время суды дают систематическое толкование п. 3 ст. 6 ЗК РФ и п. 1 ст.

¹ Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 25.12.2023 № 628-ФЗ) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть I) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 24.07.2023 № 351-ФЗ) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

141.2 ГК РФ: характеристики есть границы земельного участка¹. Границы же земельного участка устанавливаются посредством выполнения кадастровых работ по межеванию, результатом которых является межевой план. Однако в настоящее время полноценными участниками гражданского оборота являются и так называемые «ранее учтенные» земельные участки, а именно: 1) участки, права на которые зарегистрированы в упрощенном порядке без межевания; 2) земельные участки, права на которые зарегистрированы вообще без кадастрового учета [9, с. 29–40].

Хоть законодатель и ушел от перечисления включения в земельный участок почвенного слоя, насаждений, водных объектов, вопрос о правовом режиме этих вещей является дискуссионным, равно как и о соотношении правового режима земельного участка и зданий на нем.

А. В. Германов, цитируя Ф.К. Савиньи, приводит его определение земельного участка: «... в отношении понятия «земельный участок» можно сказать, что все определения земельного участка, как бы они ни отличались друг от друга по выражению и, по сути, сводятся в конечном счете к одному: под земельным участком понимается недвижимая вещь в форме пространственно-локализованного фрагмента земной поверхности. Вся дальнейшая конкретизация этого понятия относится не к тому, посредством чего определяется понятие, а к тому, что уточняет границы в трех проекциях и наполняет земельный участок как пространство различными благами» [5, с. 14]. Таким образом, А.В. Германов приходит к выводу, что земельный участок с точки зрения пространства предполагается, прежде всего, как географически привязанная конфигурация горизонтальной плоскости, проецируемая от поверхности земли вверх и вниз по вертикали [5, с. 14].

Но у земельного участка есть и другие признаки, служившие предметом оживленного обсуждения в юридической литературе и судебной практике. В юридической литературе к индивидуализированным признакам чаще всего относят: местоположение, размер, целевое назначение, кадастровый номер, границы (точки координат)².

В свое время А.Л. Корнеев, проведя обстоятельное исследование по данному вопросу и обобщая имеющиеся законодательные и доктринальные определения земельного участка, выделил следующие его признаки:

- 1) земельный участок всегда есть некоторая часть поверхности земли;
- 2) всякий земельный участок связан с землей как планетарным явлением;
- 3) каждый участок обладает не только количественными, но и качественными характеристиками;
- 4) земельный участок – всегда физически сложный, структурированный объект действительности;
- 5) в составе земельного участка необходимо выделять вертикальный и горизонтальный срезы, позволяющие установить пространственные масштабы данного земельного участка;
- 6) земельный участок подлежит идентификации;
- 7) земельный участок обладает свойством делимости;
- 8) земельный участок является объектом недвижимости³.

В научной статье, написанной в 2010 г., проанализировав восемь доктринальных дефиниций земельного участка, а также нормы действующего законодательства, нами было предложено следующее определение земельного участка: часть земной поверхности, границы которой определены в соответствии с федеральными законами, обладающую индивидуальным кадастровым номером, местоположением, площадью, целевым назначением, иными физическими и юридическими характеристиками, указанными в федеральном законе [7, с. 63].

Позднее С.Ю. Стародумова рекомендовала к характеристикам земельного участка отнести природные, антропогенные и фактические (физические характеристики) [16, с. 42–45].

¹ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.02.2023 № 13АП-35282/2022 по делу № А21-14606/2019 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² См., например: Косообродов В.М. Гражданско-правовое регулирование договора аренды земельных участков сельскохозяйственного назначения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 6–7; Шихалева О.В. Земельный участок как объект гражданских прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 7; Крамкова Т.В. Гражданско-правовой режим земельного участка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 17; Бугров Д.С. Правовой режим земельного участка как недвижимого имущества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 14. Минаева А.А. Земельный участок как объект земельных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 6 и др.

³ Корнеев А.Л. Сделки с земельными участками: учебное пособие. М., 2006. С. 40–50.

Д.А. Тоточенко, соглашаясь с ней, выделил в качестве характеристик земельного участка расположенные в его пределах природно-антропогенные объекты (измененные в результате хозяйственной деятельности человека или созданные человеком и имеющие рекреационное и защитное значение, например, деревья, водные объекты) и антропогенные объекты (здания, сооружения). К физическим характеристикам относится площадь земельного участка [17, с. 6–7].

Н.Г. Нарышева предлагает в дефиницию земельного участка включить и его правовой режим, обращая внимание, что он в этом смысле является способом определения содержания земельного правоотношения (по использованию и охране земель). По её мнению, легальное определение земельного участка как объекта земельных правоотношений должно включать указание на то, что он является частью земли и что в отношении него установлен правовой режим. Она формулирует следующее определение земельного участка: это часть земли (природного ресурса и природного объекта), в отношении которой установлен правовой режим и сведения о которой внесены в ЕГРН [13, с. 22–28].

Следовательно, в доктрине в качестве важнейшего признака земельного участка выделяются его границы. Из анализа судебной практики также становится ясно, что они относятся к основным признакам земельного участка. Так, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ установила, что исходя из п. 2 ст. 8 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»¹, характеристики объекта недвижимости, позволяющие определить его в качестве индивидуально-определенной вещи, а также характеристики, которые определяются и изменяются в результате образования земельных участков, уточнения местоположения границ земельных участков, относятся к основным сведениям об объекте недвижимости. В кадастр недвижимости в качестве основного сведения об объекте недвижимости вносится описание его местоположения (под. 3 п. 4 ст. 8 Закона). Местоположение границ земельного участка устанавливается посредством определения координат характерных точек таких границ, т.е. точек изменения описания границ земельного участка и деления их на части².

Ранее в судебных постановлениях также обращалось внимание на необходимость кадастрового учета как обязательного признака земельного участка: «Поскольку одним из родовых признаков права собственности является то, что его объектом выступает индивидуально-определенная вещь, тогда как в отношении земельных участков под индивидуализацией понимается установление уникальных характеристик земельного участка, вносимых в его кадастровый паспорт, который, в свою очередь, должен содержать результаты согласования границ земельного участка со смежными землепользователями»³. Оговоримся, что сейчас кадастровые паспорта отменены, и сведения о земельном участке указываются в выписке из Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН). Но в связи с включением в ГК РФ ст. 141.2, раскрывающей понятие земельного участка как части поверхности земли, границы которой определены в порядке, установленном законом, в юридической литературе не без оснований появились утверждения о том, что: 1) закон отказался считать наличие кадастрового учета признаком земельного участка; 2) он не связал момент приобретения земельным участком качества недвижимой вещи с моментом государственной регистрации. Границы земельного участка определяются кадастровым инженером при составлении межевого плана. В.А. Алексеев приходит к выводу, что если при этом закон был соблюден, то имеется земельный участок как объект недвижимости [1].

О.А. Османов анализируя содержание ст. 141.2 ГК РФ, подчеркивает, что формирование границ земельного участка является необходимым условием признания факта возникновения земельного участка как объекта недвижимости [14, с. 81].

Почти в каждом приведенном определении или перечне признаком, а также в научных публикациях вопрос о границах земельного участка традиционно связывается не только координатами, межеванием кадастровым учетом, но и с вопросом о его нижних и верхних пределах.

В определении земельного участка нет упоминания о включении в его состав природных объектов, природных ресурсов, расположенных в его границах (воздушный столб, водные объекты,

¹ О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Кассационное определение Верховного Суда РФ от 08.07.2020 № 78-КАД20-1-К3 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 04.06.2013 по делу № 33-4159/2013 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

объекты растительного мира, почвенный слой, недра), а также зданий, строений, сооружений. В юридической литературе отмечается, что правовые режимы земельного участка и подобных объектов могут быть различными.

Ранее ЗК РФ включал в определение земельного участка почвенный слой. Позднее подп. 2 ст. 5 Федерального закона от 22.07.2008 № 141-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования земельных отношений» п. 2 ст. 6 ЗК РФ признан утратившим силу¹.

Действительно, наличие почвенного слоя не является универсальным и обязательным признаком земельного участка. Некоторые земельные участки его не имеют (полностью покрытые асфальтом, бетоном или иным покрытием). Наличие почвенного слоя важно для земельных участков в составе земель сельскохозяйственного назначения, обладающих плодородием, но не для всех остальных.

В отношении других природных объектов и ресурсов основное правило устанавливает ст. 261 ГК РФ: собственник земельного участка вправе использовать по своему усмотрению все, что находится над и под поверхностью этого участка, если иное не предусмотрено законами о недрах, об использовании воздушного пространства, иными законами и не нарушает прав других лиц. Кроме того, ст. 40 ЗК РФ предусматривает права собственника и других землепользователей по использованию земельного участка.

Права собственника и других правообладателей земельного участка на использование недр и имеющихся в них полезных ископаемых регулирует ст. 19 Закона РФ «О недрах»: собственники земельных участков, землепользователи, землевладельцы, арендаторы земельных участков имеют право осуществлять в границах данных земельных участков без применения взрывных работ использование для собственных нужд общераспространенных полезных ископаемых, имеющихся в границах земельного участка и не числящихся на государственном балансе, подземных вод, объем извлечения которых должен составлять не более 100 кубических метров в сутки, из водоносных горизонтов, не являющихся источниками централизованного водоснабжения и расположенных над водоносными горизонтами, являющимися источниками централизованного водоснабжения, а также строительство подземных сооружений на глубину до пяти метров в порядке, установленном законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации².

Д.В. Третьякова, исследуя вопрос о праве собственника на использование воздушного столба над земельным участком, выделяет две группы ситуаций [18, с. 53–95]:

- 1) связанные с возведением любого рода построек на участке лицом, не являющимся его собственником, в том числе, когда постройка или линейный объект «нависает» над участком;
- 2) не связанные с возведением построек. Здесь можно выделить как классические ситуации, связанные с установлением «сервитута вида» и (или) обязательством не возводить постройки больше согласованной высоты, так и ставшие актуальными буквально в последние годы вопросы, связанные с пролетом беспилотных летательных аппаратов (дронов) над частными владениями.

Таким образом, автор приходит к заключению, что земельные участки должны пониматься как трехмерные фигуры, которые, хотя, как правило, и не имеют четко описанных верхней и нижней границ, тем не менее, не являются бесконечными по высоте и глубине. Сфера прав собственника земельного участка в высоту и глубину может быть ограничена как непосредственно законом (например, путем отнесения недр к исключительной федеральной собственности), так и фактическими (техническими) возможностями по использованию таких участков [19, с. 95]. Данная концепция сейчас также является объектом пристального научного исследования.

Р.С. Бевзенко, проводя сравнительно-правовое исследование, отмечает, что отечественная правовая доктрина (в отличие от, скажем, западной правовой традиции [3, с. 113–138] пока не пришла к единообразному пониманию земельного участка как трехмерного объема, воспринимая его сейчас просто как часть земной поверхности. Он отстаивает концепцию единого объекта недвижимости и принципа единства судьбы прав на земельный участок и постройку [4, с. 60–123]. Принцип единства судьбы прав на земельный участок и прав на постройку, расположенную на нем,

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования земельных отношений: Федеральный закон от 22.07.2008 № 141-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О недрах: Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 (ред. от 10.07.2023) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

по его мнению, вводится отечественным законодателем как ради интересов обладателей прав на постройку, расположенную на чужой земле, так и в целях защиты интересов обладателей прав на земельные участки, застроенные третьими лицами.

Позицию Р.С. Бевзенко разделяют и другие ученые. Так, А.Л. Бажайкин, В.Н. Черняев в своей научной статье утверждают: «Земельный участок как в исторической перспективе, так и в настоящее время включает в себя, согласно разрозненным правовым нормам, понимание земельного участка как основы (базиса) через призму входящих в него частей земельного участка, природных объектов и природных ресурсов, а также недвижимых вещей, расположенных в его границах, а значит, все это образует единую недвижимую вещь [2, с. 240–242].»

Из классической теории единого объекта недвижимости исходит и Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренная решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009. Согласно п. 3.6.3 указанного документа в ГК РФ должна быть реализована модель единого объекта недвижимости, которая возникает при совпадении в одном лице собственника земельного участка и собственника находящегося на нем недвижимого имущества¹.

Надо отметить, что в современной юридической науке идет оживленная дискуссия о достоинствах и недостатках концепции единого объекта недвижимости, о практике применения такого подхода в зарубежных традициях, в том числе немецкой и английской [15, с. 402–408; 6, с. 68–71; 8, с. 159–161].

Так, право Германии земельный участок определяет как «пространственное тело» в форме пирамиды, которое от границ на поверхности земельного участка сужается до точки в центре Земли и расширяется в обратном направлении. В законодательстве Австрии, Швейцарии и Эстонии действует аналогичная модель единого объекта – земельного участка и построек на нем либо под ним. Эта модель базируется на классическом и хорошо разработанном понятии составной вещи [10, с. 59].

Итак, в свете новелл, внесенных в гражданское и земельное законодательство, и современных научных исследований необходимо сформулировать более точное определение земельного участка в п. 3 ст. 6 ЗК РФ: земельный участок как объект земельных отношений – это часть земной поверхности, границы которой определены в соответствии с федеральными законами. К важнейшему признаку земельного участка относятся его границы. Вертикальные нижние границы земельного участка устанавливаются в соответствии с законодательством о недропользовании, а вертикальные верхние границы использования воздушного пространства над земельным участком должны быть определены универсальной формулой «до тех пределов, которые необходимы для надлежащего использования земельного участка». Конкретизация данных пределов может быть постепенно выработана практикой в концепции 3D-кадастра с последующим закреплением в нормативных правовых актах.

Кроме того, ЗК РФ (ст. 6), равно как Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости», упоминает в качестве объекта земельных отношений часть земельного участка. Полагаем, что часть земельного участка не может являться предметом права собственности и соответственно сделок по отчуждению земельного участка, так как она не индивидуализирована и не имеет четких границ. В частности, согласно ст. 37 ЗК РФ, объектом договора купли-продажи может быть только земельный участок, прошедший государственный кадастровый учет, чего о части участка сказать нельзя.

Вместе с тем, Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» в п. 3 ст. 44 устанавливает правило о государственной регистрации договора аренды части земельного участка, учтенной в ЕГРН, или одновременно с государственным кадастровым учетом такой части. Пункт 4 ст. 44 указанного Федерального закона закрепляет аналогичную норму об обязательной государственной регистрации сервитута в отношении части земельного участка, учтенной в ЕГРН, или одновременно с государственным кадастровым учетом такой части.

Пункт 2 ст. 63 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» также упоминает о возможности ипотеки части земельного участка².

Из анализа указанных правовых норм специалисты в области права делают вывод, что часть земельного участка может быть объектом гражданско-правовых, в частности, арендных [11, с. 31], а

¹ Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11.

² Об ипотеке (залоге недвижимости): Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ (ред. от 20.10.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

также залоговых отношений, отношений по установлению сервитута [17, с. 11]. Подобную позицию разделяет и судебная практика.

Но в земельном законодательстве отсутствует определение части земельного участка, что является одним из его недостатков. Н. Мельников отмечает: «В то время как в законодательстве понятие и режим частей земельных участков остаются практически неурегулированными, в правоприменительной практике части земельных участков активно вовлекаются в гражданский оборот. Такой правовой пробел представляется недопустимым и требует скорейшего устранения» [12, с. 53].

А.Л. Бажайкин, В.Н. Черняев под частью земельного участка подразумевают «... технически (с помощью кадастровых работ) и юридически (с помощью внесения записи в Единый государственный реестр недвижимости) сформированные части земельных участков, вовлеченные в гражданско-правовой оборот в первую очередь для целей реализации вещных (сервитутных и иных) договорных обязательственных (арендных и иных) отношений, наличие которых продекларировано под. 3 п. 1 ст. 6 Земельного кодекса РФ». [2, с. 240–242]. Данное определение содержит некоторую тавтологию (повторение слова «части»).

На основании изложенного, предлагаем включить в п. 3 ст. 6 ЗК РФ легальную дефиницию части земельного участка как сформированной и индивидуализированной технически и юридически в соответствии с требованиями законодательства составляющей целого земельного участка.

Думается, что проблемы определения понятия и признаков земельного участка, его принадлежностей и части земельного участка по-прежнему будут выступать предметом оживленной дискуссии в юридической доктрине, и это поможет сформулировать оптимальные предложения в данной сфере в целях дальнейшего совершенствования земельного и гражданского законодательства.

Список использованной литературы:

1. Алексеев В.А. Новое в законодательстве о недвижимых вещах: критический комментарий. *Закон*. 2022;(4) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Бажайкин Л.А., Черняев В.Н. Земельный участок и его составные части. *Правоведение*. 2020;3(2):240–242.
3. Бар фон К. Для чего нужно понятие земельного участка (Grundstück) и что это такое? О сложностях установления содержания понятия «вещь» в европейском вещном праве. *Вестник гражданского права*. 2018;(5):113–138.
4. Бевзенко Р.С. Принцип единства судьбы прав на земельный участок и на строения на нем. *Вестник гражданского права*. 2020;(2):60–123.
5. Германов А.В. Земельный участок в системе вещных прав: монография. М.: Статут; 2011.
6. Дзьоник В.Р., Савчик К.В. Концепция единого объекта недвижимости и ее развитие в нормах российского права. *Журнал правовых и экономических исследований*. 2021;(2):68–71.
7. Елисеева И.А. Земельный участок как объект гражданского оборота: понятие и признаки. *Бизнес в законе*. 2010;(2):60–64.
8. Ермоленко К.И., Пупышев М.А., Малахов А.В. Целесообразность введения в России концепции единого объекта недвижимости. *Евразийский юридический журнал*. 2022;175(12):159–161.
9. Жаркова О.А. Лента Мебиуса российского законодательства. *Закон*. 2021;(11):29–40.
10. Ильин Н.Л. Концепция «единого объекта недвижимости» в гражданском праве России и зарубежных стран. *Хозяйство и право*. 2020;527(12):57–63.
11. Лобачев Д.С. Части земельных участков как объект земельных правоотношений. *Аграрное и земельное право*. 2020;192(12):31–33.

References:

1. Alekseev V.A. [New in the legislation on immovable things: a critical comment]. *Law*. 2022;(4) // Access from the SPS "ConsultantPlus". (In Russ.)
2. Bazhaikin L.A., Chernyaev V.N. [The land plot and its components]. *Law studies*. 2020;3(2):240–242. (In Russ.)
3. Bar von K. [What is the concept of a land plot (Grundstück) for and what is it? On the difficulties of establishing the content of the concept of "thing" in European property law]. *Bulletin of Civil Law*. 2018;(5):113–138. (In Russ.)
4. Bevzenko R.S. [The principle of unity of fate of rights to land and buildings on it]. *Bulletin of Civil Law*. 2020;(2):60–123. (In Russ.)
5. Germanov A.V. [The land plot in the system of property rights]. M.: Statute; 2011. (In Russ.)
6. Dzionik V.R., Savchik K.V. [The concept of a single real estate object and its development in the norms of Russian law]. *Journal of Legal and Economic Research*. 2021;(2):68–71. (In Russ.)
7. Eliseeva I.A. [Land plot as an object of civil turnover: concept and signs]. *Business in law*. 2010;(2):60–64. (In Russ.)
8. Ermolenko K.I., Pupyshev M.A., Malakhov A.V. [The expediency of introducing the concept of a single real estate object in Russia]. *Eurasian Law Journal*. 2022;175(12):159–161. (In Russ.)
9. Zharkova O.A. [The Mobius strip of Russian legislation]. *Law*. 2021;(11):29–40. (In Russ.)
10. Ilyin N.L. [The concept of a "single real estate object" in the civil law of Russia and foreign countries]. *Economy and law*. 2020;527(12):57–63. (In Russ.)
11. Lobachev D.S. [Parts of land plots as an object of land legal relations]. *Agrarian and land law*. 2020;192(12):31–33. (In Russ.)

12. Мельников Н. Виды частей земельных участков, их правовой режим и оборотоспособность. *Хозяйство и право*. 2018;(8):42–53.
13. Нарышева Н.Г. Земельный участок как объект земельных правоотношений. *Закон*. 2021;(11):22–28.
14. Османов О.А. О понятии и видах недвижимого имущества в свете реформирования гражданского законодательства Российской Федерации. *Юридический вестник ДГУ*. 2022;41(1):79–83.
15. Семенова Е.Г. Применение юридических конструкций взаимосвязи объектов в рамках концепции единого объекта недвижимости. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки*. 2020;6(3):402–408.
16. Стародумова С.Ю. Понятие недвижимости в гражданском праве. *Юридический мир*. 2015;(5):42–45.
17. Тоточенко Д.А. Земельный участок и часть земельного участка как объекты гражданско-правовой защиты в суде. *Имущественные отношения в РФ*. 2016;178(7):6–7.
18. Третьякова Д.В. 3D-кадастр и концепция единого объекта недвижимости. *Вестник гражданского права*. 2019;(3):53–95.
12. Melnikov N. [Types of parts of land plots, their legal regime and turnover]. *Economy and law*. 2018;(8):42–53. (In Russ.)
13. Narysheva N.G. [Land plot as an object of land legal relations]. *Law*. 2021;(11):22–28. (In Russ.)
14. Osmanov O.A. [On the concept and types of real estate in the light of the reform of the civil legislation of the Russian Federation]. *The Legal Bulletin of the DSU*. 2022;41(1):79–83. (In Russ.)
15. Semenova E.G. [Application of legal constructions of the interconnection of objects within the framework of the concept of a single real estate object]. *Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences*. 2020;6(3):402–408. (In Russ.)
16. Starodumova S.Y. [The concept of real estate in civil law]. *The Legal World*. 2015;(5):42–45. (In Russ.)
17. Totochenko D.A. [A land plot and a part of a land plot as objects of civil protection in court]. *Property relations in the Russian Federation*. 2016;178(7):6–7. (In Russ.)
18. Tretyakova D.V. [3D cadastre and the concept of a single real estate object]. *Bulletin of Civil Law*. 2019;(3):53–95. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елисева Инга Александровна
кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный университет»
ORCID: 0000-0002-6092-4489

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Inga A. Eliseeva
Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Civil Law
of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: 0000-0002-6092-4489

ИНТЕРАКТИВНАЯ МУЛЬТИМЕДИЙНАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ КАК ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС – ОБЪЕКТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

Потапенко С.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Потапенко С.В. Интерактивная мультимедийная презентация как цифровой образовательный ресурс – объект интеллектуальных прав. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(1):81–88. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-81-88>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Потапенко Сергей Викторович, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета им. А.А. Хмырова ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 262-46-50

E-mail: potapenkosv@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 08.02.2024

Статья принята к печати: 06.03.2024

Дата публикации: 30.03.2024

Аннотация: Цель статьи заключается в определении правового статуса интерактивной мультимедийной презентации как мультимедийного продукта, нематериального актива – объекта авторского права, а также объекта интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Исходя из поставленной цели, задачей исследования является выявление особенностей и специфики интерактивной мультимедийной презентации как результата интеллектуальной деятельности и объекта интеллектуальных прав.

Методологической основой данного исследования являются диалектический метод научного познания, формально-юридический, сравнительно-правовой, а также метод системного анализа, позволяющие выявить особенности и специфику интерактивной мультимедийной презентации как результата интеллектуальной деятельности и объекта интеллектуальных прав.

Выводы: Цифровизация высшего образования повлекла за собой необходимость внедрения в учебный процесс интерактивных мультимедийных презентаций как цифровых образовательных ресурсов – объектов интеллектуальных прав. Интерактивная мультимедийная презентация прямо не указана в п.1 ст. 1259 ГК РФ как объект авторского права, однако, с одной стороны, перечень таких объектов, содержащийся в названной норме, не является исчерпывающим, а с другой стороны, такая презентация представляет собой мультимедийный продукт, упоминаемый в ст. 1240 ГК РФ. Касательно соотношения терминов «интеллектуальные права» и «интеллектуальная собственность», обосновывается вывод о том, что интеллектуальная собственность является объектом интеллектуальных прав.

Ключевые слова: авторское право, интеллектуальные права, результаты интеллектуальной деятельности, объект интеллектуальных прав, интерактивная мультимедийная презентация, цифровой образовательный ресурс, сложный объект авторского права, мультимедийный продукт.

INTERACTIVE MULTIMEDIA PRESENTATION AS A DIGITAL EDUCATIONAL RESOURCE – AN OBJECT OF INTELLECTUAL RIGHTS

Sergey V. Potapenko

FGBOU VO «Kuban State University»
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Potapenko S.V. Interactive multimedia presentation as a digital educational resource – an object of intellectual rights. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(1):81–88. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-81-88>

CONTACT INFORMATION:

Sergey V. Potapenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov of the FGBOU VO «Kuban State University»

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918) 262-46-50

E-mail: potapenkosv@yandex.ru

Conflict of interest. The author claims that there is no conflict of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own funds).

The article was submitted to the editorial office: 08.02.2024

The article has been accepted for publication: 06.03.2024

Date of publication: 30.03.2024

Annotation: The purpose of the article is to determine the legal status of an interactive multimedia presentation as a multimedia product, an intangible asset – an object of copyright, as well as an object of intellectual property rights to the results of intellectual activity.

Based on this goal, the purpose of the study is to identify the features and specifics of interactive multimedia presentation as a result of intellectual activity and an object of intellectual rights.

The methodological basis of this research is the dialectical method of scientific cognition, formal legal, comparative legal, as well as the method of system analysis, which allows to identify the features and specifics of interactive multimedia presentation as a result of intellectual activity and the object of intellectual rights.

Conclusions: Digitalization of higher education has led to the need to introduce interactive multimedia presentations into the educational process as digital educational resources – objects of intellectual rights. An interactive multimedia presentation is not explicitly specified in paragraph 1 of Article 1259 of the Civil Code of the Russian Federation as an object of copyright, however, on the one hand, the list of such objects contained in this norm is not exhaustive, and on the other hand, such a presentation is a multimedia product mentioned in Article 1240 of the Civil Code of the Russian Federation. As for the correlation of the terms «intellectual rights» and «intellectual property», the conclusion is substantiated that intellectual property is an object of intellectual rights.

Keywords: copyright, intellectual rights, results of intellectual activity, object of intellectual rights, interactive multimedia presentation, digital educational resource, complex object of copyright, multimedia product.

Введение

В современном мире цифровизация проникает во все сферы жизни общества, в том числе и в сферу высшего образования. Одним из результатов этого процесса является внедрение в учебный процесс интерактивных мультимедийных презентаций. Однако правовой статус таких презентаций как объектов интеллектуальных прав до сих пор четко не определен в российском законодательстве.

Целью данной статьи является определение правового статуса интерактивной мультимедийной презентации как мультимедийного продукта, нематериального актива – объекта авторского права, а также объекта интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности.

В целом, исследование направлено на устранение существующей неопределенности в вопросе правового статуса интерактивных мультимедийных презентаций и призвано способствовать совершенствованию правового регулирования в данной сфере.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составляют диалектический метод научного познания, формально-юридический, сравнительно-правовой методы, а также метод системного анализа. Их применение позволит всесторонне рассмотреть изучаемую проблему и сделать обоснованные выводы.

Результаты исследования

1) Интерактивная мультимедийная презентация – это сложный объект интеллектуальных прав, представляющий собой совокупность структурированного учебного материала в виде текста, изображений, аудио- и видеофрагментов, анимации и других визуальных элементов.

2) При создании интерактивной мультимедийной презентации реализуются творческие способности автора, отражается его индивидуальность. Использование такой презентации или ее компонентов возможно только при соблюдении интеллектуальных прав ее создателей и иных правообладателей.

3) Вопрос об авторских правах на презентацию, созданную сотрудником образовательного или научно-исследовательского учреждения, может быть неоднозначным и зависит от условий ее создания. Если презентация подготовлена преподавателем самостоятельно и первично размещена, например, на сторонних интернет-ресурсах с указанием его авторства, то это подтверждает его право на презентацию. Если же презентация создана по договору с вузом или НИИ, то они становятся правообладателями исключительного права на нее.

4) С развитием цифровых технологий многие результаты интеллектуальной деятельности, в том числе и презентации, подверглись значительным изменениям, практически полностью переместившись в информационную среду. Интерактивная мультимедийная презентация как мультимедийный продукт функционирует в виртуальной среде на основе программ для ЭВМ и выражена в электронной (цифровой) форме.

5) Создателю интерактивной мультимедийной презентации не требуется какой-либо регистрации авторского права, поскольку презентация как объект авторского права охраняется законом уже в силу факта ее создания как форма такого объекта.

6) Важным элементом интерактивной мультимедийной презентации является ее интерактивная составляющая как инструмент наглядного представления информации, главной отличительной особенностью которого является возможность активного взаимодействия аудитории с демонстрирующимся на слайдах материалом под руководством и с комментариями лектора.

Научная дискуссия

Для правильного определения правового статуса интерактивной мультимедийной презентации определяющее значение имеет соотношение терминов интеллектуальные права и интеллектуальная собственность.

В п. 1 ст. 2 ГК РФ прямо указано, что гражданское законодательство определяет правовое положение участников гражданского оборота, основания возникновения и порядок осуществления прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальных прав).

При этом в приведенной норме интеллектуальная собственность не упоминается как объект гражданско-правового регулирования, да и вообще не раскрывается в действующих российских правовых актах.

К тому же с 1 января 2008 г. в четвертой части ГК РФ, «российское законодательство определенно отказалось от использования понятия и термина *интеллектуальная собственность* как условного, собирательного обозначения субъективных гражданских прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации» [6, с. 18].

В соответствии с п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹ (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 10) термином «интеллектуальная собственность» охватываются

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

только сами результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, но не права на них (ст. 1225 ГК РФ).

Интеллектуальные права в первую очередь включают в себя исключительные полномочия имущественного характера по использованию и распоряжению результатами интеллектуальной деятельности. К ним относится право разрешать или запрещать другим лицам использование таких результатов, а также отчуждать (уступать) права на них.

Однако интеллектуальные права не сводятся только к имущественным. В их состав включают неотчуждаемые неимущественные права, связанные с личностью автора или иного правообладателя. К примеру, право авторства, право на имя, право на неприкосновенность произведения.

Наконец, существуют интеллектуальные права переходного характера, которые при определенных условиях могут передаваться другим лицам или ограничиваться в общественных интересах.

Первоначально интеллектуальные права на результаты интеллектуальной деятельности всегда принадлежат автору произведения. Например, создателю интерактивной мультимедийной презентации не требуется какой-либо регистрации авторского права, поскольку презентация как объект авторского права охраняется законом уже в силу факта ее создания как форма такого объекта. В юридической литературе обоснованно обращается внимание на то, что «нормами авторского права устанавливается режим правовой охраны внешнего выражения произведения, что предполагает его охрану именно в том виде, в котором данный результат творческого труда был объективирован»¹.

Как указано в п. 109 Постановления Пленума ВС РФ № 10, «ГК РФ предусматривает возникновение презумпции авторства в случае, если лицо указано в качестве автора на экземпляре произведения или в Реестре программ для ЭВМ или баз данных. Иные источники, подтверждающие презумпцию авторства, ГК РФ не установлены».

Согласно ст. 1226 ГК РФ, носящей название «Интеллектуальные права», на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации) признаются интеллектуальные права, которые включают исключительное право, являющееся имущественным правом, а в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, также личные неимущественные права и иные права (право следования, право доступа и другие).

Наряду с этим, п. 1 ст. 1225 ГК РФ закреплено, что произведения науки, литературы и искусства являются результатами интеллектуальной деятельности и приравненными к ним средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана (интеллектуальной собственностью).

Нельзя не отметить, что в нормативном определении как интеллектуальных прав, так и интеллектуальной собственности определяющим признаком указаны результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Однако же, если интеллектуальные права – это права на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, то интеллектуальная собственность – это сами результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана.

Таким образом получается, что интеллектуальная собственность является объектом интеллектуальных прав. Поэтому мы поддерживаем теорию интеллектуальных прав.

Интерактивную мультимедийную презентацию – цифровой образовательный ресурс для обучения юристов можно определить как интерактивный мультимедийный продукт, представляющий собой совокупность структурированного учебного материала в виде текста, изображений, аудио- и видеофрагментов, анимации и других визуальных элементов.

Данный продукт выполняет образовательную функцию, направлен на передачу обучающимся комплекса знаний и навыков в сфере юриспруденции. С точки зрения гражданского права мультимедийная презентация представляет собой сложный объект интеллектуальных прав, включающий совокупность охраняемых результатов интеллектуальной деятельности.

Использование такой презентации или ее компонентов возможно только при соблюдении исключительных прав ее создателей и иных правообладателей. Обучающиеся могут использовать мультимедийную презентацию исключительно в личных целях в рамках образовательного процесса.

¹ Новоселова Л.А. Право интеллектуальной собственности: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2023. 335 с.

Как следует из п. 5 ст. 1259 ГК РФ и п. 80 Постановления Пленума ВС РФ № 10, методики обучения не входят в перечень охраняемых авторским правом объектов. Однако, облеченная в конкретную материальную форму, например, в интерактивную мультимедийную презентацию как цифровой образовательный ресурс, методика трансформируется в конкретный объект авторского права – результат интеллектуальной деятельности (ст. 1225 ГК РФ). Кроме того, интерактивная мультимедийная презентация, в силу ст. 1226 ГК РФ признается объектом интеллектуальных прав.

В литературе справедливо отмечается, что «применение цифровой мультимедиа и новых информационных технологий для создания веб-совместимых электронных интерактивных ... презентаций является мощным вспомогательным средством обучения», а «интерактивная презентация является примером внедрения современных методов компьютерной графики для облегчения усвоения учебного материала, углубления знаний учащихся по теме, повышения их познавательного интереса и практического применения полученных знаний»¹.

В процессе создания интерактивной мультимедийной презентации происходит синтез отдельных компонентов в единое целое на основе замысла и воплощения авторов презентации. Этот синтез придает презентации качественно новые, эмерджентные свойства.

Учебная интерактивная мультимедийная презентация воспринимается аудиторией как целостный продукт со своей неповторимой эстетикой и выразительностью. Его нельзя разложить на составляющие, не разрушив это единство.

Такая презентация является созданным творческим трудом особым типом сложных объектов авторского права, обладающих рядом уникальных характеристик.

Авторское право представляет собой совокупность юридических норм, регулирующих общественные отношения, связанные с творческим созданием объектов нематериального (духовного) мира, имеющих эстетическую ценность, отражающих уникальный художественный мир автора, а также регулирующих имущественный оборот исключительных прав на такие объекты².

М.А. Федотов – автор Концепта общей теории авторства с полным основанием «ставит в центр всей экосистемы интеллектуальной собственности именно *автора* – субъекта права, творца, а не результат его интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, то есть объект права, как это фактически делает концепт права интеллектуальной собственности. Смена «точки отсчета» неминуемо меняет всю систему логических связей внутри данной сферы, формируя несколько иную «картину интеллектуального мира» [8, с. 38]. Мы такой подход поддерживаем, поскольку при создании интерактивной мультимедийной презентации должны реализовываться творческие способности автора, в них должна отражаться его авторская личность.

Интеллектуальные права на произведения науки, литературы и искусства являются авторскими правами (пункт 1 статьи 1255 ГК РФ). В.И. Серебровский определял произведение «как совокупность идей, мыслей и образов, получивших в результате творческой деятельности автора свое выражение в доступной для восприятия человеческими чувствами конкретной форме, допускающей возможность воспроизведения» [7, с. 32].

Перечень объектов авторских прав приведен в п. 1 ст. 1259 этого же кодекса. Среди них вполне применимые к интерактивным мультимедийным презентациям в качестве составляющих их элементов относятся аудиовизуальные произведения, произведения дизайнера и другие произведения, а также программы для ЭВМ, являющиеся неотъемлемой частью любой интерактивной мультимедийной презентации.

Согласно разъяснениям, изложенным в п. 80 Постановления Пленума ВС РФ № 10, перечень объектов авторских прав, приведенный в статье 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации, не является исчерпывающим.

С учетом этого обстоятельства, а также в силу того, что интерактивная мультимедийная презентация как результат интеллектуальной деятельности, созданный в результате творческой деятельности ее авторов, выраженной в объективной форме, может быть отнесена к произведениям науки, представляющим собой мультимедийный продукт, упоминаемый в ст. 1240 ГК РФ, она является объектом авторских прав, на нее распространяется режим авторско-правовой охраны.

¹ Айзман Р.И., Новикова Н.О. Методика обучения экономике: финансовая грамотность и безопасность: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2023. С. 103–104.

² Новоселова Л.А. Право интеллектуальной собственности: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2023. 335 с.

Интерактивная мультимедийная презентация – это результат творческого труда ее создателя, сложный [1, с. 47–57] мультимедийный продукт, объект интеллектуальных прав, интегрирующий в себе несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности.

С учетом того, что в переводе с латинского Praesentatio – это представление чего-либо нового, то интерактивная мультимедийная презентация – это также представление новой актуальной информации с использованием интерактивных мультимедийных технологий¹.

В российском законодательстве мультимедийные произведения отнесены к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта (п. 1 ст. 1240 ГК РФ), поэтому интерактивная мультимедийная презентация представляет собой сложный объект интеллектуальных прав.

Автор концепции интеллектуальных прав В.А. Дозорцев считал, что сложное произведение включает в себя множество разнородных объектов; существует в целом, и без любого из своих составляющих не существует; хотя составляющие сложного объекта могут использоваться отдельно [2, с. 144–178].

При этом, как обоснованно отмечает Ю.А. Копылов, «охраняемые результаты интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта могут быть как специально созданными для включения в сложный объект, так и создаваться изначально без цели такого включения» [3].

В нашем понимании мультимедийный продукт – это объект авторского права. Как пишет Ф.В. Шарипов, «мультимедиа – это представление объектов и процессов не традиционным текстовым описанием, а с помощью фото, звука, видео, графики, анимации и т. д. (мульти – много, медиа – средства)»².

По мнению Е.С. Котенко (Гринь), структура мультимедийного продукта должна включать в себя не менее двух охраняемых объектов «и обязательным объектом мультимедийного продукта является программа для ЭВМ. Помимо указанных признаков, также важными являются виртуальность и интерактивность» [5].

В Обзоре Суда по интеллектуальным правам от 2 июня 2023 г. предложен подход, в соответствии с которым мультимедийный продукт, как и любые другие сложные объекты, должен быть единым целым и состоять из нескольких результатов интеллектуальной деятельности, а также обладать специальными признаками – цифровая форма выражения и возможность интерактивного взаимодействия пользователя³.

Интерактивная мультимедийная презентация как один из видов презентаций – мультимедийный продукт способна значительно усилить значение слов лектора, позволяет с помощью изображений, схем, таблиц структурировать и визуализировать правовую информацию для более эффективного восприятия студентами. Дизайн интерактивной презентации – один из ее ключевых элементов. Он должен быть привлекательным и интересным для пользователя. Аудиосопровождение должно быть уместным и качественным. Использование видеоролика в презентации для ее оживления должно быть оправдано с точки зрения ее содержания.

В научной литературе также обоснованно отмечается, что «с развитием цифровых технологий многие результаты интеллектуальной деятельности подверглись значительным изменениям, модификации, практически полностью переместившись в информационную среду, утрачивают материальный носитель, в котором выражаются создаваемые результаты интеллектуальной деятельности, теряя свою традиционную форму»⁴. Так, и прежняя презентация на материальном носителе переместилась в цифровой формат и стала интерактивной и мультимедийной.

Важным элементом названной презентации является ее интерактивная составляющая как инструмент наглядного представления информации, главной отличительной особенностью которого является возможность активного взаимодействия аудитории с демонстрирующимся на слайдах материалом под руководством и с комментариями лектора. При этом, как правило, преподаватель

¹ Дуарте Н. Slide. Ology. Искусство создания выдающихся презентаций. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 288 с.

² Шарипов Ф.В. Педагогика и психология высшей школы: учебное пособие. М.: Логос, 2012. С. 129.

³ Протокол № 30 Заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 2 июня 2023 года. Журнал суда по интеллектуальным правам. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ipcmagazine.ru/official-cronicle/protocol-30> (дата обращения: 26.01.2024).

⁴ Щербак Н.В. Право интеллектуальной собственности: общее учение. Авторское право и смежные права: учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2022. С. 5.

готовит образовательные презентации, используя свой профессиональный опыт, выстроив систему подачи информации, написав авторские тексты, с иллюстрациями, разместив их на слайдах презентации, сопровождая в ходе лекции слайды презентации собственными комментариями.

Если презентации создаются для простого просмотра, их взаимодействие со зрителем и слушателем «ограничивается возможностью запуска, приостановки и остановки воспроизведения, а также ускоренной прокрутки» [4]. В отличие от этого мультимедийная презентация как мультимедийный продукт функционирует как виртуальный на основе программ для ЭВМ, выражена в электронной (цифровой) форме.

Что касается охраноспособности авторских прав на интерактивную мультимедийную презентацию, то по смыслу ст. ст. 1228, 1257 и 1259 ГК РФ в их взаимосвязи таковым является только тот результат, который создан творческим трудом¹.

Неоднозначным является авторское право на презентацию сотрудника образовательного или научно-исследовательского учреждения, где в трудовых договорах и в локальных нормативных правовых актах устанавливаются условия о том, что правообладателями исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, созданные преподавателями, научными сотрудниками, автоматически являются соответствующие учреждения. В литературе высказаны мнения о некорректности таких требований [9].

Хотя подписать трудовой договор с такими условиями – это право, а не обязанность преподавателя, особенно в случае, когда презентация подготовлена преподавателем самостоятельно, по личной инициативе и первично размещена на сторонних для образовательного учреждения ресурсах с указанием авторского права преподавателя – автора презентации. Именно последнее обстоятельство является юридически значимым фактом для подтверждения права на презентацию, обусловленным требованиями п. п. 1 ст. 1300 ГК РФ, согласно которой информацией об авторском праве признается любая информация, которая идентифицирует произведение, автора или иного правообладателя, либо информация об условиях использования произведения, которая содержится на оригинале или экземпляре произведения, приложена к нему или появляется в связи с сообщением в эфир или по кабелю либо доведением такого произведения до всеобщего сведения, а также любые цифры и коды, в которых содержится такая информация.

Если же презентация подготовлена преподавателем по договору с вузом или НИИ, то безусловно они становятся правообладателями исключительных прав на такую образовательную презентацию.

Список использованной литературы:

1. Брумштейн Ю. Анализ слайд-презентаций как объектов авторского права. *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права*. 2009;(8):47–57.
2. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации. *Сборник статей. Исследовательский центр частного права*. М.; 2003.
3. Копылов А.Ю. Проблемы квалификации сложных объектов интеллектуальных прав. *Журнал российского права*. 2021;25(6):75–90.
4. Котенко Е.С. Авторские права на мультимедийный продукт: монография. М.: Проспект; 2013.
5. Котенко Е.С. Мультимедийный продукт как объект авторских прав. *Актуальные проблемы российского права*. 2023;18(9(154)):112–118.
6. Медведев Д.А. Кодификация российского частного права / В.В. Витрянский, С.Ю. Головина, Б.М. Гонгало и др.; под ред. Д.А. Медведева. М.: Статут; 2008.
7. Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права. М.: Издательство Академии наук СССР; 1956.

References:

1. Brumstein Yu. [Analysis of slide presentations as objects of copyright]. *Intellectual property. Copyright and related rights*. 2009;(8):47–57. (In Russ.)]
2. Dozortsev V.A. [Intellectual property rights. The concept. System. Tasks of codification]. *Collection of articles. Research Center of Private Law*. М.; 2003. (In Russ.)]
3. Kopylov A.Yu. [Problems of qualification of complex objects of intellectual rights]. *Journal of Russian Law*. 2021;25(6):75–90. (In Russ.)]
4. Kotenko E.S. [Copyright on a multimedia product]. М.: Prospect; 2013. (In Russ.)]
5. Kotenko E.S. [Multimedia product as an object of copyright]. *Current problems of Russian law*. 2023;18(9(154)):112–118. (In Russ.)]
6. Medvedev D.A. [Codification of Russian private law] / V.V. Vitryansky, S.Y. Golovina, B.M. Gongalo, etc.; edited by D.A. Medvedev. М.: Statute; 2008. (In Russ.)]
7. Serebrovsky V.I. [Issues of Soviet copyright]. М.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1956. (In Russ.)]

¹ См.: Постановление Суда по интеллектуальным правам от 07.04.2023 № С01-505/2023 по делу № А13-14041/2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

8. Федотов М.А. Введение в концепт общей теории авторства. *Труды по интеллектуальной собственности*. 2023;46(3):38–75.

9. Шахназаров Б.А. Правовая охрана интеллектуальной собственности представителей профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников. *Актуальные проблемы российского права*. 2023;18(10(155)):130–142.

8. Fedotov M.A. [Introduction to the concept of the general theory of authorship]. *Works on intellectual property*. 2023;46(3):38–75. (In Russ.)]

9. Shakhnazarov B.A. [Legal protection of intellectual property of representatives of the teaching staff and researchers]. *Current problems of Russian law*. 2023;18(10(155)):130–142. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Потапенко Сергей Викторович

доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета им. А.А. Хмырова ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0003-3013-5072

Author ID: 57200339768

Researcher ID: AAB-5391-2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Potapenko

Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov of the FGBOU VO «Kuban State University»

ORCID: 0000-0003-3013-5072

Author ID: 57200339768

Researcher ID: AAB-5391-2021

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-89-99>

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЦИФРОВЫЕ (ЭЛЕКТРОННЫЕ) ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Гладышева О.В.*, Семенцов В.А., Лошкобанова Я.В.
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Гладышева О.В., Семенцов В.А., Лошкобанова Я.В. Искусственный интеллект и цифровые (электронные) доказательства в уголовном судопроизводстве. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(1):89–99. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-89-99>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Гладышева Ольга Владимировна*, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, зав. кафедрой уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040
Тел.: +7 (861) 268-59-64
E-mail: volkolup@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 09.02.2024

Статья принята к печати: 07.03.2024

Дата публикации: 30.03.2024

Аннотация: Современное развитие цифровых технологий происходит революционным путем. С каждым днем множатся их виды, способы и направления правового применения. В этой связи требуют своего развития многие ранее стабильные правовые сферы [2, 15, 17].

Уголовное судопроизводство становится все более «оцифрованным», поскольку применение цифровых технологий обеспечивает эффективное и своеобразное развитие всех его элементов: расширяет электронную коммуникацию в виде применения цифровой связи (видеоконференции и иные технологии удаленного присутствия), при подаче электронных заявлений о преступлении, направлении жалоб в суд посредством сети Интернет, а также получении цифровых доказательств и их исследовании.

Больше всего вопросов в науке уголовного процесса вызывает два аспекта цифровизации – внедрение искусственного интеллекта, его пределы и возможности цифрового доказывания. Сфера искусственного интеллекта особенно остро дискутируется учеными [18]. Причина понятна: технология искусственного интеллекта открывает пока еще непознанные возможности для следователя, суда, иных участников уголовного судопроизводства. Однако, нам представляется, что такого рода дискуссии имеют по большей части виртуальный характер, направлены на накопление информации и пока что большого практического значения не имеют. Хотя мы разделяем стремление ученых-процессуалистов дать такие результаты, которые позволят в будущем практически эффективно и в соответствии с назначением уголовного судопроизводства использовать технологию искусственного интеллекта.

Наше внимание обращено к использованию электронных доказательств, которые имеют самое непосредственное отношение к искусственному интеллекту и тому воздействию, которое оказывается ими на процедуру доказывания. Законодатель предусмотрел ряд положений, направленных на регулирование фактических данных, имеющих цифровой характер. Однако, как

представляется, этих мер недостаточно, чтобы использование электронных доказательств стало эффективным. Необходимо чтобы и порядок процессуального обращения с ними приобрел необходимый, в том числе системный, характер.

Отсутствие установленной процедуры собирания, исследования, процессуального закрепления и оценки электронных доказательств создает трудно преодолимые препятствия, а соответственно вызывает нежелание правоприменителя использовать многообещающие информационные ресурсы в своей практической деятельности, что создает негативный фон и в отношении искусственного интеллекта.

Цель исследования – обоснование предложений по совершенствованию процедуры уголовно-процессуального доказывания в досудебном производстве с использованием электронных доказательств и определение перспектив развития искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве.

Задачи исследования – теоретический анализ понятия «электронное доказательство», синтетическое представление понятия доказательства, выявление особых характеристик электронных доказательств, воздействующих на порядок уголовно-процессуального доказывания в досудебном производстве, постановка проблемы в сфере определения возможных путей совершенствования отдельных (наиболее значимых) элементов процесса доказывания в связи с использованием электронных доказательств и моделирование отдельных элементов уголовно-процессуального доказывания при использовании электронных доказательств.

Методы исследования: диалектический, теоретический анализ, синтез, гипотетический, обобщение, моделирование, социологический.

Результаты проведенного исследования – дано теоретическое определение важного для науки уголовного процесса понятия «электронное доказательство», сформулировано авторского предложения по направлениям оптимизации процесса доказывания в досудебном производстве с использованием электронных доказательств.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, досудебное производство, электронные доказательства, процесс доказывания, искусственный интеллект.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND DIGITAL (ELECTRONIC) PROOFS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Olga V. Gladysheva*, Vladimir A. Sementsov, Yana V. Loshkobanova
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Gladysheva O.V., Sementsov V.A., Loshkobanova Y.V. Digital (electronic) evidence and their impact on the criminal procedural form of proof. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(1):89–99. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-89-99>

CONTACT INFORMATION:

Olga V. Gladysheva*, Dr. of Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of Kuban, Head of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: volkolup@yandex.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 09.02.2024

The article has been accepted for publication: 07.03.2024

Date of publication: 30.03.2024

Annotation: The modern development of digital technologies is taking place in a revolutionary way. Their types, methods and spheres of legal application are multiplying every day. In this regard, many previously stable legal spheres require their development [2, с. 15, 17].

Criminal proceedings are becoming more and more "digitized". The use of digital technologies provides a peculiar development of all its elements: the sphere of electronic communication is expanding in the form of the use of digital communication (videoconferencing, other remote presence technologies), filing electronic statements about a crime, sending complaints to the court via the Internet, obtaining digital evidence and their research, etc.

The two aspects of digitalization that raise the most questions in the science of criminal procedure are the introduction of artificial intelligence, its limits and the possibilities of digital proof. The field of artificial intelligence is particularly acutely debated by scientists [18]. The reason is clear: artificial intelligence technology opens up as yet unknown opportunities for the investigator, the court, and other participants in criminal proceedings. However, it seems to us that such discussions are mostly virtual in nature, aimed at accumulating information and so far have little practical significance. Although we share the desire of procedural scientists in this field to produce results that will allow using artificial intelligence technology practically effectively and in accordance with the purpose of criminal proceedings in the future.

Our attention is drawn to the use of electronic evidence, which is most directly related to artificial intelligence and the impact that they have on the proof procedure. The legislator has provided for a number of provisions aimed at regulating factual data of a digital nature. However, these measures do not seem to be sufficient to make the use of electronic evidence effective. It is necessary that the order of procedural treatment with them acquire the necessary, including systemic, character.

The lack of an established procedure for the collection, research, procedural consolidation and evaluation of electronic evidence creates difficult obstacles, and consequently causes the reluctance of the law enforcement officer to use promising information resources in his practice, which, among other things, creates a negative background with regard to artificial intelligence.

The purpose of the study is to propose ways to improve the procedures of criminal procedural evidence in pre-trial proceedings using electronic evidence and prospects for the development of artificial intelligence in criminal proceedings.

The objectives of the research are a theoretical analysis of the concept of "electronic evidence"; a synthetic representation of the concept of evidence; identification of special characteristics of electronic evidence affecting the procedure of criminal procedural proof in pre-trial proceedings; formulation of a problem in the field of determining possible ways to improve individual (most significant) elements of the proof process in connection with the use of electronic evidence; modeling of individual elements of criminal procedural evidence when using electronic evidence.

Research methods: dialectical, theoretical analysis, synthesis, hypothetical, generalization, modeling, sociological.

The results of the conducted research are the theoretical definition of the concepts of "electronic evidence" important for the science of criminal procedure, the author's proposals on ways to optimize the proof process in pre-trial proceedings using electronic evidence.

Keywords: criminal proceedings, pre-trial proceedings, electronic evidence, proof process, artificial intelligence.

Введение

В современном отечественном и не только уголовном судопроизводстве по количеству исследований на первое место выходит тема искусственного интеллекта [8], которая волнует умы многих ученых в связи с теми возможностями, что открывает применение искусственного интеллекта перед участниками [4, с. 7]. Во многом эти перспективы пока что находятся в умозрительной, предположительной сфере, но их характер, безусловно, впечатляет. Однако также и заставляет критически относиться к определенным, прямо скажем, кардинальным изменениям, рекомендуемым учеными в сфере уголовного судопроизводства в свете возможностей искусственного интеллекта. Предлагается внедрение искусственного интеллекта в сферу апелляции и кассации [16, с. 191].

Есть позиция, которая, на наш взгляд, довольно реально позволяет решить проблему внедрения искусственного интеллекта, когда ставится и решается вопрос о предварительной проработке законодательного регулирования его использования. В литературе утверждается, что «распространение технологий искусственного интеллекта в обществе неотъемлемо связано с тем, что

чем больше люди используют искусственный интеллект, тем более вероятны разнообразные нарушения законов... Растущий уровень использования технологий искусственного интеллекта приводит к некоторым существенным проблемам в области законодательства... Соответственно, развитие искусственного интеллекта и его постоянно расширяющихся сфер применения требует изменений в правовом регулировании» [20, с. 377].

Мы солидарны со следующим мнением: «правовое обеспечение искусственного интеллекта должно развиваться последовательно (хотя и интенсивно), с учетом предварительного исследования всех рисков, которые возможно предположить на современном этапе развития технологий, и специфики использования искусственного интеллекта в различных сферах жизни. При этом существенно важно, необходимо обеспечить баланс между интересами общества и отдельных индивидов, в том числе безопасность и необходимость развития инноваций в интересах общества» [9, с. 105]. Есть основание сослаться на мнение и зарубежных ученых, также отстаивающих взвешенное отношение к высоким технологиям в правовых сферах [19].

Приведенные мнения представляются взвешенными и импонируют своей осторожностью в оценках современных возможностей использования указанных высокотехнологичных средств. На наш взгляд, переход к искусственному интеллекту в уголовном судопроизводстве является важной и полезной вехой в его развитии. Однако, поспешность в этом вопросе нам представляется неуместной, порождающей существенные риски для очень многих сфер уголовного судопроизводства: принципов, обеспечению прав участников, доказыванию и практически всех остальных. Полагаем, что искусственный интеллект приведет к революционной перестройке всего уголовного судопроизводства.

В связи с чем возникают закономерные вопросы: готово ли уголовное судопроизводство к такой революции? Есть ли сегодня объективные предпосылки к тому, чтобы осуществить этот переход? Каким он должен быть?

Для обеспечения перехода на технологию искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве представляется необходимым более четко и последовательно научиться работать с уже существующим, но пока еще плохо приживающимся, элементом цифровизации – электронными доказательствами. Этот источник фактической информации в настоящее время выглядит весьма перспективно, с практической точки зрения. Да и с позиции искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве возможно использование только оцифрованных доказательств. Соответственно электронные доказательства приобретают особо важное значение.

Считаем, что искусственный интеллект не способен самостоятельно собирать доказательства. Значит этим процессом по-прежнему будет руководить человек. Для выполнения назначения уголовного судопроизводства актуально, чтобы человек имел возможность получать достоверные доказательства, сохранять их и при этом на каждом этапе обеспечивать достоверность полученной информации.

Процесс доказывания, который должен быть адаптирован под соответствующие электронные технологии на всех своих официально и доктринально выделяемых этапах: сбор, исследование и оценка. Однако содержание законодательного регулирования порядка обращения с электронными сведениями, а также тренды, демонстрируемые в практической деятельности, убеждают в наличии проблем в этой сфере и острой потребности в их скорейшем разрешении [3, с. 94].

Методология исследования носит комплексный характер. В ее основе находится общенаучный диалектический метод, который позволяет раскрыть сложные коррелирующие связи между разными, по сути, элементами уголовного судопроизводства, установить их соответствие или противоречия, определить происхождение противоречий, их причины.

Метод теоретического анализа привел к получению обширного научного материала о признаках электронных доказательств, способах их получения, фиксации, процессуального закрепления, исследования и оценки.

Посредством синтеза получены релевантные в сопоставительном отношении группы понятий, объединяемых общими смысловыми связями в понятием «электронные доказательства», что позволяет выявить в их совокупности как общие, так и индивидуальные признаки, как сходства, так и отличия.

Методом обобщения были сформированы группы электронных доказательств, объединяемых общими признаками (сущностными и правовыми).

Гипотетический метод сделал возможным выдвижение и обоснование разумных предположений, касающихся основ развития искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве и смоделировать потенциально необходимые элементы для его практического использования.

Социологический метод (опрос) был необходимым для иллюстрации отношения практических работников и научных сотрудников к развитию искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве и степени их готовности оперировать этой технологией.

Результаты исследования

1. Доказывается тезис о революционном значении искусственного интеллекта и его влиянии на фундаментальные основы уголовного судопроизводства. Обосновывается необходимость взвешенного подхода к использованию искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве, основанного на глубокой теоретической проработке способов его внедрения и направлений использования. Отмечается неготовность к внедрению искусственного интеллекта во многих сферах уголовного судопроизводства: законодательной, организационной, технической, психологической и др.

2. Для использования искусственного интеллекта необходимо создание надежной научной базы, которая позволит законодателю проработать основополагающие принципы применения искусственного интеллекта, выработать общие критерии и частные правила, в первую очередь – правила доказывания.

3. Доказывание при использовании искусственного интеллекта переходит в электронную сферу, первым и основным элементом которого выступает электронное доказательство, которое в настоящее время с большим трудом «пробивает» себе дорогу. Отмечается отсутствие в современной отечественной и зарубежной науке уголовного процесса обоснованных и системных позиций, единообразно раскрывающих сущность электронного доказательства, выделяющих его обобщенные признаки, определяющих их свойства и соотношение с традиционными доказательствами.

Предлагается авторское определение понятия электронного доказательства и формулируются основные правила уголовно-процессуального доказывания с их использованием.

4. Обосновывается тезис о возможности классификации электронных доказательств: доказательства оцифрованные (приобретающие цифровую форму в ходе уголовно-процессуальной деятельности), доказательства электронные по своей природе (не существующие в иной, кроме цифровой формы). Высказывается гипотеза о принципиальных отличиях в подходах к использованию в уголовно-процессуальном доказывании электронных по природе доказательств.

Научная дискуссия

Отечественное уголовно-процессуальное доказывание представляет собой строго формализованную систему, содержание которого определяется познавательным, удостоверительным, контрольным и оценочным аспектами. Каждый из указанных аспектов имеет свою собственную совокупность четких правил. Эта система, не являясь безупречной, находится в поле постоянного научного поиска с весьма активным продвижением различных идей, авторы которых стремятся выразить свое отношение к оптимизации этого процесса, в том числе посредством развития идеи цифровизации [6].

Электронные доказательства, как уголовно-процессуальная категория, находят свое место в качестве объекта исследования во многих научных работах. Так, высказывается мнение, что в свете происходящих трансформаций электронные источники информации становятся основным источником процессуальных данных, в связи с чем разрабатываются пути оптимизации процессуальных способов их получения [11].

В ряду инновационных исследований мы считаем необходимым отметить концепцию электронных доказательств, авторы которой выдвигают тезис как о целесообразности сохранения в электронной форме цифровых данных, так и о фиксации традиционной аналоговой доказательственной информации «электронным способом, применяя компьютерные, аудио-, видеосредства фиксации» [5]. Иными словами, речь идет о полном переходе на цифровой формат доказательственной информации. И такой подход представляется оправданным, особенно в свете активного развития искусственного интеллекта, который может функционировать исключительно в формате цифрового доказывания.

Отметим также теорию электронного правосудия, одним из механизмов которого рассматривается электронная система определения оптимальной меры наказания [10, с. 13], которая не способна работать на аналоговых доказательствах.

Исследуя электронное доказательство ученые отмечают наличие в уголовном судопроизводстве категории, уже имеющей «прописку» в уголовно-процессуальном законе – «электронные носители информации» (ч. 4 ст. 81, ч. 1 и 4 ст. 81.1, ст. 164.1 УПК РФ), причем соотносят эту категорию именно с источниками фактических данных.

Высказывается позиция о том, что собирание данных, формирующихся в рамках цифровых источников, «должно происходить в автоматизированном режиме», для чего в уголовно-процессуальном законе должно применяться понятие «электронные доказательства». Отсутствие этого понятия, по мнению А.А. Дмитриевой и П.С. Пастухова, вынуждает следователей применять «ручной режим» при оформлении и процессуальном закреплении доказательств, имеющих цифровую форму [5, с. 277].

Имеющиеся научные позиции по вопросам определения электронных доказательств заслуживают самого пристального внимания. Думается, что это направление является наиболее перспективным, охватывающим самые острые фундаментальные и прикладные проблемы, стоящие перед современной наукой уголовного процесса. В то же время содержание высказываемых мнений позволяет оценивать их критически.

1. *Электронное доказательство и носители электронной информации.* Наша позиция по соотношению этих категорий отличается от имеющихся в науке уголовного процесса. При всем внешнем сходстве *источником электронной информации (фактических данных) не может выступать электронный носитель* (флеш-карта, оптический диск и др.), о котором упоминает законодатель в уголовно-процессуальном законе.

Носитель электронной информации только накапливает и сохраняет эту информацию. Исходником же или источником электронной информации может выступать следственное действие, в ходе которого даны показания (при допросе), зафиксированы на электронном носителе следы (например, осмотр места происшествия и его фотофиксация, аудио-, видеозапись) и др. Соответственно, источником доказательств, как аналоговых, так и электронных, выступают фактические данные, полученные в ходе производства следственных и иных процессуальных действий.

Можно отметить формирование исключительно электронного доказательства, которое не существует в аналоговом состоянии. Например, при совершении мошеннических действий с использованием интернет-ресурсов доказательства определенных фактов существуют только в цифровой форме. Для их получения следователю необходимо обращаться к электронным ресурсам. Но и в этих случаях источником данных будет не их электронный носитель, а те сайты, сервера, электронные базы откуда была получена соответствующая электронная информация посредством совершения необходимых процессуальных действий (процедуру которых, по нашему мнению, еще необходимо более детально разработать и определить в уголовно-процессуальном законе).

В результате есть основания для утверждения, что ни в каких ситуациях электронные носители не совпадают с понятием «источник фактических данных».

2. *Сущность электронного доказательства.* Электронное доказательство в уголовном судопроизводстве рассматривается учеными с диаметрально противоположных позиций. Отмечается нематериальный характер электронных сведений, что, по мнению О.В. Рябовой, обуславливает необходимость их буквального включения в существующую систему доказательств [14]. Есть и противоположная позиция, в соответствии с которой ч. 2 ст. 74 УПК РФ нуждается лишь в небольших корректировках для использования информационных продуктов [12].

Мы не можем согласиться ни с одной из этих точек зрения. Первая причина для дискуссии состоит в том, что любая информация имеет нематериальный характер. Поэтому электронные сведения, также, как и аналоговые, не материальны по своей природе. Соответственно, этот признак не может использоваться при определении электронных данных.

Вторая причина та, что по своей сути электронные фактические данные полностью не совпадают ни с одной из групп сведений, перечисленных в ч. 2 ст. 73 УПК РФ, и в силу этого обстоятельства нуждаются в специальном нормативном закреплении. Отличия присутствуют в части локализации (электронное хранилище), процессуального способа обнаружения, получения, закрепления и доступа (обязательно наличие технического считывающего устройства).

Например, законодатель предусматривает показания участника в качестве источника доказательств. Эти показания содержатся в протоколе следственного действия (аналоговая форма), а могут фиксироваться с помощью цифровой видеозаписи (электронное доказательство). Очевидной представляется разница процессуального обращения с двумя этими источниками фактических данных. При судебном разбирательстве аналоговый формат допускает оглашение, а цифровой – воспроизведение показаний. Информативность в каждом случае существенно отличается. Как и степень воздействия на суд, присяжных заседателей.

Результаты следственного действия «Контроль телефонных и иных переговоров» (ст. 186 УПК РФ) могут существовать только в формате электронного доказательства, если не считать сохраняющееся требование законодателя о создании их аналоговой копии (перенос аудиозаписи в протокол). И в этой ситуации мы убеждаемся в том, что электронное доказательство превосходит свой же аналоговый (протокольный) вариант по объему информативности, поскольку перенести всю информацию, которая может оказать свое воздействие на установление необходимых обстоятельств (включая детали разговоров, интонационные и смысловые выражения и др.) физически невозможно.

Цифровая среда все больше задействуется для совершения преступных действий. Например, мониторинг действий пользователя компьютера позволяет с необходимой точностью выявить мошеннические и иные его преступные действия (угрозы в адрес другого пользователя, распространение негативной информации в социальных сетях и др.). Фиксация этой информации также происходит в электронном виде посредством копирования – переноса выявленных данных на соответствующий электронный носитель.

Если учитывать последующую распечатку этой информации на бумажный носитель, то получается неоднократное копирование выявленной электронной информации (сервер – электронный носитель, электронный носитель – бумажная распечатка), что обуславливает необходимость уточнения и корректировки отношения законодателя к так называемым производным доказательствам. При этом нужно учитывать, что такой перенос электронных данных осуществляется, как правило, без утраты первоначальной информативности, что невозможно при использовании аналоговых фактических данных (при переносе аудиозаписи на бумажный носитель в протокол).

Вот почему основными отличительными признаками электронного доказательства считаем его большую информативность, обусловленную максимально возможным (на современном уровне развития технических средств) приближением передачи события к самому событию (допрос и его видеозапись, аудиозапись при контроле переговоров) и устойчивость первоначальной электронной информации к неоднократным переносам на различные носители (большой уровень сохранности¹).

Получается, что электронное доказательство – это прежде всего своеобразная информация, отличающаяся специфическими признаками (большая в сравнении с аналоговой информативность данных, устойчивость к искажениям, облегченный способ копирования, доступность только при наличии технических средств и др.), которые нужно учитывать в уголовном судопроизводстве, обладающем особыми правилами по установлению фактических обстоятельств, требованиями к свойствам фактических данных.

3. *Форма электронных доказательств.* Любое процессуальное доказательство должно иметь именно *процессуальную* форму, т. е. соответствовать установленному законом порядку получения, закрепления, сохранения и др. И в этом отношении особенно важным является сохранение концептуального подхода к определению доказательства как юридически пригодных (допустимых) информационных продуктов [13].

Электронный формат не является процессуальной формой и не свидетельствует о юридической пригодности фактических данных. Предлагаемые же учеными способы закрепления электронных данных не создают альтернативы процессуальной формы, а только исключают существующие, как отмечается, «ручные» режимы процессуального оформления. Но отказ от «ручного» режима должен иметь свою замену.

Мы согласны с тем, что фактические данные, полученные в электронном формате, не имеет смысла дублировать в письменной (аналоговой) форме. Требование переписывать в протокол следственного действия все данные, имеющиеся на аудио- или видеозаписи, представляется

¹ Что, конечно, не исключает рисков ее искажений по различным причинам, от чего не застрахована и аналоговая информация, например, путем изменения содержания или смысла ответов в протоколе допроса.

странным, тем более что именно они, как уже было отмечено ранее, являются более информативными, чем протокол.

В то же время не можем разделить позицию о том, что фактические данные должны находиться на указанных технических устройствах (электронных носителях) без уточнения их процессуальной формы. Именно процессуальная форма определяет формирование доказательства, отличает доказательство от иных фактических данных, обуславливает возможность использовать фактических данных именно как доказательства для обоснования принятия наиболее важных процессуальных решений и совершения действий.

Значит цифровой, как и аналоговый характер фактических данных не является причиной рассматривать их как доказательства при любой степени информативности.

Необходима *процессуальная* форма, включающая как источник этих данных, так и легитимный способ получения. В этой части наша позиция выражается в том, что необходимо предусмотреть формализованные критерии признания за цифровым форматом фактических данных статуса доказательств. Рассматриваем как нерациональное имеющееся в действующем уголовно-процессуальном законе требование об обязательном протоколировании следственного действия, с переносом в протокол цифровых сведений и приобщением средств фиксации цифровой информации. Мы считаем возможным предложить более простой способ.

Полагаем что отказ от протокола следственного действия является преждевременным. Но назрела потребность в изменении правил его составления при работе с цифровыми фактическими данными. На наш взгляд, достаточным является закрепление в протоколе факта получения цифровых данных, с указанием на их индивидуальные признаки. Так, фиксация видеозаписи следственного действия может иметь следующий вид. Следователь, применив видеозапись при том же допросе в протоколе отмечает место, время начала, окончания и длительность записи, разъяснение прав участников. Участники следственного действия в протоколе могут отразить свои замечания или возражения.

Обнаружение информации в цифровой среде также должно подкрепляться протоколом следственного действия (один из возможных вариантов – это протокол осмотра), в котором отмечается место обнаружения соответствующей информации (сервер, сайт, облачное хранилище, память конкретного устройства, иное), время, местонахождение устройства, при помощи которого выявились эти данные, способ и техническое устройство на которое были перенесены обнаруженные цифровые сведения и их метаданные. При необходимости могут использоваться данные из дневниковых записей компьютера, хронологически фиксирующего операции на конкретном устройстве.

В таком порядке уголовное судопроизводство без революционных потрясений имеет возможность перехода на цифровые источники данных, не исключая гарантии достоверности полученных сведений.

4. *Формализация фактических данных.* В настоящее время наличие формально установленных и имеющих ограничительный характер требований к доказательствам оценивается как деструктивная сторона доказывания [1], усложняющая и затрудняющая процесс установления существенных для уголовного дела обстоятельств. В этом есть смысл.

Приведем выдержку из материалов уголовного дела: «Согласно протоколу осмотра места происшествия от 4 октября 2021 г., осмотр был проведен оперуполномоченным в присутствии понятых, с применением средств видеофиксации, о чем имеются соответствующая запись в тексте протокола, с указанием, какое техническое средство было применено – встроенная фото-видеокамера мобильного телефона марки «Айфон». В названном протоколе описаны все произведенные действия, к протоколу приложена фототаблица»¹. Отметим наличие следующих обстоятельств: описаны все действия и приложена фототаблица. Как представляется, даже этот перечень убеждает в избыточности формальных требований.

Однако формализация доказательств, выдвижение в их отношении четких и конкретных требований, особенно при использовании искусственного интеллекта, является критически важным фактором, обеспечивающим надежность и процессуальную состоятельность таких результатов деятельности. Эта высокая технология не способна самостоятельно собирать фактические данные о

¹ Архив Октябрьского районного суда г. Самары. Приговор от 28 марта 2023 г. по делу № 1-19/2023.

события преступления, не может искусственный интеллект (пока!) проводить допрос, обыск, другие следственные действия и оформлять их результаты.

Технически работа искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве (если представить ее упрощенно) выглядит как анализ собранного и загруженного фактического материала, полученного следователем, затем электронное обобщение и выводы. Полученный следователем фактический материал должен отличаться полным соответствием установленным законом критериям, в числе которых процессуальный источник и способ их получения. Оперирование данными, не соответствующими установленным критериям, приведет искусственный интеллект к ошибочным выводам, а следователя к ошибочным решениям.

Соответственно формализация процесса доказывания при использовании искусственного интеллекта не только должна сохраниться, но и в отдельных аспектах усиливаться. И этот вывод подтверждается данными, полученными при опросе следователей, дознавателей, адвокатов, 81 % которых выступает за сохранение такого требования как допустимость доказательств.

Обобщая высказанные соображения о сущности электронных доказательств можем сформулировать следующее определение: *электронные доказательства – это фактические данные, полученные следователем, дознавателем, иным процессуально уполномоченным лицом, имеющие цифровой формат, сохраняемые на технических устройствах, полученные в соответствии с установленным законом правилами и требованиями. Электронные доказательства, также, как и традиционные (аналоговые), должны быть относимыми, допустимыми, достоверными.*

5. *Классификация электронных доказательств.* Сведения, которые имеют в уголовном судопроизводстве электронный формат, могут разграничиваться в зависимости от такого критерия как исходный (первоначальный) способ своего появления. По этому критерию можно выделить следующие виды электронных доказательств:

- оцифрованные фактические данные – аналоговые, перенесенные на цифровые носители (цифровые фотографии вещественных доказательств, следов и др.);
- цифровые фактические данные – не имевшие аналогового формата (цифровая видеозапись следственного действия).

Приведенная выше классификация электронных доказательств имеет самое непосредственное отношение к процессу доказывания.

Как представляется, способы процессуального использования этих двух видов электронных фактических данных существенно отличаются. Оцифрованные доказательства нуждаются даже не в двойной, а тройной проверке своей легитимности: сначала на этапе получения в аналоговом формате, затем на этапе оцифровки (этот процесс не должен привести к искажениям или утрате ценных фактических данных), а также при хранении на цифровых носителях.

Исключительно цифровые данные подтверждают свою процессуальную состоятельность при получении, закреплении и сохранении.

Такая классификация позволяет наглядно представить, насколько упрощается работа с цифровыми данными для следователя, что позволяет высказать гипотезу о возможности большей экономичности цифрового уголовного судопроизводства.

Список использованной литературы:

1. Александров А.С. Русский уголовно-процессуальный догматизм или цифровой мир: что победит? *Юридическая истина в уголовном праве и процессе: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. редк. К.Б. Калиновского, Л.А. Захляпина.* С.-Петербург: ИД «Петрополис»; 2018.
2. Антонова Е.Ю. Технологии искусственного интеллекта – субъект преступления или орудие/средство совершения преступления. *Юридический вестник Кубанского государственного университета.* 2022;(1):31–39. DOI: <https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-31-39>.
3. Афанасьев А.Ю. Системы искусственного интеллекта в механизме уголовно-процессуального доказывания. *Вестник Нижегородской академии МВД*

References:

1. Alexandrov A.S. [Russian criminal procedural dogmatism or the digital world: What will win? Legal truth in criminal law and process]: *materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference / under the general editorship of K.B. Kalinovsky, L.A. Zashlyapina.* St. Petersburg: Publishing House "Petropolis"; 2018. (In Russ.)]
2. Antonova E.Yu. [Artificial intelligence technologies – the subject of a crime or an instrument/means of committing a crime]. *Legal Bulletin of the Kuban State University.* 2022;(1):31–39. DOI: <https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-31-39> (In Russ.)]
3. Afanasyev A.Yu. [Artificial intelligence systems in the mechanism of criminal procedural evidence]. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal*

- России. 2020;49(1):89–95.
4. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости. *Lex Russica (Русский закон)*. 2019;150(5):91–104.
5. Дмитриева А.А., Пастухов П.С. Концепция электронного доказательства в уголовном судопроизводстве. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023;1(1):270–295. DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.11>.
6. Зайцев О.А., Пастухов П.С. Формирование новой стратегии расследования преступлений в эпоху цифровой трансформации. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2019;(46):752–777.
7. Использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде: монография / Д.В. Бахтеев, Е.А. Буглаева, А.И. Зазулин [и др.]. М.: Юрлитинформ; 2022.
8. Мак Гиннис Д.О., Пирс Р.Дж. Великий подрыв: как искусственный интеллект меняет роль юристов в оказании юридических услуг. *Актуальные проблемы экономики и права*. 2019;13(2):1230–1250.
9. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права. *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки*. 2018;22(1):91–109.
10. Рагимов И.М.-оглы, Аликперов Х.Д.-оглы. «Электронные весы правосудия» (цели, возможности, преимущества). *Уголовное судопроизводство*. 2019;(3):8–14.
11. Рамалданов Х.Х. Цифровые доказательства, полученные путем использования систем видео-конференц-связи. *Актуальные проблемы российского права*. 2022;(11):124–131.
12. Россинский С.Б. Доказательства по уголовному делу: требуется ли вносить коррективы в статью 74 УПК РФ. *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра*. 2023;26(2):166–167.
13. Россинский С.Б. О доктринальных подходах к пониманию доказательств по уголовному делу: история и современность. *Lex Russica*. 2023;76(6):57–69. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.199.6.057-069> (In Russ.)
14. Рябова О.В. Проблемы совершенствования положений УПК РФ в части регламентации электронных доказательств. *Юридическая техника*. 2023;(17):657–658.
15. Семенцов В.А. Цифровые технологии в отечественном уголовном судопроизводстве. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;(4):97–105. DOI: <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-97-105> (In Russ.)
16. Склярченко М.В. Искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве: использование новейших компьютерных разработок в апелляции и кассации. *Вестник Московского университета МВД России*. 2021;(3):190–102.
17. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности. *Журнал российского права*. 2018;9:5–16.
- Affairs of Russia*. 2020;49(1):89–95. (In Russ.)
4. Voskobitova L.A. [Criminal proceedings and digital technologies: compatibility problems]. *Lex Russica (Russian law)*. 2019;150(5):91–104. (In Russ.)
5. Dmitrieva A.A., Pastukhov P.S. [The concept of electronic evidence in criminal proceedings]. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023;1(1):270–295. DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.11> (In Russ.)
6. Zaitsev O.A., Pastukhov P.S. [Formation of a new crime investigation strategy in the era of digital transformation]. *Bulletin of the Perm University. Legal sciences*. 2019;(46):752–777. (In Russ.)
7. [The use of artificial intelligence in the identification, disclosure, investigation of crimes and consideration of criminal cases in court] / D.V. Bakhteev, E.A. Buglaeva, A.I. Zazulin [et al.]. M.: Yurlitinform; 2022. (In Russ.)
8. McGinnis D.O., Pierce R.J. [The Great Explosion: how artificial intelligence is changing the role of lawyers in providing legal services]. *Current problems of economics and law*. 2019;13(2):1230–1250. (In Russ.)
9. Ponkin I.V., Redkina A.I. [Artificial intelligence from the point of view of law. *Bulletin of the RUDN. Series: Legal Sciences*. 2018;22(1):91–109. (In Russ.)
10. Rahimov I.M.-ogly, Alikperov H.D.-ogly. ["Electronic scales of justice" (goals, opportunities, advantages)]. *Criminal proceedings*. 2019;(3):8–14. (In Russ.)
11. Ramaldanov H.H. [Digital evidence obtained through the use of video conferencing systems]. *Current problems of Russian law*. 2022;(11):124–131. (In Russ.)
12. Rossinsky S.B. [Evidence in a criminal case: is it necessary to make adjustments to Article 74 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. *Criminology: yesterday, today, tomorrow*. 2023;26(2):166–167. (In Russ.)
13. Rossinsky S.B. [On doctrinal approaches to understanding evidence in a criminal case: history and modernity]. *Lex Russica*. 2023;76(6):57–69. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.199.6.057-069> (In Russ.)
14. Ryabova O.V. [Problems of improving the provisions of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regarding the regulation of electronic evidence]. *Legal technique*. 2023;(17):657–658. (In Russ.)
15. Sementsov V.A. [Digital technologies in domestic criminal proceedings]. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;(4):97–105. DOI: <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-97-105> (In Russ.)
16. Sklyarenko M.V. [Artificial intelligence in criminal proceedings: the use of the latest computer developments in appeal and cassation]. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;(3):190–102. (In Russ.)
17. Khabrieva T.Ya. [Law before the challenges of digital reality]. *Journal of Russian Law*. 2018;9:5–16. (In Russ.)

18. Шереметьев И.И. Использование цифровых технологий при рассмотрении уголовных дел в суде: реальность и перспективы. *Lex Russica*. 2019;150(5):117–132.

19. Big data is here to stay, as it should be. But let's be realistic: It's an important resource for anyone analyzing data, not a silver bullet: Marcus G., Davis E. Eight (No, Nine!) Problems with Big Data, N.Y. *TIMES*; 2014, Apr. 7.

20. Čerka, P., Grigienė, J. & Sirbikytė, G. Liability for Damages Caused by Artificial Intelligence. *Computer Law & Security Review*. 2015;31(3):376–389.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гладышева Ольга Владимировна

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, зав. кафедрой уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Семенов Владимир Александрович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Лошкобанова Яна Валерьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

18. Sheremetyev I.I. [The use of digital technologies in the consideration of criminal cases in court: reality and prospects]. *Lex Russica*. 2019;150(5):117–132. (In Russ.)]

19. Big data is here to stay, as it should be. But let's be realistic: It's an important resource for anyone analyzing data, not a silver bullet: Marcus G., Davis E. Eight (No, Nine!) Problems with Big Data, N.Y. *TIMES*; 2014, Apr. 7.

20. Cherka P., Grigiene J. And Sirbikite G. (2015) Liability for damage caused by artificial intelligence. *Computer Law & Security Review*. 2015;31(3):376–389.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga V. Gladysheva

Dr. of Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of Kuban, Head of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

Vladimir A. Sementsov

Dr. of Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

Yana V. Loshkbanova

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В СИТУАЦИЯХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО РИСКА

Журавков И.А.

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»
(наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литер А, г. Санкт-Петербург, Россия, 191023)

Ссылка для цитирования: Журавков И.А. Особенности деятельности следователя в ситуациях криминалистического риска. Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2024;16(1):100–107. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-100-107>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Журавков Илья Александрович, ассистент кафедры уголовного права и уголовного процесса
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»

Адрес: наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литер А, г. Санкт-Петербург, Россия, 191023

Тел.: +7 (921) 777-73-27

E-mail: zhuravkof@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 05.02.2024

Статья принята к печати: 05.03.2024

Дата публикации: 30.03.2024

Аннотация: *Целью* работы разработка теоретических положений и практических рекомендаций о криминалистическом риске, направленных на повышение эффективности процесса раскрытия и расследования преступлений.

Задачи работы включают в себя исследование термина «криминалистический риск», построение его классификации, анализ условий, влияющих на деятельность следователя (дознателя) в ситуациях криминалистического риска, разработка предложений, направленных на повышение качества предварительного расследования.

Для достижения поставленной цели и решения задач автор использует такие общенаучные и частнонаучные *методы*, как анализ, синтез, системно-структурный, сравнительный, метод ситуационного моделирования и др.

Результаты: разработана классификация ситуаций криминалистического риска, предложена система рекомендаций, направленных на минимизацию негативных последствий основных видов криминалистического риска.

Выводы: необходимо констатировать, что уровень риска в деятельности следователя зависит от многих факторов.

Ключевые слова: криминалистический риск, тактический риск, криминалистическая тактика, следственная ситуация, алгоритм действий следователя.

FEATURES OF THE INVESTIGATOR'S ACTIVITY IN SITUATIONS OF FORENSIC RISK

Ilya A. Zhuravkov

FGBOU VO "St. Petersburg State University of Economics"
(Griboyedov Canal Embankment, 30-32, letter A, St. Petersburg, Russia, 191023)

Link for citation: Zhuravkov I.A. Features of the investigator's activity in situations of forensic risk. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(1):100–107. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-100-107>

CONTACT INFORMATION:

Илья А. Zhuravkov, Assistant of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the FGBOU VO "St. Petersburg State University of Economics"

Address: Griboyedov Canal Embankment, 30-32, letter A, St. Petersburg, Russia, 191023

Tel.: +7 (921) 777-73-27

E-mail: zhuravkof@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 05.02.2024

The article has been accepted for publication: 05.03.2024

Date of publication: 30.03.2024

Annotation: The purpose of the work is to develop theoretical provisions and practical recommendations on criminalistic risk aimed at improving the efficiency of the process of disclosure and investigation of crimes.

The tasks of the work include the study of the term "forensic risk", the construction of its classification, the analysis of conditions affecting the activities of the investigator (inquirer) in situations of forensic risk, the development of proposals aimed at improving the quality of the preliminary investigation.

To achieve this goal and solve problems, the author uses such general scientific and private scientific methods as analysis, synthesis, system-structural, comparative, situational modeling, etc.

Results: a classification of criminalistic risk situations has been developed, and a system of recommendations aimed at minimizing the negative consequences of the main types of criminalistic risk has been proposed.

Conclusions: excessive criminalization in modern criminal legislation entails many negative consequences, and therefore this process should be limited and a more meaningful approach to the transformation of a special part of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: forensic risk, tactical risk, forensic tactics, investigative situation, algorithm of the investigator's actions.

Введение

Понятие «криминалистический риск» было впервые сформулировано более 30 лет назад, однако и в настоящее время в юридической науке не прекращается научная полемика о сущности данного термина, его значении в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

Изучение риска имеет большое значение и для криминалистики, поскольку недостаток информации о расследуемом событии, и в силу этого – невозможность достоверного прогнозирования поведения отдельных участников уголовного процесса, приводит к формированию тактически рискованных следственных ситуаций на всех стадиях досудебного производства¹. Несмотря на отдельные работы по вопросам криминалистического риска, в том числе и зарубежных авторов [15; 16], проблемы рискованности принятия тактико-криминалистических решений в деятельности по расследованию преступлений по-прежнему остаются малоизученными.

Методы исследования

При проведении исследования автором использован диалектический метод, а также современные общенаучные, частнонаучные и специальные методы: системно-структурный, сравнительный, метод ситуационного моделирования и др. В совокупности указанные методы позволили комплексно рассмотреть исследуемый вопрос и предложить собственные пути решения существующих проблем.

¹ Шаталкина Н.А. Тактико-криминалистический риск при расследовании мошенничества, совершенного с использованием служебного положения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2023. С. 3.

Результаты исследования.

Термин «риск», как неопределённое последствие действия лица, имеет межотраслевой характер, что подтверждается его исследованием многими социальными и правовыми науками, но для криминалистики этот термин приобретает особое значение [4, с. 35].

Криминалистические риски – это действие или бездействие по поводу расследуемого преступления, направленное на цель, отягощенную объективной вероятностью недостижения, субъектированное определенным лицом, предполагающий альтернативный вариант (успех или неуспех)¹.

Следует согласиться с мнением А.С. Вражнова, что «криминалистический риск присутствует при расследовании абсолютно всех категорий дел, независимо от их сложности, распространенности и иных факторов» [6, с. 107].

На стадии возбуждения уголовного дела риски особенно актуальны для следственной деятельности, так как на начальном этапе у следователя нет полной информации по материалу, процессуальная недостаточность по определению круга участников, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, существенное ограничение по времени на принятие решений, скорость в проведении ряда следственных и иных проверочных действий для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, особенно в ситуации фактического задержания лица.

Необходимо отметить, что в юридической науке часто используется и такой термин как «тактический риск»² [11; 12; 14]. На наш взгляд, это два понятия не тождественны по следующим основаниям. Во-первых, криминалистический риск является более широким понятием, поскольку тактический риска является лишь одним из его видов. Во-вторых, имеются различия по субъектному составу. К криминалистическому риску помимо следователя (дознателя) могут иметь отношения и иные участники уголовного судопроизводства: суд (судья), эксперт (специалист), сотрудники оперативных подразделений. В-третьих, ситуации тактического риска присущи производству отдельных следственных действий, тактических комбинаций и операций. Криминалистический риск имеет отношение, не только к процессу раскрытию и расследованию преступлений в целом, но, и к этапу судебного разбирательства.

Научная дискуссия

С учетом мнений отдельных ученых [2; 5], анализа судебно-следственной практики считаем возможным классифицировать ситуации криминалистического риска по различным основаниям:

1) по субъектам риска:

– следственные (при принятии решения о выборе следственного действия следователь рискует допустить ошибки при тактике проведения данного действия, выборе и последовательности проверочных и поисковых действий, ошибке вызова круга участников и т.д.; скорость принятия решения о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении может сказаться на гарантиях реализации прав участников; меры принуждения, направленные на подозрение лица и последующее его изобличение могут не только привести к существенному нарушению норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, но и нарушению прав участников и др.);

– экспертные или специалистов (в данном случае риск идет о выборе тактических особенностей оказания содействия следователю при производстве следственных действий, производстве судебных экспертиз, выборе необходимых материалов, упаковок для должного исполнения своих процессуальных обязанностей);

– оперативно-розыскные (в основном эти риски рассматриваются сквозь призму профессиональной деятельности и связаны не только с риском для жизни и здоровья сотрудника при проведении оперативно-розыскных мероприятий (например, оперативного внедрения или оперативного эксперимента и др.), но и с риском возможного причинения вреда охраняемым оперативно-розыскным законодательством объектам)³;

¹ Зорин Г.А. Использование криминалистических игр, инверсий, эффектов и тактических ловушек при расследовании, обвинении и защите по уголовным делам. Учебно-методическое пособие. М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2002. С. 202.

² Князьков А.С. Тактико-криминалистические средства досудебного производства: автореф. дис. ... д-ра юридических наук. Ростов-на-Дону, 2014. 50 с.

³ Закон и оперативно-розыскная деятельность: толковый словарь понятий и терминов, используемых в законодательстве в области оперативно-розыскной деятельности / авт. сост. А.Ю. Шумилов; авт. предисл. П.С. Дмитриев. М.: АВС, 1996. С. 56.

– адвокатские [3; 13] (в данном случае идет риск ошибки в тактике защиты, неоплаты услуг либо оплаты не в полном объеме, введение доверителем адвоката в заблуждение, в связи с чем может быть допущена ошибка в построении линии защиты, ходатайстве не полного объема следственных действий и др.);

– судебные (на предварительном следствии этот вид риска допустим при решении вопроса об избрании меры пресечения или иной меры уголовно-процессуального принуждения; разрешения на производство отдельных следственных действий, либо признания законными (незаконными) результаты следственных действий, требующих судебного разрешения, но проведенных в случаях, не терпящих отлагательства; рассмотрение жалобы на действия (бездействие) следователя, в результате которого следователь был ошибочно отстранен от ведения уголовного дела и т.д.).

– комбинированный риск (под ним мы понимаем систему следственных, оперативно-розыскных, судебных и тактических рисков, которые могут повлиять на формирование системы доказательств, с наличием прогнозных оценок по вероятности достижения поставленной цели – установлению истины по уголовному делу). Мы не согласны с позицией А.Ф. Лубина, Е.Е. Кондратьевой, О.А. Нурутдинова о том, что «риск – это лишь система тех следственных и оперативных действий, которые направлены на формирование системы обвинительных доказательств» [9, с. 4]. Такой подход указывает на узкое (локальное) понимание тактического риска одной из тактических операций – избличение лица, совершившего общественно опасное деяние.

2) По содержанию:

– уголовно-процессуальные [7, с. 242; 10]. Состоят в выборе меры пресечения, иной меры уголовно-процессуального принуждения, определения подследственности и некоторых других. Такой процессуальный риск следует отличать от ошибки, влекущей признание действий следователя незаконными, а полученные доказательства – недопустимыми.

Примерами процессуального риска могут быть, например, риск заключения досудебного соглашения о сотрудничестве на подготовительном или первоначальном этапе с последующим выявлением обстоятельств, исключающих такое соглашение о сотрудничестве (например, рецидив или установление иных отягчающих обстоятельств, изменение подследственности и т.д.).

Так, в рамках предварительного расследования нескольких уголовных дел девять обвиняемых заключили досудебное соглашение о сотрудничестве. Однако, при изучении дел в судебном разбирательстве было установлено, что пять лиц из заключивших соглашение совершили рецидив преступлений; три лица совершили преступление группой лиц по предварительному сговору, когда такой признак отсутствовал в квалифицирующих признаках, что требовало от суда констатировать факт наличия отягчающих обстоятельств; у одного лица была установлена особо активная роль при совершении преступлений. Все 9 участников выполнили полностью действия, указанные в досудебном соглашении о сотрудничестве. Но суд не смог применить при назначении наказания правила ст. 62 УК РФ.

– материальные (риски, допускаемые следователем при квалификации преступного деяния);

– организационно-тактические (риски, которые возникают при выборе тактики производства следственного действия, последовательности принятия процессуальных решений, выборе тактической операции, направленной как на избличение конкретного лица в совершении расследуемого преступления, так и на отработку какой-либо версии; риск выбора алгоритма своих действий в рамках расследования уголовного дела в целом);

– организационно-стратегические (в данном случае важно не ошибиться в направлении проверки имеющихся версий, использовании позитивного посткриминального поведения участника в достижении установления истины по уголовному делу). В рамках некоторых уголовных дел следователь останавливается лишь на приведенной версии подозреваемого и, получив подтверждение малым количеством доказательств, направляет уголовное дело в суд.

3) По субъективной стороне состава риска:

– умышленные;

В этой ситуации следователь осознает, что создает рискованную следственную ситуацию в процессе расследования преступления, предвидит возможность или неизбежность наступления негативных последствий для всестороннего, полного и объективного расследования в разумный срок в случае тактического проигрыша, и не желая таких последствий, предпринимает тактические усилия для многовариантного преодоления возможности их наступления.

В криминалистической литературе выделяют прямой и косвенный умысел следователя на криминалистический риск. Мы согласны, что при таком выделении форм умысла, разграничение между прямым и косвенным основано на волевом элементе: сознательное допущение негативных последствий либо равнодушное к ним отношение. Такое отношение следователя к расследованию может быть лишь в том случае, когда тактический проигрыш не повлечет существенных негативных последствий, а лишь поменяет алгоритм действий следователя в рамках отдельной следственной ситуации. Например, по одному из изученных уголовных дел подозреваемый утверждал о позитивном посткриминальном поведении, обещал являться по вызову к следователю, давал на первый взгляд правдивые показания. Следователь, не проверив должным образом полученную информацию, принял решение об избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении. После чего подозреваемый больше по вызову не являлся. В ходе проведения следственных действий высказанная на допросе подозреваемого версия была опровергнута. Такой тактический проигрыш лишь изменил алгоритм действий следователя, увеличил сроки расследования, потребовал привлечения сотрудников органа дознания для розыскных мероприятий, но не привел к прекращению уголовного преследования.

– Неосторожные.

В криминалистике рискованные действия (бездействие) могут быть рассмотрены по аналогии с уголовным правом в двух направлениях: риск по самонадеянности и риск по небрежности.

При самонадеянности, на наш взгляд, следователь предвидит возможность наступления негативных последствий выбранным тактическим приемом для всестороннего, полного, объективного расследования в разумный срок, но самонадеянно рассчитывает без достаточных на то оснований на их ненаступление, либо своевременное преодоление.

Такое поведение следователя характерно при расследовании однотипных уголовных дел, где лицо задержано в момент совершения преступления, при нем обнаружены и изъяты объекты, имеющие значение для уголовного дела. При допросах следователь, фиксируя лишь стандартную версию происходящего, считает все высказываемые иные как ложные, поэтому выбирает тактику опровержения предоставляемой информации. В силу выбранной тактики в материалах уголовного дела настойчиво доказывается (в основном показаниями участников) лишь единственная версия. Расчет следователя лишь на действия прокурора по поступившему к нему уголовному делу с обвинительным заключением. Если уголовное дело не будет возвращено на дополнительное расследование, то значит негативных последствий не наступило.

При небрежности следователь не предвидит возможности наступления негативных последствий в результате выбранных им тактических действий, хотя при должной внимательности и предусмотрительности он должен был и мог предвидеть такие негативные последствия.

При небрежности следователь должным образом не выстраивает последовательность действий при определенной следственной ситуации, а работает «по шаблону», не обращая внимание на поведение отдельных участников при производстве следственных действий, не анализирует причины дачи ложных показаний и т.д.

Необходимо отметить, что склонность следователя к криминалистическому риску складывается, на наш взгляд, из следующих факторов:

– опыта следственной работы и склонности к риску в целом;

– объема исходных данных;

– наличия творческого подхода к решению поставленных задач;

– количества уголовных дел в производстве на конкретный период времени;

– уровня требовательности и контроля со стороны руководителя следственного органа. Как показывает практика, чем больше контроль за расследованием уголовного дела, тем больше усилий принимает следователь для преодоления возможности наступления негативного последствия или тактического проигрыша;

– особенностей деятельности защитника. Чем больше защитник подает ходатайств, тщательнее смотрит за соблюдением уголовно-процессуального законодательства при производстве следственных действий, тем больше со стороны следователя попыток нейтрализовать даже малейшую возможность получения негативного промежуточного или итогового решения;

– результатов оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление обстоятельств, влияющих на тактику и выбор криминалистического риска;

– поведения участников уголовного судопроизводства. Чем больше участников, являющихся для производства следственных действий, не состоящих на учетах в психоневрологическом и наркологическом диспансерах, дающих правдивые показания, не противоречащие собираемым по делу доказательствам, тем меньше криминалистических рисков выбирает следователь;

– наличия методических рекомендаций и указаний по расследованию конкретного вида преступлений. Если есть алгоритм действий следователя, который утвержден вышестоящим руководителем, признан как практические рекомендации, направленные для получения допустимых доказательств, достаточных для осуществления прокурором уголовного преследования в суде и вынесения справедливого приговора, тем меньше криминалистических рисков. Наличие постановлений Пленума Верховного Суда РФ также уменьшает количество рисков в работе следователя, так как определяет основные особенности, принимаемые во внимание судьями при рассмотрении уголовного дела по существу и вынесении приговора.

Со стороны следователя допустим лишь оправданный, мотивированный криминалистический риск, т.е. риск, который основан на глубоком, всестороннем анализе следственных ситуаций и построении всех возможных версий, тщательно проверяемых в ходе предварительного следствия [1].

Только при наличии следующих условий следователь должен пойти на криминалистический риск:

– уверенность, основанная на материалах уголовного дела, что негативные последствия в результате риска не наступят. Только при достоверно установленной совокупностью собранных доказательств о позитивном посткриминальном поведении следователь может принять решение о применении благоприятных для подозреваемого, обвиняемого норм;

– взвешенность аргументов при соответствующем криминалистическом риске. Например, подозреваемый сообщает в рамках допроса, что готов сотрудничать, участвовать в различных следственных действиях, направленных на изобличение иных соучастников, будет являться по первому требованию к следователю и в суд, полные показания готов давать только после консультации со своим адвокатом. Но при изучении личности участника установлено, что данный подозреваемый ранее был судим, судимость погашена в установленном законом порядке, однако при получении характеристики из колонии общего режима, в которой отбывал наказание участник, установлено, что лицо не приемлет каких-либо сделок с правоохранительными органами, общается с аналогичными осужденными и неоднократно наказывалось за грубое нарушение режима содержания. Такая характеристика из колонии общего режима порождает версию о введении в заблуждения следователя о якобы позитивном посткриминальном поведении с целью скрыться от правоохранительных органов, либо продолжить заниматься преступной деятельностью;

– должный прогноз процесса расследования и результатов возможных последствий, в том числе их многовариантность. В основном это относится к локальным тактическим рискам. Следователь должен стараться определить конкретную цель и пути ее достижения. Например, при желании изобличить подозреваемого во лжи, следователь должен провести большое количество подготовительных действий, достоверно установить факты, которые можно было бы использовать для изобличения участника, выбрать тактическую ловушку, которая, по его мнению, позволит добиться положительного результата. Только при таком условии следователь сможет изобличить участника во лжи и обеспечить изменение поведения подозреваемого, обвиняемого в рамках предварительного расследования;

– готовность нейтрализации негативного промежуточного или конечного решения. Если, например, тактическая ловушка формирования у подозреваемого ошибочного представления о неосведомленности следователя относительно ложности выдвигаемых показаний не сработала, то он должен максимально быстро поменять тактику допроса, а не терять контроль за получаемой информацией.

При адаптации следователя в отношениях, содержащих риск, необходимо достаточно взвешенно подходить к принятию решений, включающих и связанные с риском, чтобы даже минимально допустимый риск с определенной долей неудачи и не нарушающий закон или профессиональную этику, привел к достижению положительных результатов [8, с. 107].

Таким образом, необходимо констатировать, что уровень риска в деятельности следователя зависит от многих факторов. Нами выделяются следующие: опыта следственной работы и склонности к риску в целом; объема исходных данных; наличие творческого подхода к решению поставленных задач; количества уголовных дел в производстве на конкретный период времени;

уровня требовательности и контроля со стороны руководителя следственного органа; участия защитника; результатов оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление обстоятельств, влияющих на тактику и выбор криминалистического риска; поведения участников уголовного судопроизводства; наличия методических рекомендаций и указаний по расследованию конкретной категории уголовных дел.

Только при наличии ряда условий, среди которых можно выделить: уверенность, основанная на материалах уголовного дела, что негативные последствия в результате риска не наступят; взвешенность аргументов; должный прогноз; готовность и достаточность опыта для своевременной нейтрализации негативного промежуточного или конечного решения, следователь может идти на криминалистический риск.

Список использованной литературы:

1. Арсентьева С.С. Проблемы оценки степени риска в следственной деятельности. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2003;5(1):94–98.
2. Арсентьева С.С. Риск как криминалистическая и уголовно-правовая категория. *Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право*. 2017;2(3):46–48.
3. Баев М.О. Риск в деятельности защитника в уголовном судопроизводстве. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*. 2019;39(4):212–219.
4. Бондарь А.Я., Лапша В.Л. Риск в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра*. 2019;12(4):33–39.
5. Вражнов А.С. Криминалистический риск при расследовании неправомерного доступа к компьютерной информации: монография. Москва: Юрлитинформ; 2014.
6. Вражнов А.С. Криминалистический риск: особенности выделения как самостоятельного понятия. *Современное право*. 2011;(2):106–111.
7. Лаврухин С.Я., Комягина Ю.С. Объекты и предмет криминалистики: монография. М.: Юрлитинформ; 2013.
8. Лапша В.Л. Риск как криминалистическая категория, имеющая практическое значение в раскрытии и расследовании преступлений. *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра*. 2021;19(3):105–111. DOI: 10.24412/2587-9820-2021-3-105-111.
9. Лубин А.Ф., Кондратьева Е.Е., Нурутдинов О.А. Общие положения рискологии – теории риска в деятельности по выявлению, расследованию и раскрытию преступлений. *Российский следователь*. 2007;(3):4–6.
10. Соловьева Н.А., Шинкарчук В.М. Уголовно-процессуальный риск: понятие и содержание. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция*. 2014;22(1):40–44.
11. Савельева М.В. Проблемы принятия тактического решения в условиях тактического риска в криминалистике. *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра*. 2021;18(2):95–102. DOI: 10.24412/2587-9820-2021-2-95-102.
12. Чистова Л.Е. Тактико-криминалистические категории: тактическая задача, тактическое решение, тактический риск. *Вестник Московского университета МВД России*. 2019;(2):195–199. DOI: 10.24411/2073-

References:

1. Arsentieva S.S. [Problems of risk assessment in investigative activities]. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2003;5(1):94–98. (In Russ.)]
2. Arsentieva S.S. [Risk as a criminalistic and criminal law category]. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Law*. 2017;2(3):46–48. (In Russ.)]
3. Baev M.O. [Risk in the activity of a defender in criminal proceedings]. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law*. 2019;39(4):212–219. (In Russ.)]
4. Bondar A.Ya., Lapsha V.L. [Risk in crime detection and investigation activities]. *Criminology: yesterday, today, tomorrow*. 2019;12(4):33–39. (In Russ.)]
5. Vrazhnov A.S. [Criminalistic risk in the investigation of unlawful access to computer information]. Moscow: Yurlitinform; 2014. (In Russ.)]
6. Vrazhnov A.S. [Criminalistic risk: features of isolation as an independent concept]. *Modern law*. 2011;(2):106–111. (In Russ.)]
7. Lavrukhin S.Ya., Komyagina Y.S. [Objects and subject of criminalistics]. Moscow: Yurlitinform; 2013. (In Russ.)]
8. Lapsha V.L. [Risk as a criminalistic category of practical importance in the detection and investigation of crimes]. *Criminology: yesterday, today, tomorrow*. 2021;19(3):105–111. DOI: 10.24412/2587-9820-2021-3-105-111 (In Russ.)]
9. Lubin A.F., Kondratieva E.E., Nurutdinov O.A. [General provisions of riskology – the theory of risk in the identification, investigation and disclosure of crimes]. *A Russian investigator*. 2007;(3):4–6. (In Russ.)]
10. Solovyova N.A., Shinkarchuk V.M. [Criminal procedural risk: concept and content]. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence*. 2014;22(1):40–44. (In Russ.)]
11. Savelyeva M.V. [Problems of making tactical decisions in the context of tactical risk in criminology]. *Criminology: yesterday, today, tomorrow*. 2021;18(2):95–102. DOI: 10.24412/2587-9820-2021-2-95-102 (In Russ.)]
12. Chistova L.E. [Tactical and forensic categories: tactical task, tactical decision, tactical risk]. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019;(2):195–199. DOI:

0454-2019-10101.

13. Шавин В.А. Поправки в закон об адвокатуре: возможности и риски для адвоката. *Евразийская адвокатура*. 2020;44(1):32–35.

14. Шаталкина Н.А. Проблемы тактического риска. *Алтайский юридический вестник*. 2022;37(1):126–131.

15. Bin Nayeri, Ali. The Role of Psychological Analysis of the Suspect's Personality in Unravelling the crime Mystery. *Journal of Police and Legal Sciences*. 2022;13(2–2) [сайт]. *Journal of Police and Legal Sciences*; 2024 [обновлено 25 января 2024; процитировано 05 февраля 2024]. Доступно: <https://www.jpsa.ac.ae/journal/vol13/iss2/2>.

16. Jonathan Abel. Cops and Pleas: Police Officers' Influence on Plea Bargaining. *The Yale law journal*. 2024;(6) [сайт]. *The Yale Law Journal*. All rights reserved; 2024 [обновлено 23 января 2024; процитировано 07 февраля 2024]. Доступно: <https://www.yalelawjournal.org/essay/cops-and-pleas-police-officers-influence-on-plea-bargaining>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Журавков Илья Александрович

ассистент кафедры уголовного права и уголовного процесса ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»

10.24411/2073-0454-2019-10101 (In Russ.)]

13. Shavin V.A. [Amendments to the law on the bar: opportunities and risks for a lawyer]. *Eurasian Advocacy*. 2020;44(1):32–35. (In Russ.)]

14. Shatalkina N.A. [Problems of tactical risk]. *Altai Legal Bulletin*. 2022;37(1):126–131. (In Russ.)]

15. Bin Nayeri, Ali. [The role of psychological analysis of the suspect's personality in Unravelling the crime Mystery]. *Journal of Police and Legal Sciences*. 2022;13(2–2) [website]. *Journal of Police and Legal Sciences*; 2024 [published January 25, 2024; published February 05, 2024]. Really: <https://www.jpsa.ac.ae/journal/vol13/iss2/2>.

16. Jonathan Abel. [Cops and pleas: Police Officers' Influence on Plea Bargaining]. *The Yale Law Journal*. 2024;(6) [website]. *The Yale Law Journal*. All rights reserved; 2024 [published January 23, 2024; published February 07, 2024]. Really: <https://www.yalelawjournal.org/essay/cops-and-pleas-police-officers-influence-on-plea-bargaining>.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Илья А. Zhuravkov

Assistant of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the FGBOU VO "St. Petersburg State University of Economics"

ОСОБЕННОСТИ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ВХОДЯЩИХ В ОТРАСЛЕВОЙ ИНСТИТУТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КРИМИНАЛЬНОЕ БАНКРОТСТВО

Потапенко Н.С.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Потапенко Н.С. Особенности составов преступлений, входящих в отраслевой институт уголовной ответственности за криминальное банкротство. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(1):108–114. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-108-114>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Потапенко Николай Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и международного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 428-40-96

E-mail: ns.potapenko@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 08.02.2024

Статья принята к печати: 06.03.2024

Дата публикации: 30.03.2024

Аннотация: Целью настоящей статьи является выявление особенностей составов преступлений, входящих в отраслевой институт уголовной ответственности за банкротство, выступающий элементом комплексного межотраслевого института несостоятельности (банкротства), посредством рассмотрения их уголовно-правовой характеристики.

Исходя из поставленной цели, в задачи исследования входит рассмотрение проблем, связанных с комплексным характером института несостоятельности (банкротства) и его неотъемлемым элементом – отраслевым институтом уголовно наказуемого банкротства, нормы которого предусматривают ответственность за преступления, связанные с банкротством.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, арбитражное судопроизводство, обособленные споры, публичное право, частное право.

FEATURES OF THE ELEMENTS OF CRIMES INCLUDED IN THE BRANCH INSTITUTE OF CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMINAL BANKRUPTCY

Nikolay S. Potapenko

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Potapenko N.S. Features of the elements of crimes included in the branch institute of criminal liability for criminal bankruptcy. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(1):108–114. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-108-114>

CONTACT INFORMATION:

Nikolay S. Potapenko, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Procedure and International Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918) 428-40-96

E-mail: ns.potapenko@gmail.com

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 08.02.2024

The article has been accepted for publication: 06.03.2024

Date of publication: 30.03.2024

Annotation: The purpose of this article is to identify the features of the components of crimes included in the sectoral institute of criminal liability for bankruptcy, which acts as an element of a complex interdisciplinary institute of insolvency (bankruptcy), by considering their criminal characteristics.

Based on this goal, the objectives of the study include the consideration of problems related to the complex nature of the institute of insolvency (bankruptcy) and its integral element – the sectoral institute of criminal bankruptcy, the norms of which provide for liability for crimes related to bankruptcy.

Keywords: bankruptcy, insolvency, illegal actions in bankruptcy, intentional bankruptcy, fictitious bankruptcy, arbitration proceedings, isolated disputes, public law, private law.

Введение

Важность обсуждения вопроса, связанного с особенностями составов преступлений, входящих в отраслевой институт уголовно наказуемого банкротства, связана с тем, что такие преступления являются проявлением экономической преступности. С учетом межотраслевого характера института несостоятельности (банкротства) и бланкетности диспозиций норм, предусматривающих преступления, связанные с банкротством (ст. ст. 172.1, 195–197 УК РФ), весьма актуальным является исследование их уголовно-правовой характеристики.

Наряду с анализом проблем института уголовно наказуемого банкротства, предметом исследования в настоящей статье является правовая природа, содержание и практика реализации правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления, связанные с банкротством (фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации в целях сокрытия признаков банкротства – ст. 172.1 УК РФ, неправомерные действия при банкротстве – ст. 195 УК РФ, преднамеренное банкротство – ст. 196 УК РФ и фиктивное банкротство – ст. 197 УК РФ).

Методы исследования

Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных и специальных методов исследования, в том числе аналитического, формально-логического, сравнительно-правового анализа и системного подхода.

Результаты исследования

Отраслевой институт уголовно наказуемого банкротства как неотъемлемый элемент комплексного межотраслевого института несостоятельности (банкротства) является специализированной юридической конструкцией, включающей в себя совокупность уголовно-правовых предписаний, которые определяют основания уголовной ответственности и пределы наказуемости преступлений, связанных с банкротством.

Статьи 172.1, 195–197 УК РФ, содержащие описание преступлений, связанных с банкротством, и наказаний за них, охраняют единый для них объект преступления – общественные отношения в сфере обеспечения законных интересов участников экономической деятельности, кредиторов – индивидуальных предпринимателей и коммерческих организаций, действующих в процессе процедуры банкротства, которым причиняется вред.

Научная дискуссия

В юридической литературе отмечается, что «действующая концепция правового регулирования банкротства в нашей стране в настоящее время представляет собой всего лишь набор взглядов на конфликты, вызванные неисполнением или угрозой неисполнения должниками

обязательств перед кредиторами, что не соответствует современным условиям хозяйственного оборота» [2, с. 15].

Нами такой подход не разделяется с учетом того, что межотраслевой институт несостоятельности (банкротства) образовался на стыке смежных отраслей права, отличающихся общностью на уровне предмета правового регулирования [5, с. 95]. Этот институт является комплексным, поскольку в его состав входят нормативные правовые акты как частного-правового, так и публично-правового характера, содержащие в себе нормы как частного (гражданского), так и публичного права, включая нормы уголовного права – ст. 172.1 УК РФ, предусматривающую ответственность за фальсификацию финансовых документов учета и отчетности финансовой организации в целях сокрытия признаков банкротства; ст. 195 УК РФ – за неправомерные действия при банкротстве, ст. 196 УК РФ – за преднамеренное банкротство, ст. 197 – за фиктивное банкротство.

В связи с этим могут возникать коллизии между нормами публичного и частного права. Однако для института несостоятельности (банкротства) характерно взаимодействие частнопровых и публично-правовых средств, основанное на использовании общих категорий и понятий, разработанных в теории права, таких как норма права, запреты, разрешения, ответственность и т.д.¹

В этой связи Н.М. Коршунов справедливо обращал внимание на то, что вместо того, чтобы рассматривать взаимопроникновение публичного и частного права, что теоретически возможно, более корректно говорить о развитии комбинированного подхода к регулированию общественных отношений, сочетающего в себе элементы как публично-правового, так и частнопрового регулирования» [4, с. 36].

Н.Р. Кирпичников пришел к обоснованному выводу, что институт несостоятельности (банкротства) отличается многогранностью и комплексностью. Это проявляется не только в самой сути данного института, объединяющего экономические и правовые аспекты, но и в регламентации отдельных правовых категорий, составляющих общую структуру института, а также в балансе между частными и публичными интересами, которые находят свое отражение в рамках данного правового института [2].

Е.А. Дорожинская отмечает, что «правовое регулирование банкротных отношений всегда отличалось межотраслевым характером. В нем изящно сочетаются нормы частного и публичного права, отражая особенный подход к постановке приоритетов регулирования со стороны законодателя» [2].

Действительно, данный подход позволяет достичь гармоничного сочетания элементов частного и публичного права в процессе предотвращения банкротства путем применения комплекса мер, нацеленных на побуждение должника к добросовестному выполнению своих обязательств и восстановлению платежеспособности.

Основным нормативным актом, регулирующим институт несостоятельности (банкротства), является Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»² (далее – Закон о банкротстве), в ст. 2 которого банкротство определено как состояние недостаточности имущества должника для удовлетворения требований кредиторов. Нельзя не отметить, что современный отечественный законодатель в полной мере практически дословно использовал определение известного российского цивилиста Г.Ф. Шершеневича, который в свое время определял банкротство как состояние недостаточности имущества должника для удовлетворения требования кредиторов³.

Переходя к непосредственной уголовно-правой характеристике преступлений, связанных с банкротством, отметим, что термин «несостоятельность (банкротство)», закрепленный в Законе о банкротстве, не содержит в себе слова-синонимы. На самом деле, банкротство – это уголовно-правовая сторона несостоятельности, заключающаяся в том, что неплатежеспособный должник виновно совершает уголовно-наказуемое деяние, причиняющее ущерб кредиторам.

По мнению Г.В. Мальцева, нормативное правовое регулирование тесно связано с институциональным правовым регулированием. Институт, выступая в роли регулятора, обладает

¹ Предпринимательское право Российской Федерации: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. Отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. М.: НОРМА, ИНФРА-М., 2017. § 4 гл. 1 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. 3-е изд. М.: Статут, 2021. С. 150.

гораздо большим влиянием и силой, чем отдельная правовая норма или простой набор норм. Институты позволяют организовать регулирование на качественно более высоком уровне, который недостижим при использовании многих других видов факторного и нормативного регулирования. Благодаря своей комплексной природе, институты обеспечивают более эффективное и всестороннее регулирование в различных сферах общественной жизни [6, с. 396–397].

Отраслевой институт уголовно-правового банкротства как неотъемлемый элемент комплексного межотраслевого института несостоятельности (банкротства) является специализированной юридической конструкцией, включающей в себя совокупность уголовно-правовых «предписаний» [1, с. 51–54; 3, с. 164–168], которые определяют основания уголовной ответственности и пределы наказуемости преступлений, связанных с банкротством.

Данный институт выступает в качестве своеобразного регулятора, определяющего рамки правомерного поведения участников экономических отношений. Он устанавливает четкие пределы, выход за которые влечет применение уголовно-правовых санкций. Таким образом, институт уголовной ответственности за банкротство программирует характер принимаемых решений, задавая вектор развития экономических взаимодействий в правовом русле.

Отсутствие данного института неизбежно привело бы к изменению экономических отношений, поскольку они лишились бы важного охранительного механизма, обеспечивающего соблюдение установленных правил и норм для правомерно банкротства.

Как известно, состав преступления включает в себя объективные и субъективные признаки. К объективным признакам относится объект и объективная сторона преступления, к субъективным – субъект и субъективная сторона. Такая дифференциация позволяет правильно разграничивать и квалифицировать преступные деяния в рамках многоуровневого института банкротства. Установление всех признаков состава преступления необходимо для правильной квалификации деяния и уголовной ответственности.

Статьи 172.1, 195–197 УК РФ, содержащие описание преступлений, связанных с банкротством, и наказаний за них, защищают единый объект преступления. Непосредственным объектом указанных преступлений являются общественные отношения в сфере обеспечения законных интересов участников экономической деятельности, индивидуальных предпринимателей и коммерческих организаций, действующих в процессе процедуры банкротства, которым причиняется вред. Сюда также относятся общественные отношения в сфере реализации установленного порядка признания должника несостоятельным, а также интересов кредиторов, чьи права могут быть нарушены.

К.В. Третьяков верно отмечает, что кредиторская задолженность представляет собой основной инструмент, с помощью которого можно осуществлять контроль за процессом банкротства, включая реализацию имущества заранее определенным лицам и финальные процедуры конкурсного производства [8, с. 95].

Три из четырех преступлений, связанных с банкротством, объединяет общий признак объективной стороны составов. Это крупный ущерб (по сути – кредиторская задолженность), являющийся обязательным признаком трех составов преступлений, предусмотренных ст. 195–197 УК РФ. Согласно примечанию к ст. 170.2 УК РФ, крупным считается ущерб, превышающий 2 250 000 рублей.

Ущербом от преступлений, связанных с банкротством, признается уменьшение имущества должника. Для юридических лиц размер ущерба определяется на дату выбытия имущества (включая его неравноценное или безвозмездное отчуждение). Для кредиторов ущерб исчисляется на более позднюю из двух дат: дату выбытия имущества должника или дату неисполнения имущественных требований кредиторов, установленную законом или договором.

Таким образом, наличие крупного ущерба в установленном размере является ключевым критерием для квалификации деяний по ст. 195–197 УК РФ, объединяющим эти составы преступлений.

Субъекты преступлений, предусмотренных ст. 195, 196 и 197 УК РФ, имеют общие черты. Во всех этих составах субъект является специальным – это вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста, обладающее определенным статусом в юридическом лице или являющееся индивидуальным предпринимателем. Это, в частности, учредители (участники) юридического лица. Под учредителями (участниками) юридического лица как субъектами преступлений, связанных с

банкротством, надлежит понимать только физических лиц, поскольку только они могут нести уголовную ответственность по действующему законодательству [7, с. 51].

Таким образом, для привлечения к ответственности по ст. 195–197 УК РФ необходимо установить, что лицо обладало специальным статусом, позволявшим ему совершить инкриминируемые действия в отношении юридического лица или индивидуального предпринимателя в связи с процедурой банкротства.

Однако, несмотря на определенные сходства в составах преступлений, связанных с банкротством, они, тем не менее, различаются.

Нормы о преступлениях, связанных с банкротством, являются конструкциями бланкетного характера. Так, например, Конституционный суд РФ прямо указал, что ст. 172.1 УК РФ является бланкетной нормой¹.

К объективной стороне преступления, предусмотренного ст. 172.1 УК РФ, относится, как следует уже из ее названия, фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации. Конкретно это внесение в документы и (или) регистры бухгалтерского учета и (или) отчетность (отчетную документацию) заведомо неполных или недостоверных сведений о сделках, обязательствах, имуществе организации, в том числе находящемся у нее в доверительном управлении, или о финансовом положении организации, а равно подтверждение достоверности таких сведений, представление таких сведений в Центральный банк Российской Федерации, публикация или раскрытие таких сведений в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, если эти действия совершены в целях сокрытия предусмотренных законодательством Российской Федерации признаков банкротства либо оснований для отзыва (аннулирования) у организации лицензии и (или) назначения в организации временной администрации.

Здесь следует отметить, что норма в части указания на фальсификацию финансовых документов учета и отчетности финансовой организации в целях сокрытия признаков банкротства (ст. 172.1 УК РФ) является специальной по отношению к ч. 1 ст. 195 УК РФ.

В рамках объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 195 УК РФ, закреплены в качестве уголовно-наказуемых три вида действий:

1) Сокрытие активов в процессе банкротства (ч. 1 ст. 195 УК РФ). Например, индивид имеет на счете в банке значительную сумму средств. Однако, оформляя процедуру банкротства, он умалчивает о существовании этого счета перед судом и арбитражным управляющим.

2) Предпочтение одного кредитора перед другими (ч. 2 ст. 195 УК РФ) заключается в том, что лицо, имея обязательства перед множеством кредиторов, выплачивает полную сумму долга только одному, оставляя остальных без средств.

3) Препятствование деятельности финансового управляющего (ч. 3 ст. 195 УК РФ) становится преступным, если финансовый управляющий запрашивает у должника определённые данные или документы, а последний, имея возможность предоставить запрашиваемую информацию, сознательно её удерживает.

Кроме того, как неправомерные действия при банкротстве может быть квалифицирована любая оспоренная в арбитражном процессе сделка должника, причинившая крупный ущерб кредитору.

Статья 196 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за преднамеренное банкротство.

Объект преступления: общественные отношения в сфере обеспечения финансовых интересов кредиторов и правильного функционирования процессов финансового оборота и кредитования.

Объективная сторона включает в себя намеренные действия должностных лиц или учредителей юридического лица, имеющих долговое обязательство перед кредиторами, направленные на создание или углубление финансовой несостоятельности (банкротства). Это, в частности, искусственное создание долгов, перевод активов на счета других компаний без видимой на то экономической необходимости, прочие действия, ведущие к невозможности удовлетворения требований кредиторов.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яковлева Игоря Валерьевича на нарушение его конституционных прав статьей 172.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 24.02.2022 № 262-О // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Субъект преступления: должностные лица юридического лица или его учредители, то есть лица, имеющие долг перед кредиторами и ответственные за финансовое управление юридического лица.

Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины. Лицо совершает деяние, образующее объективную сторону, с намерением привести юридическое лицо к банкротству, то есть с сознанием общественной опасности своих действий, предвидением возможности или неизбежности наступления преступных последствий и соответствующим отношением к ним.

Преднамеренное банкротство не только наносит ущерб кредиторам, но и подрывает доверие к финансовой системе, что делает его серьёзным преступлением с точки зрения уголовного права.

Статья 197 УК РФ регламентирует состав преступления, известного как фиктивное банкротство, заключающееся в преднамеренном создании обстоятельств, которые приводят к признанию физического или юридического лица банкротом, несмотря на наличие у лица средств или имущества, достаточных для удовлетворения требований кредиторов.

Объект преступления: общественные отношения в сфере нормального осуществления экономической деятельности, в частности, реализации законных интересов кредиторов и нормального функционирования рыночной экономики.

Объективная сторона заключается в преднамеренном создании лицом, имеющим намерение избежать выполнения финансовых обязательств перед кредиторами, видимости банкротства путем искусственного формирования документов о состоянии дебиторской задолженности или иным путем, в то время как у лица есть реальная возможность удовлетворить требования кредиторов.

Преступление совершается умышленно, то есть лицо осознает, что оно создает видимость банкротства, предвидит возможность или неизбежность наступления соответствующих последствий и желает либо сознательно допускает их наступления.

Субъектом преступления может быть индивидуальный предприниматель или должностное лицо юридического лица, либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, имеющее возможность воздействовать на экономическую деятельность организации.

Подводя итоги анализа особенностей содержания составов преступлений, входящих в отраслевой институт уголовно наказуемого банкротства, следует отметить их специфический характер. Эти преступления направлены против установленного порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности, а также против интересов кредиторов в процедурах банкротства.

Ключевой особенностью данных составов является наличие специального субъекта преступления (руководитель или учредитель юридического лица, индивидуальный предприниматель, временный или конкурсный управляющий и др.). Преступления совершаются в сфере экономической деятельности, связанной с процедурами банкротства. Объектом преступлений выступают общественные отношения в сфере обеспечения установленного порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности, а также прав и законных интересов кредиторов. Для преступлений, связанных с процедурами банкротства, характерно наличие специфических способов их совершения (сокрытие имущества, неправомерное удовлетворение имущественных требований отдельных кредиторов и др.).

Преступления, связанные с банкротством, требуют дальнейшего тщательного, более глубокого изучения содержания их составов и правильной квалификации с учетом присущих им особенностей.

Список использованной литературы:

1. Асланян Р.Г. Логическая форма выражения нормативного предписания особенной части уголовного права. *Российский следователь*. 2021;(11):51–54.
2. Законодательство о банкротстве: преемственность и новации: монография / Абдуллаева П.Р., Бандурина Н.В., Воронина Ю.М. и др. Отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М.: Юстицинформ; 2023.
3. Коныхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права: монография. СПб.: Юридический Центр Пресс; 2002.

References:

1. Aslanyan R.G. [The logical form of expression of the normative prescription of a special part of criminal law]. *A Russian investigator*. 2021;(11):51–54. (In Russ.)]
2. [Bankruptcy legislation: continuity and innovations] / Abdullayeva P.R., Bandurina N.V., Voronina Y.M., etc. Ed. S.A. Karelin, I.V. Frolov. M.: Justicinform; 2023. (In Russ.)]
3. Konyakhin V.P. [Theoretical foundations of the construction of the General part of Russian criminal law]. St. Petersburg: Law Center Press; 2002. (In Russ.)]

4. Коршунов Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики: монография. М.: НОРМА-ИНФРА-М; 2011.
5. Мальный А.Ф., Логунова С.А. Институты права и правовые институты в современном российском праве и особенности их формирования. *Образование и право*. 2021;(2):91–96.
6. Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. М.: Норма, Инфра-М; 2011.
7. Морозова Ю.В. Субъекты преступлений в сфере несостоятельности (банкротства). *КриминалистЪ*. 2012;(2(11)):48–52.
8. Третьяков К.В. Фиктивная кредиторская задолженность при банкротстве: уголовно-правовой аспект. *Имущественные отношения*. 2019; (11(218)):94–96.
4. Korshunov N.M. [Convergence of private and public law: problems of theory and practice]. М.: NORMA-INFRA-M; 2011. (In Russ.)]
5. Maly A.F., Logunova S.A. [Institutes of law and legal institutions in modern Russian law and the peculiarities of their formation]. *Education and law*. 2021;(2):91–96. (In Russ.)]
6. Maltsev G.V. [Social foundations of law]. М.: Norm, Infra-M; 2011. (In Russ.)]
7. Morozova Yu.V. [Subjects of crimes in the field of insolvency (bankruptcy)]. *Criminologist*. 2012;(2(11)):48–52. (In Russ.)]
8. Tretyakov K.V. [Fictitious accounts payable in bankruptcy: criminal law aspect]. *Property relations*. 2019; (11(218)):94–96. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Потапенко Николай Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и международного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Author ID: 1231947

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay S. Potapenko

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Procedure and International Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Author ID: 1231947

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ ДЛЯ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ИГОРНОЙ СФЕРЕ

Ханджян К.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Ханджян К.А. Уголовно-правовое противодействие использованию информационно-телекоммуникационных сетей для совершения преступлений в игорной сфере. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(1):115–122. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-115-122>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Ханджян Климент Арменакович, аспирант кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040
Тел.: +7 (918) 383-61-69
E-mail: kliment0829@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 23.01.2024

Статья принята к печати: 22.02.2024

Дата публикации: 30.03.2024

Аннотация: Бурное развитие игорной индустрии, в том числе в онлайн сфере, вызвало необходимость принятия Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». Развитие информационных технологий и их активное внедрение в игорную сферу предложили игрокам простоту, удобство, доступность и конфиденциальность, а организаторам - новые просторы для реализации деятельности, граничащие с уголовной противоправностью. Это привело к возникновению ряда теоретических и практических проблем в сфере правового регулирования такого процесса.

Цель данного исследования заключается в изучении современного состояния уголовно-правового противодействия использованию информационно-телекоммуникационных сетей для совершения преступлений в игорной сфере.

Для достижения обозначенной цели определены следующие **задачи**: определить причины и условия проведения онлайн-казино; сформулировать предложения по совершенствованию законодательства и практики его применения с целью повышения эффективности противодействия незаконным организации и проведению азартных игр в сети «Интернет».

Выводы настоящего исследования заключаются в том, что существующие сегодня уголовно-правовые меры противодействия незаконному игорному бизнесу в сети «Интернет» недостаточно эффективно обеспечивают охрану отношений в игорной сфере, требуются комплексные системные подходы, включающие наряду с уголовными инструментами воздействия, также административные, гражданско-правовые меры, направленные на борьбу с нелегальным геймблнгом.

Ключевые слова: онлайн-казино, игорная деятельность, игорная сфера, игорный бизнес, информационно-телекоммуникационная сеть, уголовно-правовое противодействие.

CRIMINAL LEGAL COUNTERABILITY TO THE USE OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS TO COMMIT CRIMES IN THE GAMING SECTOR

Kliment A. Khandzhyan
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Khandzhyan K.A. Criminal legal counteraction to the use of information and telecommunication networks to commit crimes in the gaming sector. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(1):115–122. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-115-122>

CONTACT INFORMATION:

Kliment A. Khandzhyan, Postgraduate student of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918) 383-61-69

E-mail: kliment0829@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 23.01.2024

The article has been accepted for publication: 22.02.2024

Date of publication: 30.03.2024

Annotation: The rapid development of the gambling industry, including the online sphere, requires innovative legislation, which necessitated the adoption of Federal Law No. 244-FZ of December 29, 2006 "On state regulation of activities for the organization and conduct of gambling and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation". The development of information technologies and their active implementation in the gambling sector offered players simplicity, convenience, accessibility and confidentiality, and organizers - new opportunities for carrying out activities and avoiding criminal liability. This led to the emergence of a number of theoretical and practical problems in the field of legal regulation of such a process.

The purpose of this study is to study the problem of criminal legal counteraction to the use of information and telecommunication networks to commit crimes in the gambling sector.

To achieve the stated goal, the following tasks have been identified: to determine reasons and conditions for running online casinos; formulate proposals for improving legislation and the practice of its application in order to increase the effectiveness of countering the illegal organization and conduct of gambling on the Internet.

The conclusions of this study are that currently only criminal legal means are not enough to effectively combat illegal gambling on the Internet; an integrated systematic approach is required, including not only criminal instruments, but administrative ones within the framework of public administration, civil law, computer and technical measures aimed at combating illegal gambling.

Keywords: online casino, gambling activities, gambling sphere, gambling business, information and telecommunications network, criminal legal counteraction.

«*Alea iacta est*»¹

Юлий Цезарь

¹ Это латинская фраза, которая означает «жребий брошен». Она была произнесена Юлием Цезарем в 49 году до нашей эры, когда он перешел реку Рубикон и начал гражданскую войну. В контексте данной статьи эта фраза указывает на то, что организатор онлайн-казино уже сделал свой выбор и должен нести ответственность за свои действия, включая возможные уголовные последствия, если азартные игры запрещены в определенном государстве.

Введение

Отношение к азартным играм менялось по времени развития самого человечества, но одно оставалось неизменным – это непреодолимый азарт и желание наживы. История регулирования игорного бизнеса знает два пути: запрет и разрешение, однако с появлением информационных технологий появился и третий – смешанный, свойственный и Российской Федерации, где закреплена правовая механизм дозволения организация и проведения азартных игр в специально отведенных игорных зонах и табуирование данной деятельности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (далее – ИТ сети), за одним исключением для прошедших лицензирование букмекерских контор и тотализаторов. В связи с бурным развитием информационных технологий исследование проблематики уголовно-правового противодействия преступлениям в игорной сфере является насущной, поскольку это быстрорастущая индустрия, обрабатывающая миллиарды долларов по всему миру. А использование ИТ сетей как одного из способов организации онлайн-казино способствует уходу от уголовной ответственности владельцев и создателей этих нелегальных ресурсов.

Методы исследования

Методологическую основу настоящего исследования составили философские, общенаучные и специально юридические средства и способы познания. В философскую базу входит всеобщий диалектический метод, позволяющий рассмотреть уголовно-правовые меры противодействия незаконной организации азартных игр в сети «Интернет» как к явлению с разных сторон и разрешить возникающие противоречия. В исследовании также используется системный метод, предполагающий подход к игорной сфере как системы в единстве образующих ее компонентов. Кроме того, в работе применялись частно-правовые методы: историко-правовой, формально-юридический, статистический методы и контент-анализ.

Результаты исследования

В рамках уголовно-правового противодействия использованию информационно-телекоммуникационных сетей для совершения преступлений в игорной сфере возможны следующие меры:

во-первых, конкретизировать непосредственный объект преступления незаконной организации азартных игр в сети Интернет посредством закрепления следующих понятий в федеральный закон от 29.12. 2006 № 244-ФЗ¹: азартной игры с использованием ИТ сетей, онлайн-казино (или электронное казино, или виртуальное казино), игорная деятельность, игорная сфера;

во-вторых, необходимо привлекать и рекламные компании к уголовной и административной ответственности как пособников в незаконной организации азартных игр в сети «Интернет» (ч. 5 ст. 33 ст. 171.2 УК РФ);

в-третьих, необходимо руководствоваться нормативными положениями, закрепленными в ч. 3 ст. 5 ФЗ № 244, закрепляющими определенные условия признания территории Российской Федерации местом осуществления игорной деятельности с использованием ИТ сетей, а не связывая с объективной стороной совершения незаконных организации и проведения виртуальных казино;

в-четвертых, продолжить общую научную уголовно-правовую дискуссию в рамках игорной сферы, направленную на установление уголовной ответственности за мошенничество и вовлечение несовершеннолетних в данную деятельность, разработку, распространение программного обеспечения, связанного с созданием и обслуживанием азартных игр, в том числе с использованием ИТ сетей.

Результатом исследования является также вывод, что в настоящее время недостаточно только уголовно-правовых средств для эффективного противодействия незаконному игорному бизнесу в сети «Интернет». Причиной тому – бланкетность нормы, устанавливающей уголовную ответственность за незаконные организации и проведение азартных игр, которая отсылает к правовому акту, имеющему определенные пробелы и противоречия, а также гражданско-правовую природу, которую необходимо учитывать при конструировании мер противодействия данной противоправной деятельности.

¹ О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 29.12.2006 № 244-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Научная дискуссия

Первый официально открытый игорный дом был в 1626 году в Венеции и назывался «casa» (с итал. – «дом»), отсюда произошло «casino» – «казино» [3, с. 30]. Дальнейшее правовое регулирование данной деятельности складывалось в зависимости от социальной обусловленности, установок правящей элиты и религиозной идеологии. Так, например, в странах исламского мира: Омане, Бахрейне, Кувейте, Иране и других, «маисир» (азартные игры) были полностью запрещены и воспринимались как «происки сатаны».

Порядок законодательного регулирования в сторону легализации тоже видоизменялся, и при этом принцип локализации в России был введен еще в 1761 году Сенатским указом «О запрещении азартных игр и о дозволении играть в дворянских домах для препровождения времени и не на большие суммы в ломберь и прочия тому подобныя игры¹». Тем самым было дозволено играть только в дворянских домах с целью развлечения. Уже одним из принципов игорной деятельности был принцип локализации, то есть возможность организации и проведения азартных игр в строго определенных местах. Сейчас же законодатель пошел по пути расширительного правового регулирования, а именно по принципу зонирования, то есть выделения определенных территорий (субъектов) в пределах которых дозволено открывать игорные заведения.

Голландский историк и теоретик культуры Йохан Хейзинга в своей книге «Homo Ludens» еще писал: «Всякая игра протекает в заранее обозначенном игровом пространстве, материальном или мыслимом.., где имеют силу свои особые правила»² [10, с. 16]. Очевидно, что автор этого утверждения, исследуя универсальность феномена игры, понятие не имел, что данное явление плавно перейдет в виртуальное пространство, которое открывает новые возможности для незаконной организации азартных игр. Первое в мире онлайн-казино было открыто в 1994 году, сервер которого находился в государстве Антигуа и Барбуда, где был принят «Закон о свободной торговле и обработке информации», закрепляющий порядок лицензирования виртуального игорного бизнеса. Так, благодаря островному государству в бассейне Карибского моря получили свое развитие виртуальные азартные игры на базе Интернет-платформ, которые разработала компания Microgaming³.

Согласно статистическим данным⁴, с января по август 2023 года удельный вес противоправных деяний в сфере ИТ сетей в числе всех преступных посягательств возрос до 32,9%, что касается нелегальной игорной деятельности, проводимой с использованием сети «Интернет», то в более чем 80% случаях преступники отдают предпочтение созданию виртуального казино нежели «реальному»⁵.

Можно выделить определенные причины перехода незаконной организации азартных игр на Интернет-платформы. Для простого игрока это: удобство, анонимность, большой выбор игр, безопасность, бонусы и акции и другие⁶. Действительно, онлайн-казино доступны в любое время суток и из любой точки мира, где есть доступ к сети «Интернет», что позволяет, не выходя из дома, играть в рулетку, покер и не тратя денежные средства на поездки в реальные казино. Помимо прочего, многие виртуальные игорные заведения предлагают различные привилегии и акции, которые могут привлечь игроков. Например, это могут быть бесплатные вращения на слотах, бонусы на первый депозит, программы лояльности и т.д. Е.О. Абрамович также выделяет в качестве причины роста преступности в данной сфере последствия коронавирусной инфекции [1, с. 140].

¹ Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Том XV (1758–26 июня 1762) // Российская национальная библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nlr.ru/eres/law_r/search.php?part=67®im=3 (дата обращения: 26.09.2023).

² Хейзинга Йохан. Homo ludens. Человек играющий / Сост., предисл. Х 35 и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; Коммент., указатель Д. Э. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. С. 16.

³ Интернет-казино [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Интернет-казино> (дата обращения: 26.09.2023).

⁴ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–август 2023 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/41741442/> (дата обращения: 26.09.2023).

⁵ Лимарь А.С. Предупреждение преступлений, связанных с незаконными организацией и проведением азартных игр: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 4.

⁶ [сайт]. Online Casinos are Becoming More Popular and Here's Why; 2023 [процитировано 26 сентября 2023]. Доступно: <https://hannaone.com/blog/games-and-recreation/online-casinos-are-becoming-more-popular-and-heres-why.html>.

Для организатора же создание и предоставление услуг виртуального казино с использованием ИТ сетей позволяет привлечь больше игроков, облегчая тем самым доступ к такому игорному заведению. Все что требуется, это девайс с выходом в сеть «Интернет». Кроме того, заслуживает внимания позиция Г.Н. Сериковой, которая утверждает, что «территориальность Интернета – вещь условная» [8, с. 43]. Действительно, для ухода от уголовной ответственности в Российской Федерации достаточно смены географического расположения сервера онлайн-казино в государство, где данная игорная деятельность легализована, а также открытия юридического лица в стране, где закреплен в законодательстве порядок получения специальной лицензии на виртуальное игорное заведение.

Если сопоставить виртуальное казино с игровым заведением, в котором проводятся игры, то оно позволяет пользователям участвовать в азартных играх в онлайн режиме с помощью ИТ сетей. Законодательное определение понятия «информационно-телекоммуникационная сеть» содержится в п. 4 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации¹». Под ней понимается «технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники». Этой дефиницией обязан руководствоваться правоприменитель, поскольку в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 даны разъяснения, касающиеся преступлений, совершаемых с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей, при этом указывается на то, что эти понятия не разграничиваются для целей уголовного законодательства, а сеть «Интернет» является одним из их видов. Доступ же к ИТ сетей может осуществляться посредством различных устройств с использованием браузеров, социальных сетей, мессенджеров и других приложений. Организация и проведение азартных игр в домашних условиях нередко происходит при помощи программ, предназначенных для обмена сообщениями, например, Telegram, где в определенных чатах записываются ходы, сумма депозита и выигрыша, выходные данные участника и условия игры. Данное средство нелегальной организации и проведения азартных игр подпадает под признак «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей», что также подтверждается позицией

Р.Г. Асланяна о том, что «средства находятся в тесной, порой в системной связи со многими, если не всеми признаками состава преступления, определяя их или определяясь ими» [2, с. 48].

Стоит подчеркнуть, что меры противодействия использованию ИТ сетей разделяются в зависимости от сферы правового регулирования. На примере игорной индустрии, борьба с нелегальным виртуальным казино возможна посредством мероприятий, проводимых в рамках государственного управления и закрепленных в ст. 15.8 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в которой отражаются полномочия Роскомнадзора по принятию мер понуждения к исполнению законных требований обладателями иностранных сайтов. Хотелось бы отметить лишь некоторые из них: информирование пользователей, что данный электронный ресурс нарушает законодательство РФ, запрет на рекламирование сайтов, запрет на поисковую выдачу, блокирование сайта, ограничение переводов граждан РФ на счет иностранной организации. Применение приведенных мер позволило бы ограничить поток посетителей онлайн-казино, тем самым организаторы лишаются прежнего объема денежных поступления, иначе говоря, исключается «подпитка» виртуального казино.

Не следует останавливаться только на административных мерах, поскольку игорная бизнес – это, прежде всего, разновидность предпринимательской деятельности, регулирование которой немислимо без гражданско-правовых инструментов. В рамках данной отрасли крайне важно ограничить свободный оборот игрового оборудования, программного обеспечения и перевод их в категорию ограниченных либо изъятых из гражданского оборота товаров.

Как показывают статистические данные и судебная практика, политика противодействия незаконной игорной деятельности «требует системного и комплексного подхода в реализации мер гражданского-правового, административно-правового и, конечно же, уголовно-правового характера» [7, с. 127].

Использование ИТ сетей в игорной сфере вызывает некоторые трудности в уголовно-правовом понимании и определении места совершения преступления.

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Место преступления в случае онлайн-казино может быть определено по-разному в зависимости от конкретной ситуации и обуславливается по месторасположению: во-первых, страны, для пользователей которой создан онлайн-сайт; во-вторых, страны, где имеется доступ к содержимому сайта; в-третьих, страны, в которой был создан сайт [4, с. 381]. Согласно же п. 19 постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 местом совершения преступления с использованием ИТ сетей является «место совершения лицом действий, входящих в объективную сторону состава преступления¹».

Было бы целесообразно руководствоваться положениями ч. 3 ст. 5 ФЗ № 244 «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и ст. 4 ФЗ № 236 «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации», в котором под иностранным лицом, осуществляющим деятельность в сети Интернет на территории Российской Федерации, признается «иностранное лицо, являющееся владельцем информационного ресурса в сети Интернет, доступ к которому в течение суток составляет более пятисот тысяч пользователей, находящихся на территории Российской Федерации, а также при условии, что данное иностранное лицо получает денежные средства от российских физических и юридических лиц²». Закрепляются и другие условия, позволяющие распространить действие этого закона на владельца сайта, даже если он находится за рубежом и сервер не российский.

Особого внимания заслуживает такая мера противодействия, как привлечение рекламных компаний в качестве пособников нелегального онлайн гемблинга. В данной связи интересен опыт криминализации этого деяния в зарубежных странах. Так, например, в ст. 303 УК Бельгии установлена уголовная ответственность за уведомление о проведении лотерей путем извещений, объявлений, афиш или любым иным способом опубликования. При этом в статье есть примечание, освобождающее от наказания при условии разглашения сведений о заказчиках рекламы³. В УК Дании говорится о криминализации содействия занятием азартными играми⁴. В УК Германии установлена ответственность за публичную рекламу азартной игры⁵. Закон об уголовно праве Израиля устанавливает ответственность за распространение извещений о лотереях либо ставках⁶. В пользу криминализации рекламирования игровой деятельности можно привести следующие доводы: увеличение риска развития азартной зависимости у населения, вовлечение несовершеннолетних в данную сферу, привлечение игроков к недобросовестным онлайн-казино, использующими мошеннические методы ведения бизнеса. Чтобы не загромождать Особенную часть уголовного закона дополнительными составами и перегружать судебную практику в данном направлении, необходимо начать реализовывать уголовно-правовой запрет посредством привлечения рекламных компаний как пособников по ч. 5 ст. 33 ст. 171.2 УК РФ.

Немаловажным аспектом при противодействии незаконному игорному бизнесу с использованием ИТ сетей является конкретизация непосредственного объекта преступных посягательств через такие понятия, как «игорный бизнес», «игорная деятельность», «игорная сфера» и «игорная среда». Они тесно взаимосвязаны и относятся к индустрии азартных игр. Так, А.А. Лихолетов полагает, что «игорный бизнес является частным случаем проявления предпринимательской деятельности», в связи с этим совершение единичного действия в рамках ст.

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 01.07.2021 № 236-ФЗ // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

³ Уголовный кодекс Бельгии / пер. с фран. Г.К. Мачковского; науч.ред. и предисл. Н.И. Мацнева. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.

⁴ Уголовный кодекс Дании / Науч. ред.: Беляев С.С.; Пер.: Рычев А. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001.

⁵ Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия. В редакции от 13 ноября 1998 г. по состоянию на 15 мая 2003 г.; перевод с немецкого / пер. Н.С. Рачкова; предисл. Г. Йешек., науч. ред. и вступ. ст. Д.А. Шестаков. СПб., 2003. С. 471–480.

⁶ Закон об уголовном праве Израиля. Издание второе, переработанное и дополненное / предисл. и пер. М. Дорфмана. СПб., 2010. С. 140–141.

171.2 УК РФ не может рассматриваться как игорная деятельность, поскольку отсутствует систематическое извлечение прибыли [6, с. 56].

В этой связи можно определить, что игорный бизнес – это широкое понятие, описывающее коммерческие операции, связанные с азартными играми и включающее следующие множество видов игровых заведений: казино, онлайн-казино, букмекерские конторы, лотереи и другие грани азартной индустрии. Легальная дефиниция данного понятия содержится в ст. 364 Налогового кодекса РФ¹ и определяется посредством предоставления платных игровых услуг и получения прибыли от его участников, напротив, игорная деятельность связана с действиями по участию в азартных играх. Более того, родовым понятием будет являться игорная сфера, под которой подразумевается, что это сектор (отрасль) экономики, связанный с игорным бизнесом и игорной деятельностью в целом. Игорная сфера включает в себя все компании, организации, законодательство и другие аспекты, связанные с азартными играми. Она может варьироваться от местной игорной индустрии до международных азартных рынков. В свою очередь деление игорных заведений осуществляется посредством понятия «игорная среда» – физическое или виртуальное окружение (пространство), в котором происходят азартные игры и в котором игровая деятельность осуществляется. Игорная среда может включать казино, покерные столы, букмекерские площадки, и т.д. Это же понятие позволяет провести разграничение между обычным казино и электронным, которое заключается «в использовании аппаратно-программного комплекса и (или) интернет-ресурса, реализующих возможность организации и проведения азартных игр в режиме реального времени посредством сети «Интернет» и (или) электронных денег и предусматривающих получение выигрыша» [5, с. 58].

В заключении, поддерживая точку зрения Е.В. Стебеновой и Ю.А. Грачёва, которые полагают, что политика противодействия преступлениям в игорной сфере может быть действенной, если «восполнить пробел в области специальной литературы, поднять правовую культуру, профессиональный и технический уровень сотрудников органов внутренних дел» [9, с. 144–145].

Список использованной литературы:

1. Абрамович Е.О. Уголовно-правовая проблематика введения игорных зон как способ регулирования организации и проведения азартных игр. *Теория и практика общественного развития*. 2022;7:138–141. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.7.18>.
2. Асланян Р.Г. Информация как объект и средство совершения преступлений в сфере экономики: вопросы взаимосвязи. *Вестник КРУ МВД России*. 2016;31(1):48–53.
3. Ковтун Е.В., Ковалев С.М. Правовое регулирование игорного бизнеса в зарубежных странах: монография. М.: Аллель-2000; 2006.
4. Котова В.Е. Уголовная ответственность за незаконную организацию и проведение азартных игр посредством сети «Интернет». *Уральский журнал правовых исследований*. 2019;3(4):375–384.
5. Лимарь А.С. Противодействие незаконной игорной деятельности, совершенной с помощью интернет-технологий. *Криминологический журнал*. 2019;(2):58–61.
6. Лихолетов А.А. Законодательные инициативы в сфере противодействия незаконному игорному бизнесу. *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2017;2(41):55–59.
7. Новикова Т.Ю., Евсикова Е.В., Щелкогонова Е.В. Некоторые вопросы теории и практики привлечения к уголовной ответственности за незаконную организацию и проведение азартных игр. *Ученые записки Крымского*

References:

1. Abramovich E.O. [Criminal law problems of the introduction of gambling zones as a way of regulating the organization and conduct of gambling]. *Theory and practice of social development*. 2022;7:138–141. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.7.18> (In Russ.)]
2. Aslanyan R.G. [Information as an object and means of committing crimes in the field of economics: issues of interrelation]. *Bulletin of the KRU of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016;31(1):48–53. (In Russ.)]
3. Kovtun E.V., Kovalev S.M. [Legal regulation of gambling business in foreign countries]. М.: Allel-2000; 2006. (In Russ.)]
4. Kotova V.E. [Criminal liability for the illegal organization and conduct of gambling via the Internet]. *Ural Journal of Legal Research*. 2019;3(4):375–384. (In Russ.)]
5. Limar A.S. [Countering illegal gambling activities committed with the help of Internet technologies]. *Criminological journal*. 2019;(2):58–61. (In Russ.)]
6. Likholetov A.A. [Legislative initiatives in the field of countering illegal gambling]. *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017;2(41):55–59. (In Russ.)]
7. Novikova T.Yu., Evsikova E.V., Shchelkogenova E.V. [Some issues of theory and practice of criminal prosecution for illegal organization and conduct of gambling]. *Scientific notes of the V. I. Vernadsky*

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 26.02.2024) // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

федерального университета имени В. И. Вернадского. *Юридические науки*. 2021;(2):126–140. DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-2-126-140.

8. Серикова Г.Н., Сериков А.Л. Игорный бизнес в России: проблемы и перспективы. *Известия Томского политехнического университета*. 2013;(6):42–46.

9. Стебенева Е.В., Грачёв Ю.А. Анализ современного состояния противодействия незаконной игровой деятельности. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2017;73(1):141–145.

Crimean Federal University. Legal sciences. 2021;(2):126–140. DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-2-126-140 (In Russ.)]

8. Serikova G.N., Serikov A.L. [Gambling business in Russia: problems and prospects]. *Proceedings of Tomsk Polytechnic University*. 2013;(6):42–46. (In Russ.)]

9. Stebeneva E.V., Grachev Yu.A. [Analysis of the current state of countering illegal gambling activities]. *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017;73(1):141–145. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ханджян Климент Арменакович

аспирант кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kliment A. Khandzhyan

Postgraduate student of the Department of Criminal Law
and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State
University"